

Est.
October, 2018

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

URAL JOURNAL

OF LEGAL RESEARCH

1 (22) 2023

В этом выпуске:

Айтекова Д.Г.

Правовое регулирование ИИ в
нормотворческой деятельности
международных организаций и ЕС

Бисултанов Д.Ш., Волкова А.А.

О некоторых аспектах признания и учёта
недееспособных или ограниченно
дееспособных лиц в реалиях
современного гражданского общества

Верхотуров М.Е.

Наследование интеллектуальных прав
в дореволюционной России

Featured:

Dinara G. Aitekova

Legal regulation of artificial
intelligence by international
organizations and the European Union

Deni Sh. Bisultanov, Anastasiya A. Volkova

On some aspects of the recognition and ac-
counting of incapacitated or partially
capable persons in the realities of modern
civil society

Maksim E. Verkhoturov

Inheritance of Intellectual Property in
Pre-revolutionary Russia

Екатеринбург | Yekaterinburg 2023

1(22)
2023

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования | Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education

Уральский государственный юридический университет им В.Ф. Яковлева
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Яценко Ангелина Михайловна

Члены редакционной коллегии:

Авдеева Ольга Алексеевна
Дементьев Данил Ильич
Бурдуков Максим Юрьевич
Казанцева Алина Антоновна
Ларионов Павел Алексеевич
Макарова Анастасия Михайловна
Попова Елена Сергеевна
Пронькина Елизавета Федоровна

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета:

Сергеев Д.Н. – к.ю.н., доц. каф. уголовного права УрГЮУ;

Члены редакционного комитета:

Азаренок Н.В. – к.ю.н., доц. каф. уголовного процесса УрГЮУ;
Васильев А.С. – к.ю.н., доц. каф. гражданского права УрГЮУ;
Козаченко И.Я. – Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф., зав. каф. уголовного права УрГЮУ;
Корте Густаво – доктор наук, директор центра междисциплинар. иссл. (Сан-Пауло, Бразилия);
Лихачев М.А. – к.ю.н., доцент кафедры международного и европейского права УрГЮУ;
Мочалов А.Н. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного права УрГЮУ;
Радостева Ю.В. – к.ю.н., доц. каф. уголовного права УрГЮУ;
Самсон Бенджамин – доктор наук, зам. прокурора г. Манила (Филлиппины);
Ярков В.В. – Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф., зав. каф. гражданского процесса УрГЮУ.

Свидетельство о регистрации:

№ ЭЛ № ФС 77-73574 от 31.08.2018 г.

Адрес редакции:

620137, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 23, оф. 307

Editorial Board:

Chief Editor:

Yatsenko Angelina Mikhailovna

Editors:

Avdeeva Olga Alexeevna
Dementiev Danil Ilyich
Burdukov Maxim Yurievich
Kazantseva Alina Antonovna
Larionov Pavel Alexeevich
Makarova Anastasia Mikhailovna
Popova Elena Sergeevna
Pronkina Elizaveta Fedorovna

Editorial Council:

Editorial Committee Chairman:

Sergeev D.N. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Criminal Law Dep., USLU.

Members of the Editorial Committee:

Azarenok N.V. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Criminal Procedure Dep., USLU
Vasiliev A.S. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Civil Law Dep., USLU;
Kozachenko I.Ya. – Honored Scientist of Russia, Doc. of Jur. Sci., prof., Head of the Criminal Law Dep., USLU;
Gustavo Korte – PhD, Head of the Interdisciplinary Research Center (São Paulo, Brazil);
Likhachev M.A. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the International and European Law Dep., USLU;
Mochalov A.N. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Constitutional Law Dep., USLU;
Radosteva Yu.V. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Criminal Law Dep., USLU;
Samson Benjamin – PhD, Deputy Prosecutor of the Manila (Philippines);
Yarkov V.V. – Honored Scientist of Russia, Doc. of Jur. Sci., prof., Head of the Civil Procedure Dep., USLU.

Registration Certificate:

ЭЛ № ФС 77-73574, 31.08.2018

Address:

620137, Sverdlovsk region, Yekaterinburg,
Komsomolskaya st., 23, off. 307

Содержание:

Айтекова Д.Г. Правовое регулирование ИИ в нормотворческой деятельности международных организаций и ЕС	3
Бисултанов Д.Ш., Волкова А.А. О некоторых аспектах признания и учёта недееспособных или ограниченно дееспособных лиц в реалиях современного гражданского общества	13
Верхотуров М.Е. Наследование интеллектуальных прав в дореволюционной России	19
Ветров Э.П. К вопросу о правовой природе биржевых сделок (биржевых договоров)	30
Кушнарев А.С. О некоторых вопросах участия прокурора в суде первой инстанции	37
Николаев А.С. Проблемы доказывания в спорах о назначении досрочной пенсии по старости	49
Роднёнок А.А., Филимонов А.Д. Реализация в российском уголовном судопроизводстве права на свободу и личную неприкосновенность при заключении под стражу несовершеннолетнего	54
Руф В.С. К вопросу о правовой интеграции новых субъектов в составе Российской Федерации	60
Хомич В.М. Извинительная ошибка или деловой риск в экономической деятельности в качестве обстоятельства, исключающего преступность “злоупотребления” профессиональным правом на риск	66
Шарифулин А.А. Понятие «земельный участок» в свете легализации его определения в Гражданском кодексе Российской Федерации	75
Юрлакова Е.А. Развитие и становление принципа разделения властей как основы конституционного строя РФ	81

Table of Contents:

Dinara G. Aitekova Legal regulation of artificial intelligence by international organizations and the European Union	3
Deni Sh. Bisultanov, Anastasiya A. Volkova On some aspects of the recognition and accounting of incapacitated or partially capable persons in the realities of modern civil society	13
Maksim E. Verkhoturov Inheritance of Intellectual Property in Pre- revolutionary Russia	19
Eduard P. Vetrov To the Question of the Legal Nature of Exchange Transaction (Exchange Contract)	30
Alexander S. Kushnarev On certain issues of the participation of the prosecutor in the court of first instance	37
Aleksey S. Nikolaev Problems of proof in legal disputes about the assignment of early old-age pensions	49
Anastasia A. Rodnenok, Arkadii D. Filimonov Implementation in Russian criminal proceedings of the right to freedom and personal inviolability in the custody of a minor	54
Vladislav S. Ruf On the Issue of Legal Integration of New Subjects Within the Russian Federation	60
Vladimir M. Khomich An excusable mistake or business risk in economic activity as a circumstance precluding the criminality of “abuse” of the professional right to risk	66
Artem A. Sharifulin The Definition of «Land Plot» in Light of the Legalization of Its Definition in the Civil Code of the Russian Federation	75
Elena A. Yurlakova Development and Formation of the Principle of Separation of Powers as the Basis of the Constitutional Order of the Russian Federation	81

1 (22) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 341.1
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_3

Айтекова Динара Гумарбековна

dinara.aitekova@yandex.ru
Студент Всероссийской академии внешней торговли

Научный руководитель:

Латыпова Юлиана Ринатовна
Аналитик Лаборатории исследований интеграции
Института международной экономики и финансов
Преподаватель кафедры международного права
Всероссийской академии внешней торговли

Правовое регулирование искусственного интеллекта в нормотворческой деятельности международных организаций и Европейского Союза

Айтекова Д. Г. / Правовое регулирование
искусственного интеллекта в нормотворческой
деятельности международных организаций и
Европейского Союза // Уральский журнал правовых
исследований. 2023. № 1. С. 3–12. DOI
10.34076/2658_512X_2023_1_3

Аннотация:

Быстро возникающие инновационные системы искусственного интеллекта, несомненно, влияют на все сферы общественных отношений. Со стремительным развитием данных технологий возникает необходимость регламентации их работы. Сегодня существует множественность правового понимания и толкования искусственного интеллекта, его правового положения, возникают новые риски для прав, свобод и законных интересов человека. Настоящая статья направлена на изучение правовых основ создания и использования искусственного интеллекта, которые будут исследованы в международно-правовом контексте, в том числе, с обращением к праву Европейского Союза. Нормативные правовые и нормативные технические нормы отстают от современных тенденций разработки искусственного интеллекта, не соответствуют реалиям, из-за чего создается пробельность в его регулировании. Международно-правовое регулирование искусственного интеллекта также не успевает подстраиваться под новые реалии искусственного интеллекта, оно только начинает формироваться, предпринимаются попытки преодолеть обостряющийся конфликт между стремлением стимулировать развитие искусственного интеллекта и обоснованными опасениями перед возможными рисками и угрозами, связанными с его разработкой и использованием. Уже сейчас определен вектор дальнейшего развития нормативно-правовой базы. По причине новизны общественных отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта, комплексные правовые аспекты феномена искусственного интеллекта и правовые аспекты онтологии и задействования юнитов искусственного интеллекта на фундаментальном уровне в науке почти не исследовались. Для развития технологий искусственного интеллекта необходимо создание нормативной среды, комфортной для развития технологий, основанной на балансе интересов человека, общества, государства, а также компаний-разработчиков и потребителей

УДК 341.1
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_3

Dinara G. Aitekova

dinara.aitekova@yandex.ru
Russian Foreign Trade Academy, Student

Academic Supervisor:

Yuliana R. Latypov
Analyst Lecturer, Integration Research Laboratory
International Law Department Russian Foreign Trade
Academy

Legal regulation of artificial intelligence by international organizations and the European Union

Dinara G. Aitekova/ Legal regulation of artificial
intelligence by international organizations and the
European Union// Ural Journal of Legal Studies. 2023.
No. 1. P. 3–12. DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_3

Abstract:

The rapid emergence of innovative artificial intelligence systems is undoubtedly affecting all areas of society. With the rapid development of these technologies comes the need to regulate their operation. Today there is a plurality of legal understanding and interpretation of artificial intelligence, its legal position, there are new risks for the rights, freedoms and legitimate interests of a person. The present article aims at research of legal bases of creation and use of artificial intelligence, which will be investigated in the context of international law, law of the European Union. Normative legal and normative technical norms lag behind the current trends of artificial intelligence development and do not correspond to the realities, thus creating an increasing gap in its regulation. The international legal regulation of artificial intelligence does not have time to adjust to the new realities of artificial intelligence, it is just beginning to form, attempts are being made to overcome the growing conflict between the desire to stimulate the development of artificial intelligence and justified fears of the possible risks and threats associated with its development and use. The vector of further development of the regulatory and legal framework has already been defined. Because of the novelty of the social relations connected with use of artificial intelligence, legal aspects of the phenomenon of artificial intelligence and legal aspects of ontology and involvement of artificial intelligence units on the fundamental level were almost not investigated in science. For the development of artificial intelligence technologies it is necessary to create a regulatory environment comfortable for the development of technologies, based on the balance of interests of man, society, state, as well as companies-developers and consumers.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, права и свободы человека, Международная организация по стандартизации, Европейский союз, этические, технические и правовые стандарты.

Keywords:

artificial intelligence, human rights and freedoms, the International Organization for Standardization, the European Union, ethical, technical and legal standards.

Единого мнения относительно определения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в науке не сложилось. Существует множество подходов к пониманию ИИ. Первый подход предлагает рассматривать ИИ как разновидность юридического лица и применять по аналогии нормы гражданского права, регулирующие отношения, связанные с участием юридических лиц [1, с. 167], [2, с. 50], [3, с. 66]. Сторонники данного подхода отождествляют «искусственность» юридических лиц и «искусственность» природы ИИ. Однако, по-моему мнению, это абсолютно разные понятия и ставить между ними знак равенства нельзя.

Приверженцы второго подхода утверждают, что искусственный интеллект представляет собой агента, то есть электронное лицо, обладающее субъективными правами и корреспондирующими им обязанностями [4, с. 67], [5, с. 348], [6, с. 63], [7, с. 10]. Однако для реализации этой идеи необходимо разработать соответствующую правовую регламентацию. Это потребует внедрения массива новых норм, касающихся регулирования нового субъекта права, что, вероятно, будет нецелесообразно.

Понятие искусственного интеллекта дает и российское законодательство. Так, впервые нормативно-правовое определение было закреплено Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹. Согласно документу «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». Впоследствии данное определение было также отражено в законодательном акте.²

По-моему мнению, в законодательных нормах дано достаточно широкое определение ИИ, однако вполне понятен мотив, которым руководствовался законодатель: он намеренно расширил понятие с целью охватить возможные новые выражения технологий ИИ. Также характеристики ИИ, перечисленные в определении, носят больше техническую, естественнонаучную природу, но совсем не юридическую.

Как мы видим, определения ИИ, выработанные в юридической литературе, не учитывают специфику ИИ, они всего лишь представляют собой перечисление его технических характеристик.

Необходимо выработать более конкретное определение ИИ, основываясь не только на концептуальном подходе, но и на нормативном, то есть присвоить ИИ соответствующий правовой статус.

1 Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»)/ Официальный интернет-портал правовой информации//URL:<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата обращения: 13.01.2023)

2 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федер. закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.11.2022)

На сегодняшний день еще не выработаны многосторонние международные договоры, закрепляющие общие положения правового регулирования ИИ. Однако существует «мягкое право», специальные документы рекомендательного характера, которые касаются отдельных отношений, связанных с ИИ.

Следует выделить Окинавскую хартию, принятую главами государств и правительств «Группы восьми» 22 июля 2000 года³, которая содержит положения, касающиеся применения информационных коммуникационных технологий, а также положения по вопросам противодействия компьютерной преступности. Она стимулировала дальнейшее формирование нормативной базы в данных сферах. Также представляет интерес Хартия робототехники, действующая на территории стран Европейского союза, которая закрепляет основные этические принципы робототехники.⁴

Относительно этической стороны регулирования ИИ на научно-практической конференции в Калифорнии были сформулированы «Азиломарские принципы искусственного интеллекта». Всего было разработано 23 принципа, которые направлены на создание таких условий, в рамках которых возможно полезное, целесообразное, выгодное и безопасное для человечества применение ИИ во всевозможных сферах жизни общества.

В 2017 году Монреальским университетам была создана Монреальская декларация об ответственности развития искусственного интеллекта. В ней был закреплён получивший широкую известность принцип ответственности развития ИИ, согласно которому лица, работающие в данной сфере, ответственны за возможные риски, потенциально способные возникнуть при разработке, использовании ИИ.⁵

Первый межправительственный стандарт в области ИИ был разработан Организацией экономического сотрудничества и развития в 2019 году. Рекомендации Совета ОЭСР по искусственному интеллекту провозглашают основные принципы развития искусственного интеллекта, которыми должны руководствоваться физические и юридические лица при его разработке, внедрении и эксплуатации.⁶ Они развивают идеи «Азиломарских принципов искусственного интеллекта», но больше ориентируются на правовое регламентирование применения ИИ. Так, в Рекомендациях Совета ОЭСР прописаны положения, закрепляющие верховенство закона, права человека и демократические ценности.

Помимо основных принципов Рекомендации Совета ОЭСР указывают общие предписания для национальных правительств по вопросам развития ИИ. Государство должно обеспечивать благоприятную среду для разработки технологий ИИ, предоставлять гражданам обучаться в этой сфере, не препятствовать международному сотрудничеству. Документ носит декларативный характер, однако должен учитываться при разработке иных международных актов.

Указанные выше принципы были приняты «Большой двадцаткой» и отражены в Заявлении министров экономики данных стран в 2019 году.

3 Окинавская хартия глобального информационного общества от 21 июля 2000 года/СПС «Гарант»// URL: <http://base.garant.ru/2560931/> (дата обращения: 10.09.2022)

4 Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013(INL), включает текст Хартии робототехники/robotrends.ru//URL:<https://robotrends.ru/pub/1725/normy-grazhdanskogo-prava-o-robototekhnike-i-hartiya-robototekhniki> (дата обращения: 10.01.2023)

5 Montreal Declaration Responsible AI/ www.montrealdeclaration-responsibleai.com// URL.: <https://www.montrealdeclaration-responsibleai.com/the-declaration> (дата обращения: 26.10.2022)

6 Recommendation on Artificial Intelligence N OECD/LEGAL/0449: adopted by OECD Council 22.05.2019 // LEGALINSTRUMENTS.OECD.ORG – the official website of OECD.

Для регулирования исследований и разработки в области ИИ необходимы и международные технические стандарты, разработкой которых занимается Комитет по искусственному интеллекту Международной организации по стандартизации (ISO). Среди них важно выделить основополагающий терминологический стандарт «Искусственный интеллект. Концепции и терминология» («Artificial intelligence. Concepts and terminology»), которому должны соответствовать все иные стандарты. В нем указаны, помимо дефиниций и терминов, основные принципы и подходы к нормативно-техническому регулированию ИИ.⁷

Многие стандарты находятся на стадии разработки. Так, например, «Цели и подходы для объяснения моделей ML и систем искусственного интеллекта» («Objectives and approaches for explainability of ML models and AI systems») описывает методы и подходы, используемые для «объяснимости» моделей машинного обучения (ML Model) и систем ИИ.⁸ Документ также содержит рекомендации относительно применимости описанных подходов и методов к поставленным перед системой ИИ целям.

Большинство стандартов разрабатывается Комитетом по искусственному интеллекту, однако некоторые стандарты разрабатываются иными комитетами. Например, стандарты Комитета по робототехнике также касаются вопросов технического регулирования ИИ: стандарт ISO «Требования безопасности для роботов по уходу за больными» («Safety requirements for personal care robots»), устанавливающий требования к безопасности роботов – личных помощников⁹; «Безопасность проектирования промышленных робототехнических систем – часть 1: Концевой захват» («Safety design for industrial robot systems – Part 1: End-effectors») (документ содержит руководство по мерам безопасности при проектировании и интеграции промышленных роботов).¹⁰

Помимо Международной организации по стандартизации (ISO), разработкой стандартов также занимаются Международная электротехническая комиссия (IEC)¹¹ и Международный союз электросвязи (ITU)¹².

ИИ, представляя собой сложный технический комплекс, нуждается не только в техническом регулировании, но и в этическом, и в правовом. Международно-правовое регулирование ИИ находится только на начальной стадии.

Быстрое развитие и увеличение объемов использования ИИ в различных сферах жизни общества оказывает сильное влияние на необходимость формирования международно-правовой основы регулирования ИИ. В настоящее время субъекты международного права занимаются разработкой многих проектов международных договоров и иных актов по ИИ.

7 ISO 22989:2021 «Информационные технологии. Искусственный интеллект. Понятия и терминология искусственного интеллекта» (ISO 22989:2021 “Information technology - Artificial intelligence - Artificial intelligence concepts and terminology”, NEQ)/ www.iso.org //URL: <https://www.iso.org/standard/74296.html> (дата обращения: 12.01.2023)

8 ISO/IEC AWI TS 6254 Information technology – Artificial intelligence – «Objectives and approaches for explainability of ML models and AI systems»/ genorma.com//URL: <https://genorma.com/en/project/show/iso:proj:82148> (дата обращения: 12.01.2023)

9 ISO 13482:2014 Robots and robotic devices – Safety requirements for personal care robots/ www.iso.org //URL: <https://www.iso.org/standard/53820.html> (дата обращения: 12.01.2023)

10 ISO/TR 20218-1:2018 Robotics – Safety design for industrial robot systems – Part 1: End-effectors/ www.iso.org //URL: <https://www.iso.org/standard/69488.html> (дата обращения: 12.01.2023)

11 Международная электротехническая комиссия (IEC)/ iec.ch// URL: <https://www.iec.ch/homepage> (дата обращения: 12.01.2023)

12 Международный союз электросвязи (ITU)/ itu.int //URL: <https://www.itu.int/ru/Pages/default.aspx> (дата обращения: 13.01.2023)

Так, на 40-й сессии Генеральной конференции Специализированного учреждения Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее – ЮНЕСКО) было принято решение о создании первого в истории документа, устанавливающего общие этические принципы, гарантирующие устойчивый и безопасный прогресс ИИ.

С 2019 года велась активная работа над созданием Рекомендаций по этическим аспектам искусственного интеллекта. Процесс формирования занял 2 года. К работе в марте 2020 года присоединились 24 специалиста, обладающих междисциплинарными и плюралистическими экспертными знаниями в области этики искусственного интеллекта. 7 сентября 2020 года первый вариант проекта данного документа был подготовлен специальной группой экспертов.¹³ Однако проект одобрен не был.

Началась работа над вторым проектом Рекомендаций, который претерпел существенные изменения. Данный документ был принят в ходе 41-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, проходившей в Париже с 9 по 24 ноября 2021 года.¹⁴ Рекомендации по этическим аспектам ИИ закрепили ценностные установки об уважении, защите и поощрении прав человека и основных свобод и человеческого достоинства; благополучии окружающей среды и экосистем; обеспечении разнообразия и инклюзивности; о жизни в мирных, справедливых и взаимосвязанных обществах. Также были установлены принципы деятельности ИИ и его использования: соразмерность и не причинение вреда; безопасность и защищенность; справедливость и отказ от дискриминации; устойчивость; право на неприкосновенность частной жизни и защита данных; прозрачность и объяснимость; ответственность и подотчетность; осведомленность и грамотность; многостороннее и адаптивное управление и взаимодействие.

ООН представила Дорожную карту Генерального секретаря по цифровому сотрудничеству в июне 2020 года для решения ряда вопросов, связанных с ИИ и другими цифровыми технологиями, а также с обозначением направлений совместной работы международного сообщества.¹⁵ Дорожная карта основана на рекомендациях, вынесенных Группой высокого уровня по цифровому сотрудничеству в июне 2019 года.

В документе говорится о необходимости более активного глобального сотрудничества в области ИИ, чтобы помочь создать глобальный потенциал для разработки и использования ИИ с целью его надежности, безопасности и устойчивости. В Дорожной карте содержится предложение Генерального секретаря о создании консультативного органа с участием многих заинтересованных сторон по глобальному сотрудничеству в области ИИ для решения вопросов, связанных с включением, координацией и наращиванием потенциала. Обсуждение и консультации по этому предложению при поддержке Канцелярии Посланника Генерального секретаря по технологиям продолжаются.

15 сентября 2021 года Верховный комиссар ООН по правам человека Мишель Башле выступила с докладом, в котором высказалась, что использование ИИ

13 Первый проект рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта N SHS/BIO/ AHEG-AI/2020/4 REV.2: подготовлен 07.09.2020 // UNESDOC.UNESCO.ORG – UNESCO Digital Library website/unesdoc.unesco.org// URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373434_rus (дата обращения: 28.10.2022).

14 Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта/ ifap.ru // URL: <https://ifap.ru/ofdocs/unesco/airec.pdf> (дата обращения: 26.10.2022)

15 Дорожная карта по цифровому сотрудничеству: осуществление рекомендаций Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству A/74/821 – 29 мая 2020 года/ documents-dds-ny.un.org //URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/102/53/PDF/N2010253.pdf?OpenElement> (дата обращения: 29.10.2022)

ведет к серьезным нарушениям прав человека¹⁶. Она призвала членов ООН ввести мораторий на использование систем ИИ, которые не соответствуют нормам международного права.

В пункте 10 Доклада указывается, что согласно Международному пакту о гражданских и политических правах, на государствах лежит не только обязанность не нарушать фундаментальное право человека на неприкосновенность частной жизни («негативная обязанность»), но и «позитивная обязанность» защитить человека от подобных посягательств, а также дискриминации, в пределах своей юрисдикции, в частности, установить надлежащие правовые гарантии и инструменты для их эффективной реализации¹⁷.

Верховный комиссар не предлагает полностью отказаться от использования систем ИИ. Она призывает создать нормативно-правовые акты, обеспечивающую защиту неприкосновенности человека от негативного воздействия ИИ и эффективные средства правовой защиты; создать независимый надзорный орган, контролирующий соблюдение законодательства.

Группа Всемирного банка активно применяет новейшие технологии для решения бизнес-задач. Трастовый фонд «Инновационные технологии для разработки» (DT4D) (The Disruptive Technology for Development (DT4D) Trust Fund) используется для реального тестирования подходов ИИ в решении задач оперативного развития в проектах Всемирного Банка. На данный момент ИИ применяется для управления рисками стихийных бедствий, обслуживания инфраструктуры, прогнозирования кризисов.

В мае 2021 года Группа Всемирного банка опубликовала документ «Использование искусственного интеллекта для развития в эпоху после COVID-19: обзор национальных стратегий и политики в области искусственного интеллекта» (Harnessing Artificial Intelligence for Development on the Post-COVID-19 Era: A Review of National AI Strategies and Policies).¹⁸ В документе исследуются подходы к ИИ в 11 странах, находящихся на разных стадиях цифровой зрелости и экономического развития, сопоставляются инициативы с различными областями политики и определяются инструменты для реализации стратегий ИИ.

По итогам анализа деятельности международных организаций в области регулирования ИИ, можно сделать вывод, что на сегодняшний день международных норм универсального характера пока нет, однако ведутся активные работы над их созданием на базе межправительственных организаций. Однозначного мнения по поводу регулирования ИИ также не сложилось, наблюдаются различные тенденции его развития. Представляя собой сложный технический комплекс технологий, ИИ нуждается в детальном регулировании, охватывающим технические, этические и правовые аспекты.

Наиболее тщательно и основательно разработанное регулирование ИИ предусмотрено законодательством Европейского союза (далее – ЕС) и его стран. При создании нормативных-правовых актов ЕС руководствуется двумя принципами. В первую очередь регулирование должно быть направлено на обеспечение прав

16 Мишель Бачелет призвала ввести мораторий на использование систем искусственного интеллекта/news.un.org//URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/09/1409912> (дата обращения: 12.01.2023)

17 «Международный пакт о гражданских и политических правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН)/ un.org// URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 12.01.2023)

18 World Bank. 2021. Harnessing Artificial Intelligence for Development on the Post-COVID-19 Era: A Review of National AI Strategies and Policies. Analytical Insights. World Bank, Washington, DC. World Bank/openknowledge.worldbank.org//URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/35619> (дата обращения: 12.01.2023).

и свобод человека, его безопасности. Другая цель — содействие социально-экономическому и экологическому благополучию граждан посредством развития науки, бизнеса и инноваций. За несколько лет в ЕС был разработан целый ряд программных документов по развитию ИИ.

Важным документом, повлиявшим на дальнейшее развитие регулирования ИИ в ЕС, является Декларация о сотрудничестве в области искусственного интеллекта, подписанная членами ЕС 10 апреля 2018 года.¹⁹ Для поддержания конкурентоспособности ЕС в документе прописаны намерения членов работать над интегрированным европейским подходом, проводить согласованную национальную политику. Декларация указывает на необходимость решения вопросов обработки «чувствительных» данных, обеспечения неприкосновенности частной жизни и иных социальных проблем.

В программном Коммюнике Европейской комиссии также описана стратегия развития ИИ в ЕС, сформулировано европейское понимание определения искусственного интеллекта.²⁰ Также заявлено о важности создания единого цифрового рынка для устойчивого развития экономики и общества.

Также стоит обратить внимание и на «Руководство по этике для надежного искусственного интеллекта Специальной группы экспертов высокого уровня Совета Европы», изданное 8 апреля 2019 года.²¹ Согласно документу, «заслуживающий доверия искусственный интеллект» должен быть:

- законным – что предполагает соблюдение всех применимых законов и нормативных актов;
- этическим – что предполагает соблюдение этических принципов и ценностей;
- надежным – как с технической точки зрения, так и с учетом его социальной среды.

Также были опубликованы «Политические и инвестиционные рекомендации для надежного искусственного интеллекта», содержащие 33 рекомендации для «заслуживающего доверия искусственного интеллекта».²² Документ рассматривает четыре сферы применения ИИ: люди и общество в целом (раздел А), частный сектор (раздел В), государственный сектор (раздел С) и европейская наука, техника и образование (раздел D).

В 2020 году Европейская комиссия издала «Белую книгу искусственного интеллекта», представляющую собой план по созданию регуляторных норм и требований с целью обеспечения надежного и безопасного развития ИИ. В документе излагаются варианты проведения политики достижения сразу двух целей: содействия внедрению ИИ и устранения рисков, связанных с использованием таких технологий.

20 октября 2020 года был принята Резолюция Европейского парламента о ре-

19 Declaration: Cooperation on AI, Apr. 10, 2018/ perma.cc // URL: <http://perma.cc/F6U4-NV4C> (дата обращения: 29.01.2023)

20 Communication from the European Commission COM (2018)237 «Artificial Intelligence for Europe»/ eur-lex.europa.eu /URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2018%3A237%3AFIN> (дата обращения: 13.01.2023)

21 Ethics Guidelines For Trust Worthy AI//URL: [file:///C:/Users/1234/Downloads/AIHLEG_Ethics Guidelines for Trustworthy AI-ENpdf.pdf](file:///C:/Users/1234/Downloads/AIHLEG_Ethics%20Guidelines%20for%20Trustworthy%20AI-EN.pdf) (дата обращения: 29.11.2022).

22 Policy and investment recommendations for trustworthy Artificial Intelligence//URL: file:///C:/Users/di_19/Downloads/ai_hleg_policy_and_investment_recommendations_54BA36FA-AB4B-FDE5-23A63FBDC792CB19_60343.pdf (дата обращения: 29.11.2022).

жиге гражданско-правовой ответственности для искусственного интеллекта.²³ Резолюция не наделяет правосубъектностью ИИ. Документ устанавливает положения о привлечении к ответственности различных лиц во всей цепочке функционирования ИИ, которые создают, поддерживают ИИ или контролируют риск, связанный с системой ИИ.

21 апреля 2021 года Европейская Комиссия выступила с предложением, имеющим своей целью ограничить использование некоторых систем ИИ, представляющих угрозу правам и свободам человека. Сейчас данный проект регламента находится на рассмотрении.²⁴

Проект регламента предлагает новые требования к стандартизации искусственного интеллекта на основе анализа возможных рисков системы. Согласно данному проекту регламента, системы ИИ следует классифицировать на:

- Системы с недопустимо высоким риском являются «явной угрозой безопасности, средствам к существованию и правам людей», к ним относят систему социального скоринга, применяемую в Китае. Данные системы законопроект предлагает запретить;
- Высокорисковые системы ИИ – системы, применяемые в сферах медицины, образования, профессиональной деятельности (например, биометрическая идентификация, роботизация хирургии, проведение экзаменов и оценка их результатов, скоринг при найме сотрудников), а также системы, применяемые в государственных органах, различных службах и институтах. Данные системы должны находиться под тщательным наблюдением и контролем с возможностью ограничения их использования;
- Системы с умеренным риском – системы, непосредственно взаимодействующие с человеком (чат-боты, роботы). Их использования должно быть разрешено только при соблюдении принципа прозрачности, то есть пользователи должны быть проинформированы о том, что взаимодействуют с системами ИИ;
- Системы с минимальным риском – системы, не представляющие никакого риска правам и безопасности человека (игровые сервисы и спам-фильтры). Данные системы не будут подпадать под регулирование.

Разделение полномочий в вопросах регулирования ИИ между государствами-членами ЕС и надгосударственными органами управления ЕС еще законодательно не предусмотрено. По этой причине проводится комплексное правовое регулирование использования ИИ. Так, с одной стороны Европейской комиссией принимаются стратегические документы и программы, а также «белые книги» по данному вопросу, вместе с тем государствами-членами ЕС принимаются собственные стратегии развития ИИ.

Так, например, французская национальная стратегия, направленная на реализацию плана развития систем ИИ во Франции до 2022 года, содержит основные направления деятельности в этой области:

усиление экосистемы ИИ;

23 European Parliament resolution of 20 October 2020 with recommendations to the Commission on a civil liability regime for artificial intelligence (2020/2014(INL)) URL: <https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0276> (дата обращения: 12.01.2023).

24 Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) And Amending Certain Union Legislative Acts Com/2021/206 final // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206> (дата обращения: 12.01.2023)

формирование нормативных правовых актов, регулирующих вопросы, связанные с ИИ;

формирование этических норм;

обеспечение политики открытости ИИ.

Помимо этого 27 марта 2020 года был принят Декрет об автоматизированной обработке персональных данных, предназначенный для более эффективного разрешения судебными органами споров, связанных с устранением уполномоченными лицами и органами последствий пандемии COVID-19 и привлечения их к ответственности за нарушения, посредством анализа данных системой ИИ.²⁵

Таким образом, в ЕС наблюдается тенденция к более жесткому контролю за разработкой, использованием систем ИИ. Некоторые страны ЕС (Бельгия, Нидерланды, Испания, Финляндия) высказывают опасения по поводу выбранной стратегии регулирования ИИ, выступают с предложением о создании «мягкого права». Как мы видим, правовое регулирование ИИ еще нуждается в согласовании позиций государств-членов ЕС.

Резюмируя, следует признать, что стремительное развитие ИИ стимулирует формирование правовой основы его регулирования. Наблюдается качественное создание технических стандартов, нормативных правовых актов и этических принципов. Однако законодатель находится только в начале пути. Необходимы новые более тщательно проработанные подходы и способы регулирования систем ИИ для преодоления существующего разрыва между скачком в инновационно-технологическом развитии робототехнических, компьютерно-программно-аппаратных технологий и отстающим от него нормативным правовым и нормативным техническим регулированием в этой сфере. Необходимо эффективное правовое обеспечение защиты прав и свобод человека, его безопасности от воздействия искусственного интеллекта. Законодатель, снижая риски применения ИИ, не должен препятствовать его дальнейшему развитию.

К сожалению, с точки зрения юридической науки проблематика регулирования систем ИИ на международном уровне практически не исследована. Это обусловлено относительной новизной общественных отношений, связанных с использованием роботов и ИИ. Большинство правовых публикаций либо являются публицистическими, либо посвящены отдельным правовым проблемам, возникающим в разных отраслях права в связи с развитием ИИ. Хочется верить, что принятие новых договоров, рекомендаций существенно изменит эту ситуацию и привлечет максимально широкий круг ученых-правоведов к исследованию нормативных проблем применения технологий ИИ.

Библиографический список:

1. *Архипов В. В., Наумов В. Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157-170.
2. *Ястребов О. А.* Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права

References:

1. *Arkhipov V. V., Naumov V. B.* (2017). On Some Issues of Theoretical Foundations for the Development of Legislation on Robotics: Aspects of Will and Legal Personality. Law. 5. P. 157-170.
2. *Yastrebov O. A.* (2018). Legal Personality of an Electronic Person: Theoretical and Methodological Approaches. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2. P. 36-55.

25 Decree No.2020-356 of March 27, 2020 for the creation of an automated processing of personal data called "Datajust" // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000041763205> (дата обращения: 12.01.2023)

- РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36-55.
3. *Морхат П. М.* Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2018. № 2. С. 61-73.
  4. *Ирискина Е. Н., Беляков К. О.* Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. № 10. С. 63-72.
  5. *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дисс...д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.
  6. *6. Сесицкий Е. П.* Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами ИИ: дисс... канд. юрид. наук. М., 2018. 218 с.
  7. *7. Гурко А. В.* Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7-18.
  3. *Morhat P. M.* (2018). Artificial Intelligence Unit as an Electronic Person. Bulletin of Moscow State Regional University. Jurisprudence Series. 2018. 2. P. 61-73.
  4. *Iriskina E. N., Belyakov K. O.* (2016). Legal Aspects of Civil Liability for Damage Caused by Actions of a Robot as a Quasi-Subject of Civil-Law Relations. Humanitarian Informatics. 10. P. 63-72.
  5. *Morhat P. M.* (2018). The Legal Personality of Artificial Intelligence in the Field of Intellectual Property Law: Civil Legal Problems: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis. 420 p.
  6. *Sesitsky E. P.* (2018). Problems of Legal Protection of Results Created by AI Systems: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. 218 p.
  7. *Gurko A. V.* (2017). Artificial Intelligence and Copyright: a Look into the Future. Intellectual Property. Copyright and related rights. 12. P. 7-18.

1 (22) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 347.155.5
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_13

Бисултанов Дени Ширваниевич

deni.bisultanov.2014@mail.ru
Студент 2 курса юридического факультета
Санкт-Петербургского юридического института
(филиала) Университета Прокуратуры Российской
Федерации

Волкова Анастасия Александровна

nastvolk676@gmail.com
Студент 2 курса юридического факультета
Санкт-Петербургского юридического института
(филиала) Университета Прокуратуры Российской
Федерации

Научный руководитель:

Тарасевич Ксения Александровна

старший преподаватель кафедры гражданско-
правовых дисциплин Санкт-Петербургского
юридического института (филиала) Университета
Прокуратуры Российской Федерации

О некоторых аспектах признания и учёта недееспособных или ограниченно дееспособных лиц в реалиях современного гражданского общества

Бисултанов Д. Ш., Волкова А. А. / О некоторых аспектах признания и учёта недееспособных или ограниченно дееспособных лиц в реалиях современного гражданского общества // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 1. С. 13–18. DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_13

Аннотация:

Совершенствование различных федеральных источников информации, в том числе, создание новых способствует функционированию различных гражданских процессов, а также предоставляет всем желающим определенные сведения, подлежащие учету и регистрации. На сегодняшний день существует довольно широкий список различных регистров, реестров и кадастров, содержащих в себе сведения, например, о земельных участках, особо охраняемых природных объектах или об юридических лицах. Однако имеется проблема, связанная с недееспособными и ограниченно дееспособными лицами, которая заключается в отсутствии какого-либо обобщенного списка этих лиц. Отсутствие такого реестра порождает большое количество сложностей, возникающих в результате совершения юридически значимых действий недееспособными или ограниченно дееспособными лицами. Авторы данной статьи предприняли попытку обоснования необходимости создания подобного реестра недееспособных и ограниченно дееспособных лиц, который будет способствовать осуществлению принципа должной осмотрительности дееспособных лиц по отношению к контрагенту при осуществлении каких-либо гражданско-значимых действий, чтобы избежать нежелательных последствий. Кроме того, в статье приведено понятие дееспособности лица, а также порядок и основания судебного признания лица недееспособным или ограниченно дееспособным. В качестве обоснования необходимости создания реестра недееспособных и

УДК 347.155.5
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_стп

Deni Sh. Bisultanov

deni.bisultanov.2014@mail.ru
2nd year student of the Faculty of Law St. Petersburg
Law Institute (branch) University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation

Anastasiya A. Volkova

nastvolk676@gmail.com
2nd year student of the Faculty of Law
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian
Federation

Academic Supervisor:

Ksenia A. Tarasevich

Senior Lecturer of the Department of Civil Law
Disciplines St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian
Federation

On some aspects of the recognition and accounting of incapacitated or partially capable persons in the realities of modern civil society

Deni Sh. Bisultanov, Anastasiya A. Volkova / On some aspects of the recognition and accounting of incapacitated or partially capable persons in the realities of modern civil society // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 1. P. 13–18. DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_13

Abstract:

The improvement of various federal sources of information, including the creation of new ones, contributes to the functioning of various civil processes, and also provides everyone with certain information that is subject to accounting and registration. To date, there is a fairly wide list of various registers, registries and cadastres containing information, for example, on land plots, specially protected natural objects or legal entities. However, there is a problem associated with incapacitated and partially capable persons, which is the absence of any generalized list of these persons. The absence of such a register gives rise to a large number of difficulties arising from the commission of legally significant actions by incapable or partially capable persons. In addition, the article considers the concept of a person's legal capacity, as well as the procedure and grounds for declaring a person incompetent or partially incapacitated by a court. As a justification for the need to create a register of incapacitated and partially capable persons, the work considers an example of already existing registers, such as the Unified State Register of Legal Entities and the Unified State Register of Individual Entrepreneurs. This example justifies the practicality and importance of creating registries not only for individuals and legal entities, but also for the state, both as a whole and for individual bodies. On the basis of the studied problem and the considered theoretical provisions, the goal is to create a register of incapacitated and partially capable persons, as well as tasks that need to be solved.

ограниченно дееспособных лиц в работе рассматривается пример уже существующих реестров, таких как Единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) и Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей (далее – ЕГРИП). Данный пример обосновывает практичность и важность создания реестров не только для физических и юридических лиц, но и для государства, как в целом, так и для отдельных органов. На основе изученной проблемы и рассмотренных теоретических положений ставится цель создания реестра недееспособных и ограниченно дееспособных лиц, а также задачи, требующие решения.

Ключевые слова:

реестр, регистрация, дееспособность, недееспособность, ограниченная дееспособность, психическое расстройство.

Keywords:

registry, registration, capacity, incapacity, limited capacity, mental disorder.

В данной статье мы хотим рассмотреть наиболее важные вопросы применения норм о признании граждан недееспособными. Прежде всего, считаем необходимым обратиться к теоретическим основам института гражданской дееспособности и последовательно исследовать:

1. Понятие института гражданской дееспособности.
2. Характерные черты данного института.
3. Основания и порядок признания лица ограниченно дееспособным или недееспособным.

Так, в п. 1 ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) содержится определение гражданской дееспособности, которая представляет собой способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их¹.

В научной литературе понятие «дееспособность» включает в себя возможность совершать сделки (сделкоспособность) и способность нести ответственность за свои действия (деликтоспособность) [1, с. 69]. В первом случае речь идёт о способности субъекта гражданского права приобретать, осуществлять свои права и распоряжаться ими, а также приобретать обязанности и исполнять их, а во втором – о способности физического лица своими действиями создавать права и обязанности для других лиц, а также самому принимать на себя права и обязанности от других лиц [2, с. 146]. Кроме того, некоторые авторы выделяют «бизнес-способность» и «трансдееспособность», то есть способность лица своими действиями создавать для других лиц права и обязанности и его способность принимать на себя права и обязанности в результате действий других субъектов [3, с. 72]. Дееспособность так же, как и правоспособность, является ничем иным, как юридическим состоянием гражданина как субъекта права. При этом, если правоспособность, как правило, одна для всех, то дееспособность по самой своей природе не может быть таковой, поскольку при установлении объёма дееспособности законодатель учитывает интеллектуальные, психические особенности человека.

По общему правилу, возникновение дееспособности физического лица в Российской Федерации в полном объёме обусловлено достижением им 18-летнего возраста. Согласно Семейному кодексу Российской Федерации, гражданин мо-

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ): федер. закон от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. ст.3301.

жет вступить в брак и не достигнув возраста 18 лет². В таком случае с момента регистрации брака он будет считаться полностью дееспособным. И даже, если брак в дальнейшем будет расторгнут, приобретённая дееспособность за ним сохранится. Другим случаем является признание брака недействительным по решению суда: суд может (но не обязан) принять решение об утрате несовершеннолетним супругом полной дееспособности с момента, определяемого судом [4, с. 104]. Эмансипация, сущность которой раскрыта в ст. 27 ГК РФ, предполагает, что несовершеннолетний, достигший возраста 16-ти лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору, в том числе по контракту либо с согласия родителей, усыновителей, попечителя занимается предпринимательской деятельностью. Эмансипированный в полном объёме обладает гражданскими правами и несёт обязанности, он самостоятельно отвечает по обязательствам, которые возникли из-за причинения им вреда. Однако эмансипированные лица обладают правами не в полном объеме. Например, этот запрет распространяется на те права и обязанности, для приобретения которых федеральным законом установлен возрастной ценз, в частности, в сфере оборота оружия³.

Дееспособность гражданина прекращается с момента наступления смерти или признания его в судебном порядке недееспособным. Согласно Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2012 № 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. Б. Деловой»⁴ ряд норм ГК РФ были признаны неконституционными, а именно взаимосвязанные положения ч. 1 и 2 ст. 29, ч. 2 ст. 31 и ст. 32 ГК РФ «постольку, поскольку в действующей системе гражданско-правового регулирования не предусматривается возможность дифференциации гражданско-правовых последствий наличия у гражданина нарушения психических функций при решении вопроса о признании его недееспособным, соразмерных степени фактического снижения способности понимать значение своих действий или руководить ими». Над гражданами, ограниченными судом в дееспособности, устанавливается попечительство. Сделки (за исключением мелких бытовых, иных подобных, прямо указанных в Гражданском кодексе) таких лиц требуют письменного согласия попечителя [5, с.108]. Согласно позиции Конституционного Суда РФ, действующее правовое регулирование указанных отношений не учитывает того обстоятельства, что гражданин, страдающий психическим расстройством и признанный недееспособным, далеко не всегда не в состоянии принимать осознанные самостоятельные решения во всех сферах социальной жизни и совершать юридически значимые действия, в частности, мелкие бытовые сделки, направленные на удовлетворение собственных разумных потребностей и не нарушающие права и законные интересы других лиц. Вместе с тем этот же гражданин, не признанный недееспособным, «остаётся de jure полноценным участником правоотношений, например, в имущественной сфере, что может иметь негативные последствия как для него самого, так и для прав и законных

2 «Семейный кодекс Российской Федерации»: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022)// Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. ст.16.

3 «Об оружии»: федер. закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 51. ст.5681.

4 Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 № 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой»/www.consultant.ru/URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132150/ (дата обращения: 12.01.2023)

интересов его добросовестных контрагентов. Стремление же предупредить подобные ситуации нередко подталкивает суды к признанию недееспособными граждан, чье психическое расстройство не достигает той степени тяжести, при которой они не способны отдавать отчет в своих действиях. Тем самым возможность самостоятельного осуществления гражданских прав для них полностью исключается». При этом КС РФ указывает на такой медицинский критерий, как степень выраженности нарушений психических функций, и рекомендует судам учитывать степень тяжести психического расстройства субъекта при решении вопроса о признании его недееспособным.

Следовательно, в каждом конкретном случае при рассмотрении вопроса о возможности признания гражданина недееспособным необходимо учитывать, во-первых, степень тяжести психического расстройства, которое проявляется в степени выраженности нарушений психических функций, и, во-вторых, влияние психического расстройства на интеллектуальный и (или) волевой уровень данного лица. Иначе говоря, следует установить юридический факт влияния проявлений психического расстройства на человека, а также найти ответ на вопрос, способен ли он понимать значение своих действий и (или) руководить ими, и в какой степени он может это делать. Юридический критерий необходимо оценивать исходя из степени нарушения способности субъекта понимать значение своих действий и (или) руководить ими в конкретных сферах общественных отношений, регулируемых нормами гражданского права. Однако бывают случаи, когда человек снова может быть признан дееспособным.

На наш взгляд, создание реестра недееспособных и ограниченно дееспособных лиц (далее – Реестр) сможет решить основные проблемы, которые возникают при взаимодействии с вышеуказанными лицами. В качестве основной и часто встречаемой проблемы необходимо выделить совершение сделок с недееспособными или ограниченно недееспособными лицами.

Как известно, XXI век – век информационных технологий. Развитие информационной сферы оказало огромное влияние на все сферы жизнедеятельности международного сообщества, частью которого является и Российская Федерация. Сегодня информационные технологии задействованы везде: в науке, образовании, культуре, экономике, транспорте, социальных структурах, государственном управлении и т. д.

Особый интерес для данной статьи представляет цифровизация сферы государственного управления. Бесспорен тот факт, что Российская Федерация является одним из лидеров в вопросе цифровизации сферы государственного управления⁵. Доказательством данного факта служит, например, появление в 2009 году Федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», а также иных электронных ресурсов: ЕГРЮЛ, ЕГРИП и т. д.

Несмотря на значительные успехи в процессе внедрения современных цифровых технологий в сферу государственного управления, существует необходимость её совершенствования. С каждым годом всё более ощущается потребность в создании Реестра, задача которого заключается в том, что он соберёт в себе воедино достоверную и актуальную информацию о факте признания того или иного человека недееспособным или ограниченно дееспособным с целью обеспечения всех заинтересованных лиц оперативным доступом к ней⁶. Данная по-

5 Россия вошла в топ-10 стран по цифровизации госуправления/ digital.gov.ru // URL: https://digital.gov.ru/events/42223/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 08.02.2023).

6 Реестр недееспособных лиц: что это и чем он будет полезен/ tass.ru // URL: <https://tass.ru/obschestvo/8117731> (дата обращения: 08.02.2023).

требность возникла в связи с тем, что доступ к информации о дееспособности человека есть только у ограниченного круга лиц. К примеру, участник сделки только с помощью нотариуса сможет убедиться, что вторая сторона договора дееспособна (ст. 43 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате)⁷. А если сделка совершается в простой письменной форме, факт дееспособности в принципе не проверяется. Такая ситуация благоприятствует возникновению большого количества гражданско-правовых споров, связанных с неправомерным заключением сделки недееспособным или ограниченно дееспособным лицом. В связи с этим появление такого Реестра значительно снизит количество подобных ситуаций.

Так, сделка, в которой одна из сторон является лицом недееспособным, будет признана ничтожной в соответствии с п. 1 ст. 171 ГК РФ. Если же лицо является ограниченно дееспособным, то сделка в соответствии с п.1 ст. 176 ГК РФ будет являться оспоримой. При этом каждая из сторон такой сделки обязана возвратить другой все полученное в натуре, а при невозможности возвратить полученное в натуре – возместить его стоимость. Тем не менее, в интересах гражданина, признанного недееспособным вследствие психического расстройства, согласно п. 2 ст. 171 ГК РФ, совершённая им сделка может быть по требованию его опекуна признана судом действительной, если она совершена на выгодных для этого гражданина условиях. То есть лицо, совершая сделку с контрагентом, о состоянии дееспособности которого ему ничего не известно, неумышленно обременяет себя продолжительным судебным разбирательством, финансовыми издержками и неблагоприятными последствиями признания сделки недействительной. Однако при существовании Реестра лицо имело бы возможность проверить своего контрагента, узнать, имеются ли сведения о его недееспособности или ограниченной дееспособности. Таким образом, лицо предприняло бы все действия в рамках должной осмотрительности и избежало бы вышеуказанной ситуации.

Следовательно, можно сделать вывод, что целью Реестра является сокращение количества сделок и иных юридически значимых действий с недееспособными и ограниченно дееспособными лицами. Также данной цели сопутствуют несколько задач, которые предполагается решить в связи с созданием данного федерального информационного ресурса. Например, будет снижена нагрузка на судебную систему путём уменьшения количества деликтов, возникающих из-за совершения сделок с указанными лицами. Кроме того, уменьшение количества таких деликтов поспособствует росту производительности судебной системы. Ещё одной немаловажной задачей, решение которой планируется обеспечить посредством создания Реестра, является развитие электронного документооборота в Российской Федерации, имеющий большое количество преимуществ по сравнению с бумажным.

В Российской Федерации сегодня уже существует довольно богатый опыт ведения различных реестров. В качестве примера можно привести уже упомянутые ранее ЕГРЮЛ и ЕГРИП. Необходимость существования данных информационных ресурсов обуславливается как государственной, так и общественной потребностью в наличии учёта всех юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые создаются на территории Российской Федерации. ЕГРЮЛ и ЕГРИП предоставляют возможность свободного доступа к сведениям о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, соответственно. Предоставление информации в указанных реестрах даёт возможность, напри-

7 «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023)// Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. 1993. № 10. ст. 357.

мер, потенциальному работнику ознакомиться с достоверной информацией о работодателе. Помимо этого, реестровые сведения позволяют лицам действовать по отношению к своим контрагентам в рамках доктринального гражданско-правового принципа должной осмотрительности, например, в процессе совершения сделок с недвижимостью. Также следует указать на значимость данных реестров при формировании базы субъектов, облагаемых налогами, и при осуществлении иной деятельности государства и его органов.

Ведение ЕГРЮЛ и ЕГРИП осуществляется Федеральной Налоговой Службой, в порядке, закрепленном Федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», а также Приказом Минфина России от 30.10.2017 № 165н «Об утверждении Порядка ведения Единого государственного реестра юридических лиц и Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей, внесения исправлений в сведения, включенные в записи Единого государственного реестра юридических лиц и Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей на электронных носителях, не соответствующие сведениям, содержащимся в документах, на основании которых внесены такие записи (исправление технической ошибки), и о признании утратившим силу приказа Министерства финансов Российской Федерации от 18 февраля 2015 г. № 25н».

Сложно переоценить значимость создания различных реестров. Упомянутые примеры доказывают необходимость и практичность реализации подобных информационных государственных ресурсов.

Таким образом, мы рассмотрели основные положения о дееспособности, а также порядок и основания признания лица недееспособным или ограниченно дееспособным. На наш взгляд, необходимость создания реестра, где будут содержаться сведения о недееспособных или ограниченно дееспособных лицах, является очевидным фактом. Подтверждением практичности и полезности таких реестров являются ЕГРЮЛ и ЕГРИП, без которых сегодня сложно представить осуществление каких-либо юридически значимых действий с участием юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Следовательно, благодаря подобному Реестру удастся избежать множества деликтов и снять часть нагрузки с органов судебной системы Российской Федерации. Существование Реестра также будет способствовать совершенствованию электронного документооборота в Российской Федерации. Поэтому в целях извлечения из функционирования Реестра практической пользы для участников гражданского оборота и государства необходимо создать его уже в ближайшем будущем.

Библиографический список:

1. Суханова Э. П. Правоспособность и дееспособность физического лица в гражданском праве // Символ науки: международный научный журнал. 2018. № 4. С. 69-71.
2. Величко Т. В., Зинченко А. И., Зинченко Е. А., Свечникова И. В. Гражданское право. Схемы, таблицы, тесты: учебное пособие для вузов. – М.: Юрайт, 2020. 482 с.
3. Красавчиков О. А. Советское гражданское право: учебник в 2-х томах. Том 1. – М.: Высшая школа, 1985. 544 с.
4. Гражданское право: учебник в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2020. 1040 с.
5. Гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 1 / под ред. Б.М. Гонгало. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. 511 с.

References:

1. Sukhanova E. P. (2018). Legal Capacity and Legal Capacity of an Individual in Civil Law. Symbol of science. 4. P. 69-71.
2. Velichko T. V., Zinchenko A. I., Zinchenko E. A., Svechnikova I. V. (2020). Civil law. Schemes, tables, tests: a textbook for universities. Moscow: Yurayt, 482 p.
3. Krasavchikov O. A. (1985). Soviet Civil Law: a textbook in 2 volumes. Volume 1. Moscow: High school. 544 p.
4. Sergeeva A. P. (ed.). (2020). Civil law: textbook: in 3 vol. V. 1. Moscow: Prospekt. 1040 p.
5. Gongalo B.M. (ed.). (2017). Civil law: textbook: in 2 vol. V. 1. Moscow: Statute. 511 p.

УДК 347
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_19

Верхотуров Максим Евгеньевич

maksim.verkhoturov98@mail.ru
Магистрант Юридического факультета
Московского государственного университета им.
М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

Козлова Наталия Владимировна

Профессор кафедры гражданского права
Московского государственного университета им.
М.В. Ломоносова, Доктор юридических наук

**Наследование
интеллектуальных прав в
дореволюционной России**

Верхотуров М. Е. / Наследование интеллектуальных прав в дореволюционной России // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 1. С. 19–29.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_19

Аннотация:

Проблематике наследования интеллектуальных прав всегда уделялось не очень большое внимание на страницах юридической печати, а изучением исторической ретроспективы данной области так вообще практически никто не занимался. Как представляется, это связано с тем, что право интеллектуальной собственности является довольно молодой подотраслью гражданского права, по сравнению с правом наследственным, известным с древнейших времён. Длительность существования наследственного права связана с особым значением не только для отдельного индивида, но и для общества в целом. Ни для какого учёного не секрет, что именно на стыке правовых материй возникают проблемы как правопонимания, так и правоприменения, для решения которых неизбежно приходится обращаться и к исторической стороне вопроса. Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении и осмыслении основных тенденций и закономерностей формирования института наследования интеллектуальных прав с учётом правовой природы последних, начиная с этапа его развития в дореволюционной России. Проведена работа по анализу эволюции комплексного научного представления о регулировании наследования интеллектуальных прав, позволяющая уяснить юридическую сущность и специфику в данной сфере. Отмечено, что правовая регламентация наследования интеллектуальных прав непременно связана прочной нитью с процессами признания за авторами и изобретателями определённых прав, нуждающихся в соответствующей защите, а также с некоторыми историческими особенностями. Центральное влияние на юридические конструкции в области наследования интеллектуальных прав оказывает доминирующие доктринальные концепции, по-разному обосновывающие правовой режим результатов творческой деятельности.

Ключевые слова:

наследование, наследование интеллектуальных прав, интеллектуальная собственность, авторское право, патентное право.

УДК 347
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_19

Maksim E. Verkhoturov

maksim.verkhoturov98@mail.ru
M.V. Lomonosov Moscow State University
Faculty of law

Academic Supervisor:

Natalia V. Kozlova

Professor of Civil Law department
M.V. Lomonosov Moscow State University
Doctor of Juridical Sciences

**Inheritance of Intellectual
Property in Pre-revolutionary
Russia**

Maksim E. Verkhoturov 'Inheritance of intellectual property in pre-revolutionary Russia', Ural Journal of Legal Research, 2023, No. 1. pp. 19–29.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_19

Abstract:

The problem of inheritance of intellectual property rights has always received not much attention in the legal press, and the study of the historical retrospective of this area has not been studied at all. It seems that this is due to the fact that intellectual property law is a rather young sub-branch of civil law, compared to inheritance law, known since ancient times and the duration of the existence of which is associated with a special importance not only for an individual, but also for society as a whole. It is no secret for any scholar that it is at the junction of legal matter that the problems of both legal understanding and law enforcement arise, for the solution of which it is inevitable to refer to the historical side of the issue. The purpose of this article is to consider and comprehend the main tendencies and regularities of formation of the institute of inheritance of intellectual rights, taking into account the legal nature of the latter, starting from the stage of its development in pre-revolutionary Russia. The work to analyze the evolution of a comprehensive scientific understanding of the regulation of inheritance of intellectual property rights, which allows to understand the legal essence and specificity in this area. It is noted that the legal regulation of inheritance of intellectual rights is necessarily connected by a strong thread with the processes of recognition of authors and inventors of certain rights in need of appropriate protection, as well as with some historical features. The central influence on the legal constructions in the field of inheritance of intellectual rights has a dominant doctrinal concepts that differently justify the legal regime of the results of creative activity.

Keywords:

inheritance, inheritance of intellectual property, intellectual property, copyright, patent law.

Институт наследования интеллектуальных прав начал зарождаться и развиваться одновременно с возникновением необходимости защищать права авторов, изобретателей, и с появлением в связи с этим общего законодательства в указанной области. В течение XIX века первые юридические нормы в России об интеллектуальных правах, которые приравнивали результаты творческой деятельности к обычной собственности, так или иначе касались вопросов их наследования, поскольку, как и всякое имущество, оно подлежало переходу в порядке универсального правопреемства от умершего автора или изобретателя к его наследникам.

Искать истоки, закономерности формирования интеллектуальных прав, а тем более положений об их наследовании в Древней Греции и в Древнем Риме и обосновывать их влияние на Россию довольно бессмысленно, т.к. в соответствующих периодах для их становления не было никаких предпосылок [1, с. 69-73; 2, с. 58; 3, с. 133; 4, с. 174-186; 5, с. 2-4]. Последующий этап привилегий, даруемых правительством издателям (реже – авторам) и изобретателям отдельно по каждому случаю, также комплексно не касался вопросов наследования субъективных прав авторов на их собственные творения. И.Г. Табашников отмечал, что по отношению к авторскому праву: «привилегии и их перипетии не нашли себе в нашем государстве никакой пищи: круг наших читателей был до того тесен, а количество литературных тружеников до того незначительно, что контрафакция не могла найти себе здесь сколько-нибудь благодарного поприща... Того именно, что в Западной Европе носило название привилегии на книги, т.е. обеспечение автора или издателя от произвольных перепечаток, Россия не знала» [4, с. 345]. Поэтому изложение материала о развитии законодательства о наследовании интеллектуальных прав следует начать именно с первых отечественных законов в этой области, последовательно разбив их на соответствующие разделы в зависимости от вида объекта интеллектуальной собственности (произведение, изобретение).

Авторское право

Первым актом в дореволюционной России, закрепившим права авторов на их собственные произведения, принято считать Цензурный устав от 22.04.1828 г.¹, а именно его пять статей (§§ 135 – 139), в которых и был сформирован основной фундамент всех последующих законов об авторском праве. § 135 Цензурного устава устанавливал: «каждый сочинитель или переводчик книги имеет исключительное право пользоваться всю жизнь своим изданием и продавать его по своему усмотрению, как имущество благоприобретённое». Стоит отметить, что «исключительное право» по Цензурному уставу, по своей сущности, не являлось исключительным в современном понимании, а приравнивалось к праву собственности, что подчёркивалось в дореволюционной литературе [1, с. 113; 4, с. 166-174] и выводилось из смысла законодательства. Это было вполне закономерным явлением в условиях доминирующей французской проприетарной концепции, которая так или иначе, оказала своё влияние и на Россию [6, с. 5-7]. Основную причину такого приравнивания следует искать в необходимости на уровне закона гарантировать за обладателем этого права наиболее полную свободу использования и распоряжения принадлежащего ему произведения или изобретения, и категория права собственности для этого подходила как нельзя лучше. Какой-то новой юридической формы в виде тех же интеллектуальных (исключительных) прав, на уровне доктрины в то время ещё не сформировалось. Между тем такой подход к авторскому праву закономерен в советское время под-

1 Полное собрание законов Российской империи // Собрание 2-е. Т. 3. -Спб., 1830. С. 475.

вергался критике, поскольку он «соответствовал сущности мирозерцания буржуазии» [7, с. 356]. Более того, сам термин «исключительное право» представлял собой пример рецепции отечественным законодателем положений первых зарубежных актов об авторском праве (ст. 2 Статута королевы Анны от 10.04.1710 г.², ст. 1 Закона об авторском праве США от 31.05.1790 г.³, ст. 1 Закона Франции о литературной и художественной собственности от 19.07.1793 г.⁴). В общем и целом, авторское (исключительное) право стояло в одном ряду с правом собственности, но со специальным регулированием и определёнными особенностями. Последующий § 136 как раз и закрепил одну такую особенность в виде ограниченного срока охраны авторского права, которое может переходить по наследству: «законные наследники сочинителя пользуются также исключительным правом издания и продажи его произведений (если сочинитель никому их не завещал) в течение 25 лет со дня его смерти». По истечении данного срока, творения автора становились «собственностью публики» (§ 137), или, иными словами, переходили в общественное достояние.

Во исполнение §§ 135 – 139 Цензурного устава было принято Положение «О правах сочинителей» от 22.04.1828 г.⁵, состоящее из 18 статей и призванное «удостоверить подробными правилами права собственности сочинителей на их произведения». Помимо того, что в Положение дословно вошли вышеупомянутые пять параграфов из Цензурного устава, последующие нормы их дополнили и развили. Таким образом, наследование авторских (исключительных) прав в то время осуществлялось на таких же общих началах, как и наследование собственности (по закону или путём завещания), за тем лишь исключением, что закон ограничил правопреемников в сроке осуществления своего авторского права, предусмотрев определённый период времени, в течение которого они вправе издавать и продавать собственное произведение. Из интересного в этом Положении можно выделить прообраз права на неприкосновенность произведения (ст. 1266 ГК РФ⁶), которое могло быть реализовано помимо воли самого автора его наследниками путём дачи согласия издавать сочинение автора «с присовокуплением иного заглавия, предисловия, замечаний и тому подобного» (§ 8).

Опыт применения данных норм выявил необходимость в некоторых дополнениях и пояснениях, вследствие чего, спустя два года, 08.01.1830 г. появилось Положение «О правах сочинителей, переводчиков и издателей»⁷, состоявшее из трёх разделов. Законодатель продолжил приравнивать права авторов на их произведения к правам собственности, в подтверждении чего раздел первый назывался «О правах собственности сочинителей, переводчиков и издателей», хотя по тексту и продолжало упоминаться «исключительное право», а в § 19, 27 указанные категории слились воедино в «исключительное право собственности». Одно из основных нововведений акта было увеличение срока охраны авторского права с 25-ти до 35-ти лет, однако при определённых условиях: «если сочинитель,

2 The Statute of Anne; April 10, 1710 // URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/anne_1710.asp (дата обращения: 08.02.2023 г.).

3 Copyright Act of 1790 // URL: <https://copyright.gov/about/1790-copyright-act.html> (дата обращения: 08.02.2023 г.).

4 Loi du 19 juillet 1793, relative à la propriété littéraire et artistique // URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Compte_rendu_des_travaux_du_congr%C3%A8s_de_la_propri%C3%A9t%C3%A9_litt%C3%A9raire_et_artistique/Loi_du_19_juillet_1793 (дата обращения: 08.02.2023 г.).

5 Полное собрание законов Российской империи // Собрание 2-е. Т. 3. - СПб., 1830. С. 478-480.

6 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию 05.12.2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52 (ч. I), ст.5496.

7 Полное собрание законов Российской империи // Собрание 2-е. Т. 5. отд-ние 1. - СПб., 1831. С. 17-21.

переводчик, или приобретатель их прав по наследству, или по условию, сделает новое издание книги за 5 лет до истечения 25-тилетнего срока его исключительного права, оно продлевается ещё на 10 лет» (§ 3). Впервые появились специальные положения, касающиеся наследования авторских прав. В § 9 было закреплено правило, согласно которому чтобы вступить в наследство, наследники как по закону, так и по завещанию, обязаны были в течение одного года после смерти наследодателя, а если наследники находились за границей, то в течение 2-х лет, объявить о переходе к ним прав на произведения и представить надлежащие доказательства. Между тем, в данной норме ничего не говорилось как о форме и месте совершения этого заявления [8, с. 710], так и о последствиях неисполнения данной обязанности. Также стоит упомянуть наличие у наследников (причём любых, по закону, и по завещанию) права давать согласие на издание частных писем, записок и других бумаг, которые не предназначались для их обнародования (§ 12, 13). Соответственно даже самые отдалённые родственники или вообще посторонние умершему лицу, которые унаследовали по завещанию, вполне могли быть уполномочены решить данный вопрос. И.Г. Табашников писал, что наследники были вправе изменять, дополнять или сокращать перешедшее к ним произведение, но при условии, что такие изменения не обуславливают нового авторского права, поскольку в таком случае преемник превращается в автора, и установленное законом ограничение срока по отношению к нему отпадает. Однако при новых изданиях произведения наследник не вправе объединять свои изменения с текстом первоначального сочинения таким образом, чтобы оно считалось творением самого умершего автора, поскольку наследник – это лишь представитель «имущественной личности» наследодателя, иначе бы произошло отождествление личности преемника с личностью самого автора, а это совершенно противоестественно [4, с. 536-538]. Во всяком случае законодательство того времени не предусматривало ограничений прав наследников в изменении произведения по собственному усмотрению.

Вопросы наследования авторских прав были вдобавок затронуты в ст. ст. 740 – 742 (отдел. 7, разд. 2, книга 3) появившегося на свет Свода законов гражданских в первоначальной редакции 1832 г.⁸. Самое примечательное, что можно выделить, это то, что порядок наследования прав сочинителей и переводчиков признавался особым, отличным от общего (ст. 740). Так, К.Н. Анненков полагал, что отнесение наследования авторских прав к особому порядку сделано напрасно, поскольку никакого собственно изменения в сам порядок наследования против порядка общего не вносится, а указывается лишь известное ограничение самого этого права [9, с. 358]. Этот особый порядок, в общем-то, выражался только в сроке охраны авторского права (25 лет), переходящего по наследству и исчисляемого со дня смерти сочинителя или переводчика, а также в возможности его продления ещё на 10 лет. Иными словами, соответствующие статьи Свода законов повторяли нормы Положения 1830 г. (ст. 741 Свода – § 2 Положения, ст. 742 Свода – § 3 Положения). В остальном же следует констатировать, что к наследованию авторских прав могли быть применены нормы Свода о духовных завещаниях (ст. ст. 605 – 676) и о порядке наследования по закону (ст. ст. 677 – 849), но с определёнными ограничениями, вызванными спецификой авторского права.

Впоследствии было принято ещё 2 Положения: 09.01.1845 г. «О ограждении прав русских и пребывающих в России сочинителей музыкальных произведений»⁹ и 01.01.1846 г. «О художественной собственности»¹⁰. Тем самым, происходило постепенное расширение объектов авторского права того времени. В ли-

8 Свод законов Российской империи // Том 10. Часть 1. Законы гражданские. - Спб., 1832. С. 176.

9 Полное собрание законов Российской империи // Собрание 2-е. Т. 20. отд-ние 1. - Спб., 1846. С. 107-109.

10 Полное собрание законов Российской империи // Собрание 2-е. Т. 21. отд-ние 1. - Спб., 1846. С. 1-4.

тературе отмечается, что первоначальной причиной столь позднего принятия правил о художественной собственности было неполучение из-за границы книги об иностранных постановлениях по этому предмету [10, с. 3]. Положение о художественной собственности можно выделить как акт, который впервые на законодательном уровне провёл грань между произведением как вещью, и художественной собственностью как правом (§ 1, 10).

В 1857 году¹¹ были внесены изменения, затронувшие срок охраны права на литературную, музыкальную и художественную собственность. Законодатель отказался от 25-ти и 35-тилетнего срока и установил фиксированный в 50 лет. Поводом к увеличению срока до 50-ти лет стал доклад графа Блудова по поводу ходатайства вдовы А.С. Пушкина, просившей продолжить исключительное право печатания сочинений покойного мужа для её двух сыновей по конец их жизни. В указанном докладе граф Блудов отметил, что сочинители в России имеют гораздо меньше выгод и вознаграждений за свои труды, в сравнении с иностранными авторами, поэтому было бы справедливо продолжить для наследников автора время, в течение которого они могут пользоваться правом перепечатывать и издавать их сочинения¹². Появились правила об исчислении данного срока для произведений, которые изданы или будут изданы после смерти автора (посмертных произведений): с момента его первого издания. Также Цензурный устав вместе со всеми Положениями об авторском праве получил самостоятельное место в т. XIV Свода законов¹³ (ст. ст. 282 – 356), ибо раньше он располагался в качестве приложений к соответствующим статьям Устава о предупреждении и пресечении преступлений.

После этого, дореволюционное законодательство об авторском праве не подвергалось корректировкам, и наконец, в 1887 г., весь массив норм, кочевавших по актам публичного права, был перенесён в Свод законов гражданских (ч. 1 том X) в виде приложения к прим. 2 ст. 420, состоявшее из 50-ти статей¹⁴. В самом же прим. 2 к ст. 420 содержалась норма, которая продолжила проводить параллель авторского права с правом собственности: «право собственности на произведения литературы и художеств, принадлежащее самим авторам сих произведений, их наследникам или лицам, коим оно передано теми или другими, называется собственностью литературною и художественною; а право собственности на произведения музыкальные – собственностью музыкальною».

Необходимо упомянуть и судебную практику Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената, т.к. в некоторых решениях были высказаны позиции, в т.ч. касающиеся наследования авторских прав. Например, в деле 1870 г. № 798¹⁵ было постановлено, что автор на своё музыкальное произведение имеет не только имущественные, но и личные права. К последним относится право на получение поспектакльной платы и право бесплатного входа в театры в дни казённых представлений, которые в связи с наличием тесной связи с автором не могут существовать без него и не подлежат наследованию. В

11 Полное собрание законов Российской империи // Собрание 2-е. Т. 32. отд-ние 1. - Спб., 1858. С. 310-311.

12 Гражданское уложение // Книга 3. Вотчинное право. Том 3. С объяснениями. - Спб., 1902. С. 294-296.

13 Свод законов Российской империи // Том 14. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных. - Спб., 1857. С. 49-62.

14 Полный свод законов Российской империи: все 16 томов со всеми относящимися к ним Продолжениями и с дополнительными узаконениями по 1 сентября 1910 года: в 2 кн. / под ред. А.А. Добровольского. - Спб., 1911. С. 958-963.

15 Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената за первое полугодие 1870 года. - Спб., 1870. С. 1358-1362.

дальнейшем, в деле 1904 г. № 115¹⁶ Сенат отнёс право на посспектакльную плату к разряду имущественных, но переходить в порядке универсального правопреемства оно по-прежнему не могло. Равным образом, значимым для сферы наследования авторских прав было дело 1910 г. № 43¹⁷ в котором Сенат пришёл к выводу, что авторское право на литературное произведение при переходе по наследству оплате наследственной пошлины не подлежит.

Ближе к концу XIX в. в России трансформируются доктринальные взгляды на правовую природу авторского права. Оно находит особое место в системе гражданского права в виде самостоятельного исключительного имущественного права [1, с. 62-69]. Однако на законодательство это практически не оказало никакого влияния. При обсуждении вопроса о юридической природе авторского права в редакционной комиссии по подготовке проекта Гражданского уложения возникло разногласие. И.И. Карницкий полагал, что лучше нигде по тексту закона авторское право собственностью не называть. Однако большинство членов комиссии (П.А. Юренев, К.И. Малышев, А.Ф. Поворинский) пришли к мнению, что хоть авторское право и есть право особое, но параллельное с обыкновенным правом собственности на вещи материальные, имеющее полную с ним аналогию и потому справедливо признаваемое русским законом особым правом собственности литературной, художественной и музыкальной¹⁸.

Из особенностей, связанных с наследованием авторских прав по проекту Гражданского уложения (книга 3, том 3) можно выделить следующее:

- авторское право не может входить в состав выморочного имущества; при отсутствии завещания и наследников по закону, произведение переходит в общественное достояние (ст. 514);
- изменился момент, с которого следует исчислять срок авторского права для посмертных произведений (раньше – с момента первого издания): с момента смерти автора (ст. 515);
- 50-тилетний срок авторского права для произведения, составленного совместным трудом нескольких лиц, исчисляется со времени смерти автора, пережившего остальных. Если соавтор не оставил завещания либо у него отсутствуют наследники по закону, то авторское право после его смерти переходит к остальным авторам произведения (ст. 517);
- впервые было установлено, что срок авторского права следует исчислять с 1-го января года, следующего за годом смерти автора (ст. 527).

Последним дореволюционным актом является Положение «Об авторском праве» от 20.03.1911 г.¹⁹, который наконец воспринял доктрину, признающую авторское право особым, самобытным имущественным правом на духовное творчество человека [10, с. 54-55; 11, с. 8; 12, с. 70-72; 13, с. 291], и перестал (по крайней мере, в большей степени) как все действующие законы до, проводить какие-либо параллели с правом собственности (все термины: «литературная, музыкальная и художественная собственность» были заменены выражением: «авторское право»). Параллели эти остались, например, в ст. 5 (соавторство), которая допускала «соответственное применение» правил об общей собственности к ситуации, когда произведение создано несколькими лицами и образует одно нераздельное це-

16 Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената за 1904 год. - Спб., 1904. С. 318-320.

17 Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената за 1910 год. - Спб., 1911. С. 150-153.

18 Гражданское уложение // Книга 3. Вотчинное право. Том 3. С объяснениями. - Спб., 1902. С. 274-285.

19 Полное собрание законов Российской империи // Собрание 3-е. Т. 31. отд-ние 1. - Спб., 1914. С. 194-203.

лое. Подчёркивалось, что правила об общей собственности должны применяться не буквально, а исходя из существа и особенностей авторского права. Этим и объяснялось употреблённое в ст. 5 выражение: «соответственное применение» [14, с. 22]. Норма эта интересна в историческом аспекте, поскольку в нынешнее время п. 3 ст. 1227 ГК РФ, по общему правилу, блокирует применение раздела II ГК РФ, в т.ч. об общей собственности, к правам интеллектуальным.

По существу, все обозначенные выше особенности наследования авторских прав по проекту Гражданского уложения были перенесены в указанное Положение, но добавились и новые. Наследованию в авторском праве была посвящена отдельная ст. 6. Помимо указания на то, что наследование осуществляется на основании общих гражданских законов (ст. ст. 1010 – 1373 Свода законов гражданских в последней редакции), были предусмотрены три изъятия для авторского права:

- если супруг оказался единственным наследником по отношению к авторскому праву, последнее переходит к нему не в указанной доле, а в полном объёме (исключение из ст. 1148 Свода законов гражданских, по которой супруг, при отсутствии завещания, получал из недвижимого имущества седьмую часть, а из движимого четвёртую. Т.е. в случае, когда кроме пережившего супруга, имеются и другие наследники, он получает четвёртую долю в авторском праве, подходящим под понятие движимости, остальные же три четверти переходят к другим наследникам [11, с. 64]);
- если родители оказались единственными наследниками по отношению к авторскому праву, последнее переходит к ним не в пожизненное владение, а в собственность (исключение из ст. 1141 Свода законов гражданских, по которой, при отсутствии у наследодателя детей, наследство переходило к родителям в пожизненное владение. Если в отношении авторского права был бы сохранён такой порядок наследования, то наследственное право родителей лишалось бы всякого реального значения, т.к. обычный способ извлечения из авторского права доходов, – был бы для родителей, как пожизненных владельцев этого права, почти недоступен [11, с. 64]);
- если наследников по отношению к авторскому праву, кроме супруга и родителей, не имеется, то последние наследуют в равных долях, причём подлежат применению правила об общей собственности.

Изменилась норма о праве наследников давать согласие на опубликование частных писем и записок, не предназначенных к напечатанию, которая оставалась неизменной с 1830 г. Раньше это право предоставлялось любым наследникам, теперь, – только наследникам по закону (ст. 28, 29). Причём по истечении 50-ти лет с момента смерти автора такое согласие требовалось лишь с пережившего супруга и детей автора. Подверглось корректировке и право на неприкосновенность произведения (ст. 20), не менявшееся с 1828 г., теперь, – оно предоставляло автору, в т.ч. его наследникам, возможность давать согласие на издание произведения с какими-либо изменениями; причём такое согласие не требовалось, если соответствующие изменения вызывались явной необходимостью, а также в согласии на которые автор не мог бы по доброй совести отказать.

Я.А. Канторович, характеризуя наследование авторских прав, писал, что по общему правилу к наследникам переходят все правомочия автора-наследодателя, как те, которые имеют чисто имущественный характер, так и те, которые содержат в себе личный элемент. Хотя личные права, традиционно, прекращаются со смертью лица, которым они принадлежат, в авторском праве, личный и имущественный элемент так тесно связаны между собой, что в общем составе наследственного авторского права неотделимы друг от друга. Поэтому личные

права автора (на имя (ст. 17, 19), право запрещать изменения в произведении (ст. 20), право опубликования частных писем и записок (ст. 28, 29)) продолжают существовать и в лице наследников автора [12, с. 593-594].

Патентное право

Первым актом в дореволюционной России, наметившим основные черты патентного права, является Манифест от 17.06.1812 г. «О привилегиях на разные изобретение и открытия в художествах и ремеслах»²⁰, подготовленный М.М. Сперанским. Привилегией признавалось «свидетельство, удостоверяющее то, что обозначенное в ней изобретение было в своё время предъявлено Правительству, как собственность, принадлежащая лицу в привилегии поименованному» (§ 1). Определены критерии, при соблюдении которых привилегия могла быть выдана: полезность (§ 7) и новизна (§ 8). Срок действия привилегии составлял 3, 5, 10 лет в зависимости от размера уплаченной пошлины (§ 15, 16). Специальных правил о наследовании привилегий Манифест не содержал, хотя и позволял «передавать саму привилегию» другим лицам (§ 4), что указывает на оборотоспособность свидетельства и допустимость его перехода в порядке универсального правопреемства на общих основаниях. А.П. Скородинским было отмечено, что по существу дела это был не общий закон, а скорее инструкция Государственному Совету, т.к. выдача привилегий поручалась последнему (органу законодательной власти), и каждая отдельная привилегия продолжала, в сущности, представлять собой специальный закон, т.к. рассматривалась законодательным учреждением и получала утверждение государя. Поэтому в период с 1812 г. по 1870 г. ярко сказывался не вполне последовательный, со стороны правительства, характер выдачи и мотивировки привилегий [15, с. 7-8].

22.11.1833 г. появилось Положение о привилегиях²¹, заменившее Манифест 1812 г. Данный акт был более подробным и детальным по сравнению с предыдущим, и занял своё место в Уставе о промышленности²² (ст. ст. 125 – 168). § 2 Положения впервые предусмотрел, что привилегия предоставляет «исключительное право пользоваться сделанным открытием, изобретением или усовершенствованием в продолжении назначенного времени, как своей собственностью» (§ 2). Тем самым можно провести некую параллель с Цензурным уставом 1828 г., который также употреблял выражения «исключительное право», «собственность», по отношению к произведению как объекту авторского права. Раскрывая содержание права изобретателя, Положение упоминает о возможности «продавать, дарить, завещать и иным образом уступать другому на законном основании, как предмет, на который выдана привилегия, так и саму привилегию» (§ 5). Иных правил, касающихся наследования в той или иной степени, не было.

В 1870 г. в России происходит, по мнению А.А. Пиленко, коренная ломка системы патентного права [2, с. 170-171]. В силу закона от 30.03.1870 г. «Об изменении порядка делопроизводства по выдаче привилегий на новые открытия и изобретения»²³ выдача привилегий из свободной законодательной функции превращается в связанную подзаконную деятельность административного органа, поэтому вышеупомянутому акту не стоит предписывать значение простого делопроизводственного закона. Этот период в развитии патентного права можно охарактеризовать как уничтожение понятия привилегии – милости [2, с. 174].

20 Полное собрание законов Российской империи // Собрание 1-е. Т. 32. - СПб., 1830. С. 355-356.

21 Полное собрание законов Российской империи // Собрание 2-е. Т. 8. - СПб., 1834. С. 691-696.

22 Свод законов Российской империи // Том 11. Часть 2. Уставы кредитный, торговый, о промышленности фабричной и заводской, и устав ремесленный. - СПб., 1857. С. 26-34.

23 Полное собрание законов Российской империи // Собрание 2-е. Т. 45. - СПб., 1874. С. 339-340.

Чуть раньше, чем в авторском праве (1911 г.), концепция исключительных прав в полной мере отразилась в последнем дореволюционном законе о патентном праве, – Положении от 20.05.1896 г. «О привилегиях на изобретения и усовершенствования»²⁴, также расположенным в Уставе о промышленности²⁵. Статья 1 Положения гласила: «для ограждения права исключительного пользования изобретения и усовершенствования, сделанными в области промышленности, могут быть испрашиваемы установленным порядком привилегии». Законодатель отошёл от дифференцированного срока, на который выдавались привилегии, теперь он составлял не более 15-ти лет (ст. 16). О допустимости перехода патентного права в порядке наследования отныне было сказано более чётко и определённо: «по смерти лица, получившего привилегию или его правопреемника, право на привилегию переходит к наследникам по общим правилам о наследовании по завещанию или по закону» (ст. 22). В случае перехода привилегии по наследству (и вообще при любом её отчуждении), о данном факте необходимо было сообщить Департаменту Торговли и Мануфактуры с представлением соответствующих документов, о чём делалась публикация (как сейчас по п. 2 ст. 1232 ГК РФ).

Нельзя не упомянуть Положение от 11.07.1864 г. «О праве собственности на фабричные рисунки и модели»²⁶, которое предусматривало объектом своего правового регулирования промышленные образцы (в современном понимании), срок охраны права на которые составлял от 1-го года до 10-ти лет (§ 9). О каждой передаче права на промышленный образец (в т.ч. при наследовании), также, как и на изобретение, нужно было сообщать в Департамент Торговли и Мануфактуры (§ 8). Положение заняло своё место рядом по соседству с правилами об изобретениях в Уставе о промышленности²⁷ (ст. ст. 199 – 209).

В проекте Гражданского уложения патентное право планировало найти своё отражение в трёх статьях самого общего характера (ст. ст. 579 – 581), при одновременном сохранении всех правил о привилегиях в Уставе о промышленности²⁸.

Заключение

Подводя итог настоящего исследования, можно сделать следующие выводы. На этапе зарождения авторского права как комплекса имущественных и личных неимущественных правомочий, переходящего практически без ограничений к правопреемникам (что совершенно не свойственно современному авторскому праву), его наследование осуществлялось на общих началах наследования обычной собственности, за одним лишь ключевым исключением: срока (что уже с самого начала отражало подход к авторскому праву, как к праву невечному, по своей сущности). Более того, срок охраны авторского права в течение XIX века постепенно увеличивался, что с одной стороны, полностью соответствовало интересам наследников, с другой, причины такого увеличения носили в большей степени случайный характер. По мере становления авторского права, соответствующих изъятий, вызванных развитием законодательства, доктрины и судебной практики, а также желания обеспечить интересы творцов, их наследников

24 Полное собрание законов Российской империи // Собрание 3-е. Т. 16. - СПб., 1899. С. 453-458.

25 Полный свод законов Российской империи: все 16 томов со всеми относящимися к ним Продолжениями и с дополнительными узаконениями по 1 сентября 1910 года: в 2 кн. / под ред. А.А. Добровольского. - СПб., 1911. С. 2340-2344.

26 Полное собрание законов Российской империи // Собрание 2-е. Т. 39. - СПб., 1867. С. 579-581.

27 Полный свод законов Российской империи: все 16 томов со всеми относящимися к ним Продолжениями и с дополнительными узаконениями по 1 сентября 1910 года: в 2 кн. / под ред. А.А. Добровольского. - СПб., 1911. С. 2345-2346.

28 Гражданское уложение. Книга 3. Вотчинное право // Том 3. С объяснениями. - СПб., 1902. С. 458-463.

и общественности, становилось всё больше (например, касаясь выморочного имущества, неоплате наследственной пошлины и пр.). Обусловлено это было изменением подхода к правовой природе авторского права. Однако неурегулированность в данной области была очевидна, понятно, что не все положения о наследовании (имевшие своим предметом, прежде всего, вещи) могли быть применены к авторскому праву. Следует признать, основная причина этому – слишком длительное проведение аналогии с собственностью обычной и вытекающее из этого умолчание законодателя. Говоря о наследовании патентных прав (или привилегий, удостоверяющих их) в дореволюционной России и вовсе сказать почти нечего: оно предполагалось, но никаких особенностей, кроме ограничения в сроке и необходимости уведомлять дореволюционное патентное ведомство о переходе права (появившаяся лишь в 1896 г.), не было. Скудное регулирование в патентном праве было связано, как представляется, с отсутствием заинтересованности государства, считающего изобретения ценным активом, двигателем национальной экономики, и тем самым, желающим получить их в свое обладание. Напоследок хочется отметить, что тенденции, указанные выше, сохраняются до сих пор: вопросы наследования интеллектуальных прав как были *terra incognita* 200 лет назад, таковыми они остаются и сейчас.

Библиографический список:

1. Шершеневич Г. Ф. Избранное. Включая Авторское право на литературные произведения / вступ. слово, сост.: Крашенинников П. В. – М.: Статут, 2017. 480 с.
2. Пиленко А. А. Право изобретателя (привилегии на изобретения и их защита в русском и международном праве). Историко-догматическое исследование. Том 1-2. Кн. 1. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1902. 495 с.
3. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 1998. 352 с.
4. Табашников И. Г. Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения науки гражданского права и по постановлениям законодательств: Северной Германии, Австрии, Франции, Англии и России. / исслед. Табашникова И.Г. Т. 1. – СПб.: тип. М.И. Попова, 1878. 568 с.
5. Канторович Я. А. Литературная собственность: с приложением всех постановлений действующего законодательства о литературной, художественной и музыкальной собственности, вместе с разъяснениями по кассационным решениям Сената. – 3-е изд. – СПб.: Я. Канторович, 1895. 157 с.
6. Маковский А. Л. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса. Гражданское право современной России / сост.: Козырь О.М. и Маковский А.Л. – М.: Статут, 2008. С. 103-141.
7. Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1. – М.: Статут, 2015. 512 с.
8. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. – М.: Статут, 2002. 800 с.
9. Анненков К. Н. Система русского гражданского права. Т. 6. Право наследования. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 520 с.

References:

1. Shershenevich G.F. (2017). Favourites. Vol. III including Copyright in literary works. Moscow: Statut. 480 p.
2. Pilenko A.A. (1902). Right of the Inventor (Privileges for inventions and their protection in Russian and international law). Historical and dogmatic research. Vol. I. St. Petersburg: printing house of M.M. Stasyulevich. 495 p.
3. Pokrovskii I.A. (1998). Main Problems of Civil Law. Moscow: Statut. 352 p.
4. Tabashnikov I.G. (1878). Literary, Musical and Art Property from the Point of View of Science of Civil Law and According to Regulations of Legislations: Northern Germany, Austria, France, England and Russia. Vol. I. St. Petersburg: printing house of M.I. Popov. 568 p.
5. Kantorovich I.A.A. (1895). Literary Property: With the Appendix of All Regulations of the Current Legislation on Literary, Artistic and Musical Property, Together with Explanations on the Senate's Cassation Decisions. St. Petersburg: Kantorovich I.A.A. 157 p.
6. Makovskii A.L. (2008). Exceptional Rights and the Concept of Part Four of the Civil Code. Civil Law of Modern Russia Moscow: Statut. P. 103-141.
7. Fleishits E.A. (2015). Selected Works on Civil Law. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Statut. 512 p.
8. Pobedonostsev K.P. (2002). Course of Civil law. Part I: Votchinnye prava. Moscow: Statut. 800 p.
9. Annenkov K.N. (1902). System of Russian Civil Law. Vol. VI. The right of inheritance. St. Petersburg: printing house M. M. Stasyulevich. 520 p.
10. Koptev D.A. (1911). The Copyright Law with a Statement of Reasoning and the Materials on which it is Based. St. Petersburg: N.K. Martynov. 434 p.
11. Alexandrovskii I.U.V. (1911). Copyright Law. Law of 20.03.1911. His. essay, legislator. motives and

10. *Коптев Д. А.* Закон об авторском праве с изложением рассуждений и материалов, на которых он основан. / сост. Д.А. Коптев (статс-секр. Гос. сов.). – СПб.: Н.К. Мартынов, 1911. 434 с.
11. *Александровский Ю. В.* Авторское право. Закон 20.03.1911 г. Ист. очерк, законодат. мотивы и разъяснения. – СПб.: Т-во по изд. новых законов, 1911. 176 с.
12. *Канторович Я. А.* Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. Сист. коммент. к закону 20 марта 1911 г. - с ист. очерком и объясн., осн. на законодат. мотивах, лит. источниках, иностр. законодательствах и судебных. Практике. – 2-е изд., знач. доп. – Петроград: тип. АО б. «Брокгауз-Ефрон», 1916. 736 с.
13. *Гуляев А. М.* Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства и Проекта гражданского уложения: Пособие к лекциям проф. Имп. Уч-ща правоведения и Имп. Лицея в память цесаревича Николая А.М. Гуляева. – 4-е изд., пересмотр. и доп. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 638 с.
14. *Пиленко А.А.* Новый закон об авторском праве (текст закона, сопоставление с прежде действующим правом, подготовительные материалы). – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1911. 168 с.
15. *Скородинский А.П.* Привилегии и патенты: пособие для изобретателей и промышленников: прил.: объясненный в порядке статей русский закон о привилегиях. Таблицы иностранных законоположений. Образцы ведения дел. – СПб.: типо-лит. Шредера, 1904. 216 с.
12. *Kantorovich IA.A.* (1916). Copyright on literary, musical, artistic and photographic works. System. comment. to the law of March 20, 1911 - from the ist. an essay and an explanation, based on the legislator. motives, lit. sources, foreign. laws and courts. Practice. Petrograd: printing house JSC B. «Brockhaus-Efron». 736 p.
13. *Guliaev A.M.* (1913). Russian civil law. Review of the current legislation and the Draft Civil Code: A manual for lectures by Prof. Imp. of the Faculty of Jurisprudence and Imp. Lyceum in memory of Tsarevich Nikolai A.M. Gulyaev. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich. 638 p.
14. *Pilenko A.A.* (1911). The new copyright Law (the text of the law, comparison with the previously existing law, preparatory materials). St. Petersburg: type. A. S. Suvorina. 168 p.
15. *Skorodinskii A.P.* (1904). Privileges and patents: a manual for inventors and industrialists: Appendix: the Russian law on privileges explained in the order of articles. Tables of foreign legal provisions. Case management samples. St. Petersburg: type-lit. Shredder. 216 p.

1 (22) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 349
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_30

Ветров Эдуард Павлович

vetrov.ed-vetrov@yandex.ru
Магистрант Юридического института
Иркутского государственного университета

Научный руководитель:

Ровный Валерий Владимирович

Профессор кафедры гражданского права
Юридического института
Иркутского государственного университета
Доктор юридических наук

К вопросу о правовой природе биржевых сделок (биржевых договоров)

Ветров Э. П. / К вопросу о правовой природе биржевых сделок (биржевых договоров) // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 1. С. 30–36.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_30

Аннотация:

В статье анализируются особенности договоров, заключаемых на биржевом рынке. Актуальность темы исследования обусловлена распространенностью и динамичным развитием данных отношений, что способствует появлению особой разновидности гражданско-правовых сделок – биржевых договоров, а также требует решения вопросов об их природе и возможности их самостоятельного выделения в рамках Гражданского кодекса Российской Федерации. В статье анализируются доктринальные подходы к пониманию биржевых сделок, определяются существенные условия биржевых договоров. Предложена общая характеристика биржевых договоров, проведено их сопоставление с имеющимися легальными конструкциями. Сделан вывод, что использование конструкций биржевых договоров в современных условиях развития гражданского оборота допускает их рассмотрение в качестве источников обязательств, опосредующих приобретение активов и имущественных представлений, в том числе и расчетов на определенных сделкой условиях. Предметом поставочного биржевого договора является реальный товар, а предметом расчетного биржевого договора является право либо обязанность одной или обеих сторон сделки. К расчетным сделкам, заключаемым на биржевом рынке, необходимо применять правила о продаже имущественных прав. Биржевые договоры носят алеаторный характер, поскольку результат, ожидаемый при заключении договора и возникающий в результате его исполнения, могут не совпадать между собой. Помимо этого, биржевые договоры не могут признаваться рамочными договорами и договорами присоединения. Биржевой договор является консенсуальным, возмездным, двусторонним (взаимным) договором, имеет специфику в связи с особенностями правового регулирования биржевой деятельности и тесной связью с экономическими процессами.

Ключевые слова:

биржа, биржевая сделка (договор), правовая природа, поставочные биржевые договоры, расчетные биржевые договоры.

УДК 349
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_30

Eduard P. Vetrov

vetrov.ed-vetrov@yandex.ru
Irkutsk State University
Institute of Law, Master's student

Academic Supervisor:

Valery V. Rovny

Professor of Civil Law department
Irkutsk State University Law Institute
Doctor of Juridical Sciences

To the Question of the Legal Nature of Exchange Transaction (Exchange Contract)

Vetrov E. P. / On the question of the legal nature of Exchange transactions (Exchange contracts) // Ural Journal of Legal Research. 2023. No. 1. P. 30–36.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_30

Abstract:

The features of contracts concluded on the stock exchange was analyzed. The relevance of the research topic is due to the prevalence and dynamic development of these relations, which contributes to the emergence of a special kind of civil law transactions - exchange contracts, and also requires solving questions about their nature and the possibility of their independent allocation within the Civil Code of the Russian Federation. The doctrinal approach to exchange transactions was analyzed, essence of contract necessary for this group of obligations legal relationship was deduced. The general characteristics of exchange contracts was highlighted, as well as their comparison with the features of legislative structures. The author comes to the conclusion that the use of exchange contract constructions in modern conditions of civil turnover development allows them to be considered as obligations mediating the acquisition of assets and property grants, including settlements on the terms determined by the transaction. In addition, within the framework of the conducted research, it can be said that the subject of the supply exchange agreement is a real commodity, and the subject of the settlement exchange agreement is the right or obligation of one or both parties to the transaction. It seems that it is necessary to apply the rules on the sale of property rights to settlement transactions concluded on the exchange market. It seems that exchange contracts are aleatory in nature, since the basis of the concluded exchange transaction may not coincide with the legal result that the party expected at its conclusion. In addition, it does not seem appropriate to talk about the recognition of exchange contracts as framework and accession agreements. Making a conclusion about the legal nature of an exchange contract, it can be defined as a consensual, paid, bilateral (mutual) contract with certain specifics arising in connection with the peculiarities of legal regulation of exchange activities, as well as the economic conditionality of these relations.

Keywords:

stock exchange, exchange transaction (exchange contract), legal nature, deliverable contract, non-deliverable contract.

Рыночная экономика направляет производство на удовлетворение растущих и меняющихся социальных потребностей, одновременно оказывая влияние на изменение и развитие правоотношений. В настоящее время общественные отношения, возникающие на бирже, активно развиваются. Биржевой рынок выступает одним из наиболее значимых секторов экономики. Биржевая торговля позволяет динамично перемещать материальные блага между субъектами гражданско-правовых отношений, что положительно сказывается на экономике нашего государства. В связи с этим возникает необходимость определения юридической природы биржевых договоров.

Несмотря на значительное число совершаемых на бирже сделок (сделка «спот», «поставочный форвард», «опцион» и т.д.), так или иначе все они направлены на обмен определенными товарами. Данная позиция высказана В.А. Беловым и сводится к тому, что в структуре обязательственного права биржевые договоры преимущественно занимают место в рамках обязательств по передаче имущества в собственность и связываются с договором купли-продажи [1, с. 201].

Дискуссия относительно существования биржевых сделок имела место еще в дореволюционной литературе. Так, Г.Ф. Шершеневич считал, что такие сделки по своей природе являются сделками пари, которое выигрывается теми, кто лучше осведомлен о положении рынка и обстоятельствах, оказывающих на него влияние [2, с. 488]. Противоположной позиции придерживался П.П. Цитович, который утверждал, что на бирже не играют, а спекулируют, то есть покупают и продают [3, с. 250]. Схожей позиции придерживался и В. Радлов, утверждая, что «сделки на разность, т.е. спекуляцию на выгоду, без действительного обмена товаров, не следует противопоставлять действительной купле-продаже товаров» [4, с. 211].

В современной юридической литературе предпринимаются попытки рассматривать биржевые договоры как совокупность нескольких более простых инструментов, таких как купля-продажа, кредит, мена, перекрестная ссуда. В то же время отмечается, что «было бы искусственным сущность операций, глубинный механизм которых подобен, квалифицировать различно» [5, с. 537].

Рост потребностей у участников гражданского оборота породил новые договорные конструкции, которые имеют только косвенные признаки, схожие с передачей права собственности на вещь другому лицу. Например, сделка, связанная с игрой на разницу в ценах («своп»), изначально подразумевалась как сделка, включающая в себя два договора купли-продажи с взаимным зачетом обязанности по передаче вещи, впоследствии по своей сути она стала похожа на обязательство, возникающее из игр и пари, тем не менее сохранила условия, связанные с изменениями характеристик товарообмена. Стоит подчеркнуть, что дореволюционный юрист В. Судейкин писал следующее: «Они (сделки. – Э.В.) до такой степени осложняются, подвергаясь разного рода изменениям, что кажутся потерявшими свой первоначальный характер» [6, с. 66].

В связи с закономерным вопросом о предмете биржевого договора справедливо отметить, что изначально сделки, заключаемые на бирже, имели поставочный характер, то есть предполагали реальное исполнение возникших из договора обязательств (предоставление определенного товара).

В связи с интенсивным развитием рыночных отношений участники гражданского оборота, вступая в правоотношения, стали преследовать различные цели: не только получать необходимый товар, но и извлекать прибыль от разницы в ценах так называемого базиса (базисного или базового актива) – товаров, ценных бумаг, валюты, ценовых индексов и других активов. Так появились расчетные биржевые договоры, т.е. договоры, при заключении которых стороны «либо во-

общее никогда не имели намерения натурального исполнения возникших из них обязательств, либо – если они такое исполнение поначалу и производили, – то всегда имели в виду его последующую отмену, поворот вспять» [7, с. 68–75]. Таким образом, совершаемым на бирже поставочным договорам можно и следует противопоставить договоры расчетные: предметом первых является реальный товар (золото, нефть, ценные бумаги и другое), напротив, предметом вторых – право либо обязанность одной (или обеих сторон) сделки.

Представляется, что к биржевым расчетным сделкам (в частности, к договору РЕПО) более правильным и юридически грамотным видится применение правил о продаже имущественных прав (п. 4 ст. 454 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ))¹. Данная особенность может быть связана с тем, что изначально введение данных сделок в действующее законодательство действительно предполагало использование участниками биржевых торгов возможности заключения таких договоров с обязанностью передачи реального товара, однако с развитием рыночных отношений данная обязанность утратила актуальность и не используется сторонами биржевых договоров.

В доктрине в связи с вопросом существенных условий биржевых договоров наряду с предметом договора принято также относить следующие условия.

Цена договора. Биржевой рынок предполагает постоянно происходящее сопоставление, сравнение и соотнесение количества и качества спроса на определенные активы с количеством и качеством предложения этих активов. Сопоставляя и сравнивая данные активы, участники биржевых отношений определяют цену, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары. Определение цены биржевого договора происходит с учетом биржевого курса, который формируется путем оптимального сопоставления спроса и предложения, существующих на биржевом рынке. Иначе говоря, посредством установления рыночной цены товара или, как его именуют в экономической литературе [8, с. 57–60], биржевого курса, рынок стремится к заключению максимального количества сделок с соответствующим биржевым товаром.

Срок исполнения обязательства. Исходя из анализа структуры договорных связей, возникающих на биржевом рынке, можно говорить о том, что одним из существенных условий любого биржевого договора выступает срок исполнения обязательства. Срок исполнения биржевой сделки в биржевой практике обычно именуется «сроком ликвидации». При наступлении данного срока биржевая сделка подлежит исполнению, а права и обязанности ее сторон считаются прекращенными.

Особый интерес представляет рассмотрение сторон биржевых договоров. Отбрасывая рассуждения о маклерах, дилерах, трейдерах, брокерах и прочих экономических дефинициях, которыми обозначаются участники биржевого рынка, можно говорить о двух участниках биржевого правоотношения, которые являются сторонами биржевого договора: продавце и покупателе. Участники биржевого договора перечислены в ст. 16 Федерального закона от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах» (далее – ФЗ «Об организованных торгах») и включают в себя индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, органы государственной власти и иных лиц, поименованных в законе, которые имеют соответствующую лицензию на осуществление деятельности, связанной с проведением биржевых торгов².

1 «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)»: федер. закон от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022)// Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. ст. 401.

2 Об организованных торгах: федер. закон от 21 ноября 2011 года № 325-ФЗ (ред. от 02.07.2021)// Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. ст. 6726.

Кроме того, исходя из ст. 17 ФЗ «Об организованных торгах», можно сделать вывод о том, что договоры на организованных торгах заключаются не путем непосредственного взаимодействия контрагентов друг с другом, а путем взаимодействия каждого из них с третьим лицом – организатором торгов.

Однако представляется, что специфика сторон в биржевых договорах отсутствует, поскольку организатор торгов не является стороной биржевой сделки, а всего лишь выступает посредником, позволяющим объединить совпадающие воли при ее заключении [9, с. 149-160]. При этом организатор торгов, предоставляющий площадку для заключения договоров при совпадении волеизъявлений сторон, обладает определенными полномочиями при рассмотрении поданных сторонами заявок на заключение договора [10, с. 103]. Так, организатор торгов в соответствии с ч. 4 ст. 17 ФЗ «Об организованных торгах» имеет право не принять ту или иную заявку или аннулировать уже принятую заявку. Данная процедура соответствует предусмотренному гражданским законодательством порядку, устанавливающему получение согласия на совершение сделки (одобрение сделки), который закреплен в ст. 157.1 ГК РФ [11, с. 168].

Помимо этого, закон наделяет биржу специфическими полномочиями, которые влияют на заключенность биржевого договора. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 18 ФЗ «Об организованных торгах» договор на организованных торгах считается заключенным с момента внесения об этом соответствующей записи в реестр договоров. Обязанность ведения данного реестра договоров, заключенных на организованных торгах, возложена на организатора торгов.

В свою очередь, особое место биржи оказывает влияние на судебную защиту отношений ее участников. Первое предложение п. 2 ст. 1062 ГК РФ говорит о том, что на отношения, вытекающие из своп-договора, не распространяются правила главы 58 ГК РФ, при этом во втором предложении законодатель закрепляет исключение из данного правила. Так, в случае участия в данных отношениях юридического лица, получившего лицензию на заключение биржевых сделок, своп-договор перестает быть натуральным обязательством и обеспечивается судебной защитой при условии его возникновения в рамках биржи.

Анализируя мнения цивилистов [12, с. 6], касающиеся природы биржевых сделок, можно говорить о том, что все биржевые сделки носят алеаторный характер, поскольку последствия от исполнения биржевой сделки (получение денежных средств или товара) не совпадают с тем правовым результатом, на который стороны рассчитывали при ее совершении.

Алеаторными называются договоры, «которые, будучи возмездными, конструируются так, что объем встречного удовлетворения, причитающегося от одной из сторон, остается неизвестным, пока не наступит обстоятельство, призванное его окончательно определить» [13, с. 152]. Указанный признак прослеживается и в биржевых сделках – сторона не знает объем встречного удовлетворения, который она получит в результате исполнения биржевого договора, поскольку не может предугадать изменение базисного актива или цены товара, обращающегося на биржевом рынке [14, с. 150-168].

В связи с вышеуказанным важно отметить, что вероятность даже незначительного изменения показателей базисных активов, которые согласованы в договоре, или наступление определенных обстоятельств несут риск наступления значительных убытков. В целях избежания их наступления профессиональные участники финансового рынка, которые вступают в определенные договоренности, должны не только довести до сведения другой стороны всю имеющуюся информацию относительно существа обязательства и связанных с ним рисков, но и предпринять все усилия по включению в договор справедливых условий.

Несоблюдение этих требований может привести либо к отказу более профессиональной стороне в защите нарушенного права ввиду злоупотребления им (ст. 10 ГК РФ), либо к недействительности всей сделки или ее части (ст. 10, 168 или 169 ГК РФ).

Так, решением Арбитражного суда г. Москвы от 26.02.2016 по делу №А40-168599/2015, которое оставлено в силе судами апелляционной и кассационной инстанций, были признаны недействительными валютно-процентные свопы, заключенные между ПАО «Банк Москвы» (далее – банк) и ООО «Платинум недвижимость» (далее – клиент). «Суд установил, что банк является профессиональным участником рынка ценных бумаг, в отличие от клиента, который ранее деривативы не заключал, нужными познаниями в этой сфере не обладал. Как следствие, банк ввел клиента в заблуждение, поскольку валютно-процентные свопы его интересам не отвечали, они вели не к снижению стоимости обслуживания займа, а, напротив, к его увеличению. Изложенное свидетельствовало о том, что банк, не раскрыв всю информацию относительно существа сделки, действовал в своих интересах, но в ущерб интересам клиента. В этой связи валютно-процентные свопы были признаны недействительными в соответствии со ст. 10 и ст. 168 ГК РФ»³.

Заслуживает внимания факт законодательного установления ч. 11 ст. 4 ФЗ «Об организованных торгах» обязанности организаторов торговли, осуществляющих проведение организованных торгов, на которых заключаются договоры, являющиеся производными финансовыми инструментами, утвердить спецификации таких договоров, соответствующие требованиям нормативных актов Банка России⁴. С целью обеспечения удобства, быстроты и эффективности совершения сделок биржа устанавливает стандартизированные условия для их заключения, например, возможность заключения договора только на строго определенное количество товара. Данное обстоятельство ставит вопрос о возможности отнесения таких спецификаций к наиболее близкой по смыслу договорной конструкции – рамочному договору.

Рамочный договор (договор с открытыми условиями) представляет собой специальную договорную конструкцию [15, с. 19-26]. «Рамочным признается договор, определяющий общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами путем заключения отдельных договоров, подачи заявок одной из сторон или иным образом на основании либо во исполнение рамочного договора (ст. 429.1 ГК РФ)» [16, с. 116-128].

Спецификации и стандартизированные условия не могут быть отнесены к рамочным договорам, потому что изложенные там условия непосредственно сторонами не согласовываются. «Спецификация разрабатывается и утверждается биржей, но не участниками торгов, между которыми и будет заключаться биржевой договор» [17, с. 148].

По той же причине спецификации биржевых договоров невозможно отнести к договорам присоединения. Договором присоединения может являться только тот договор, условия которого определены одной из сторон договора в стандарт-

3 Решение Арбитражного суда города Москвы от 26 февраля 2016 года по делу № А40-168599/2015. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/WDkr6ZXRg8xt> (дата обращения: 28.09.2022).

4 Приказ ФСФР России от 16.07.2013 N 13-58/пз-н «Об утверждении Требований к содержанию спецификаций договоров, являющихся производными финансовыми инструментами» (Зарегистрировано в Минюсте России 26.08.2013 N 29775)/ www.consultant.ru/URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151456/a2bd71f0bef13e28ab3491e19666ca60230e2448/#dst100014(дата обращения: 12.01.2023)

ных формах и могут быть приняты другой стороной только посредством присоединения к предложенному договору (ст. 428 ГК РФ), однако биржа стороной договора не является.

Рассуждая непосредственно над юридической природой биржевого договора, можно определить его как консенсуальный, возмездный, двусторонний (взаимный) договор с определенной спецификой, производной от особенностей правового регулирования биржевой деятельности, а также тесной связи данных отношений с экономическими процессами.

Таким образом, биржевой договор порождает обязательство, опосредующее приобретение активов и имущественных предоставлений, в том числе и расчетов на определенных сделкой условиях. Предметом поставочного биржевого договора является реальный товар (золото, нефть, ценные бумаги и другое), а предметом расчетного биржевого договора является обязанность поставить имущественный актив выгодоприобретателю либо субъективное право одной (или обеих сторон) сделки требовать данной поставки товара. Представляется, что к расчетным сделкам, заключаемым на биржевом рынке, более правильным и юридически грамотным видится применение правил продажи имущественных прав (п. 4 ст. 454 ГК РФ). Можно также говорить о том, что все биржевые договоры носят алеаторный характер, поскольку последствия их исполнения обычно не совпадают с ожиданиями при их заключении. Кроме того, биржевые договоры не могут признаваться в качестве рамочных договоров и договоров присоединения, поскольку сторонами их условия не согласовываются – спецификация разрабатывается и утверждается непосредственно самой биржей. Биржевой договор можно определить как консенсуальный, возмездный, двусторонний (взаимный) договор с определенной спецификой, производной от особенностей правового регулирования биржевой деятельности, а также тесной связи данных отношений с экономическими процессами.

Библиографический список:

1. Белов В. А. Понятие и виды торговых договоров. Курс лекций: учебное пособие. – М.: Юрайт, 2022. 502 с.
2. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права в 4 т. Т. 2. Товар. Торговые сделки. – М.: Юрайт, 2019. 480 с.
3. Цитович П. П. Труды по торговому и вексельному праву в 2 т. Т. 1. Учебник торгового права: пособие. – М.: Статут, 2005. 460 с.
4. Радалов В. Сделки на разность // Закон. 2007. № 2. С. 210-223.
5. Гавальда К. Банковское право. Учреждения. Счета. Операции. Услуги: учебное пособие. – М.: Финстатинформ, 1996. 566 с.
6. Судейкин В. Т. Биржа и биржевые операции: учебное пособие. – СПб.: Типография Северного Телеграфного Агентства, 1892. 112 с.
7. Груздев О. С. Понятие своп-договора и его виды // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 7. С. 68-75.
8. Синицын С. А. Отрицательное значение цены в расчетном фьючерсе // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 57-60.
9. Груздев О. С. Особенности субъектного состава своп-договора и порядка его заключения // Право и политика. 2019. № 8. С. 149-160.

References:

1. Belov V. A. (2022). The Concept and Types of Trade Agreements. Course of Lectures: textbook. Moscow: Urait. 502 p.
2. Shershenevich G. F. (2019). Course of Commercial Law in 4 vols. Volume 2. Goods. Trade Deals. Moscow: Urait. 480 p.
3. Tsitovich P. P. (2005). Works on Trade and Bill Law. Volume 1. Textbook of Commercial Law: a manual. Moscow: Statute. 460 p.
4. Radalov, V. (2007). Transactions on the Difference. Law. 2. P. 210-223.
5. Gavalda K. (1996). Banking Law. Institutions. Accounts. Operations. Services: Translation from French. Moscow: Finstatinform. 566 p.
6. Sudeikin V. T. (1892). Exchange and Exchange Operations: a manual. St. Petersburg: Printing House of the Northern Telegraph Agency. 112 p.
7. Gruzdev O. S. (2019). The Concept of a Swap Contract and its Types. Property Relations in the Russian Federation. 7. P. 68-75.
8. Sinityn S. A. (2020). Negative Value of the Price in Settlement Futures. Entrepreneurial Law. 4. P. 57-60.
9. Gruzdev O. S. (2019). Features of the Subject Composition of the Swap Contract and the Procedure for its Conclusion. Law and Politics. 8.

10. *Гришаев С. П.* Ценные бумаги: виды и практика применения // Российская газета. 2016. № 2. С. 98-110.
11. *Карпетов А. Г.* Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карпетов. – М.: М-Логос, 2018. 1264 с.
12. *Мадагаева Т. Ф.* Алеаторные договоры в системе рискованных договоров в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Томск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская школа частного права (институт)», 2014. 24 с.
13. *Иоффе О. С.* Обязательственное право: учебное пособие. – М.: Юридическая литература, 1975. 880 с.
14. *Башкатов М. Л.* Исполнение деривативных сделок с помощью Центрального контрагента: постановка проблемы // Закон. 2016. № 1. С. 150-168.
15. *Левушкин А. Н.* Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 19-26.
16. *Подузова Е. Б.* Рамочный договор (договор с открытыми условиями): первые итоги реформы гражданского права // Lex russica. 2017. № 6. С. 116-128.
17. *Груздев О. С.* Применение гражданско-правовых договорных конструкций к своп-договору: дис. ... канд. юрид. наук. Томск: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», 2019. 233 с.
- pp. 149-160.
10. *Grishaev S. P.* (2016). Securities: Types and Practice of Application. Rossiyskaya Gazeta. 2. P. 98-110.
11. *Karapetov A. G.* (2018). Transactions, Representation, Limitation Period: article-by-article commentary on Articles 153-208 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos. 1264 p.
12. *Alzhaeva T. F.* (2014). Aleatory Contracts in the System of Risk Contracts in the Civil Law of the Russian Federation. Tomsk: Russian School of Private Law. 24 p.
13. *Ioffe O. S.* (1975). The Law of Obligations: a manual. Moscow: Legal Literature. 880 p.
14. *Bashkatov M. L.* (2016). Execution of Derivative Transactions by a Central Counterparty: Problem Statement. Law. 1. P. 150-168.
15. *Levushkin A. N.* (2018). Special Contractual Constructions: Framework, Option and Subscription Contracts. Actual Problems of Russian law. 2. P. 19-26.
16. *Poduzova E. B.* (2017). Framework Agreement (Contract with Open Terms): the First Results of the Civil Law Reform. Lex Russica. 6. P. 116-128.
17. *Gruzdev O. S.* (2019). Application of Civil Law Contractual Structures to a Swap Contract. Tomsk: National Research Tomsk State University. 233 p.

УДК 343.142
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_37

Кушнарев Александр Сергеевич

kushnarev-02@list.ru
Студент Института прокуратуры
Уральского государственного юридического
университета имени В. Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Калистратова Наталия Сергеевна

преподаватель кафедры истории государства и
права «Уральского государственного юридического
университета имени В.Ф. Яковлева»

О некоторых вопросах участия прокурора в суде первой инстанции

Кушнарев А.С./ О некоторых вопросах участия
прокурора в суде первой инстанции // Уральский
журнал правовых исследований. 2023. n 1. С. 37–48.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_37

Аннотация:

В последнее время в науке уголовно-процессуального права особый интерес в научных изысканиях посвящен проблематике участия прокурора в уголовном процессе в суде первой инстанции. В данной работе автором исследованы сущность и назначение деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения на этапах судебного следствия и прений сторон, рассмотрена специфика полномочий прокурора по поддержанию государственного обвинения на этапах судебного следствия и прений сторон в рамках судебного процесса. Автором проведено теоретическое и практическое исследование проблемных аспектов деятельности прокурора на стадии судебного разбирательства, где он выступает в качестве государственного обвинителя. Более того, в работе приводится исследование содержательных и процессуальных аспектов отказа государственного обвинителя от поддержания государственного обвинения. Также в настоящей работе проведен обзор и анализ распространенных оснований, которые должны учитываться государственным обвинителем при принятии решения об отказе от поддержания государственного обвинения. Рассмотрен ряд вопросов отказа государственного обвинителя от выдвинутых обвинений, а также юридических последствий, вытекающих из данного отказа. Приводятся различия полного и частичного отказа прокурора от поддержания государственного обвинения в ходе судебного разбирательства уголовного дела. Автором даны предложения по совершенствованию норм уголовного законодательства в сфере реализации государственным обвинителем своих полномочий. Автор считает разрешение данных вопросов необходимым, поскольку от этого зависит достижение назначения уголовного судопроизводства. На основе проведенного автором научного исследования предлагается внесение соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова:

прокурор, судебное следствие, прения сторон, государственное обвинение, отказ от поддержания государственного обвинения.

УДК 343.142
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_37

Alexander S. Kushnarev

kushnarev-02@list.ru
Ural State Law University named of V.F. Yakovlev
Institute of Procuracy, Student

Academic Supervisor:

Natalia S. Kalistratova

Lecturer of the Department of History of the State and
Law, Ural State Law University named of V.F. Yakovlev

On certain issues of the participation of the prosecutor in the court of first instance

Alexander S. Kushnarev/ On certain issues of the
participation of the prosecutor in the court of first
instance // Ural Journal of Legal Studies. 2023. no. 1. P.
37–48. DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_37

Abstract:

Recently in the science of criminal procedural law special interest in scientific research has been devoted to the problem of participation of the prosecutor in criminal proceedings in the court of first instance. In this paper the author explored the essence and purpose of the prosecutor's activities to support the state prosecution at the stages of the judicial investigation and the debate of the parties, examined the specifics of the prosecutor's powers to support the state prosecution at the stages of the judicial investigation and the debate of the parties in the judicial process. The author conducted a theoretical and practical study of the problematic aspects of the prosecutor at the stage of court proceedings, where he acts as a public prosecutor. Moreover, the work provides a study of the substantive and procedural aspects of the public prosecutor's refusal to support the public prosecution. This paper also reviews and analyses the common grounds to be taken into account by the public prosecutor when making a decision on refusal to maintain a public prosecution. A number of issues of the public prosecutor's refusal to press charges, as well as the legal consequences arising from this refusal are considered. The differences between the prosecutor's full and partial refusal to maintain the public prosecution in the course of court proceedings in a criminal case are cited. The author makes proposals for the improvement of the norms of criminal law in the field of the implementation of his powers by the public prosecutor. The author considers the resolution of these issues to be necessary as the achievement of the purpose of criminal proceedings depends on it. On the basis of the scientific research conducted by the author it is proposed to introduce relevant amendments into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords:

prosecutor, investigation, pleadings, public prosecution, waiver of public prosecution.

Государственное обвинение является разновидностью публичного обвинения, осуществляемого в различных формах с целью применения уголовного закона к лицам, совершившим преступление, и направлено на защиту интересов личности, общества и государства [1, с. 25]. Исключительным правом на поддержание государственного обвинения наделяется прокуратура. Однако роль прокурора не сводится только к уголовному преследованию обвиняемого. Он обязан осуществлять уголовное преследование и поддерживать обвинение в суде лишь в том случае, если он убежден, что для этого имеются достаточные основания. Если суд, вопреки мнению прокурора о прекращении дела, вынесет определение о придании обвиняемому суду, то прокурор может поручить исполнение обязанностей обвинителя кому-либо другому из подчиненных ему лиц прокурорского надзора. В особо важных случаях он обязан принять эти обязанности на себя; но он не вправе требовать, чтобы другой прокурор поддерживал обвинение вопреки своему убеждению. Если прокурор в ходе судебного следствия сочтет оправдания подсудимого уважительными, он обязан, не поддерживая обвинительно акта, опровергнутого судебным следствием, заявить об этом суду.

Судебное следствие – центральный этап судебного разбирательства, на котором суд с участием сторон, в условиях наиболее полного осуществления принципов уголовного судопроизводства, исследует все имеющиеся доказательства с целью установления фактических обстоятельств дела (предмета доказывания) и вынесения обоснованного приговора [2, с. 527]. Оно начинается с изложения гособвинителем предъявленного подсудимому обвинения, в соответствии с ч. 1 ст. 273 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174 – ФЗ¹. Необходимо отметить, что участие прокурора в судебном следствии является одним из значительных этапов его работы. Значимость этого этапа опосредована его регламентацией на конституционном уровне: согласно ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации, обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном законом порядке.

В ходе судебного следствия прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность. Участие должностного лица органа прокуратуры в судебном разбирательстве является обязательным. Главная задача государственного обвинителя на этом этапе – реализация возложенной на него государством обязанности по установлению всех обстоятельств произошедшего и доказыванию вины подсудимого. Для этого он наделен следующими полномочиями: изложения и при необходимости разъяснения обвинения, представления доказательств, участия в исследовании доказательств, заявления ходатайств, выражения мнения относительно вопросов, возникающих в ходе судебного следствия. Указанные полномочия опосредованы принципом состязательности сторон, в полной мере находящей отражение на этапе судебного следствия.

Как отмечает М.Э. Семененко, на «судебное следствие приходится основной объем работы прокурора-обвинителя, поскольку здесь закладывается фундамент и строится само здание обвинения в виде совокупности доказательств, его подтверждающих (либо дающих основания для отказа обвинения в случаях, когда оно не подтверждается)» [3, с. 62]. Необходимость активной работы прокурора на этом этапе судебного разбирательства предопределена возложением на сторону обвинения бремени доказывания.

1 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ//«Российская газета». 2001. № 249.

Прокурор при подготовке к судебному следствию должен изучать не типичные, а индивидуальные обстоятельства конкретного дела, а также доказательства, которыми они подтверждены. Он должен выяснять, какие процессуальные и поисковые средства, методы и приемы для этого использованы.

Согласно ст. 273 УПК РФ судебное следствие начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения. Далее, в соответствии с ч. 2 ст. 274 УПК РФ, прокурор должен первым представить доказательства и определить порядок их исследования. Это правило логично вытекает из принципа распределения бремени доказывания, а также из принципа благоприятствования защите и презумпции невиновности. Однако ч. 1 ст. 275 УПК РФ предусматривает исключение в виде права подсудимого дать показания первым, в случае если он изъявил такое желание.

Далее практикой выработан «традиционный порядок» представления доказательств стороной обвинения: сначала допрашивается потерпевший, затем свидетели, экспертное заключение и при необходимости производится допрос эксперта, а также исследуются иные материалы уголовного дела.

Показания потерпевшего – одно из главных средств реализации прав и интересов потерпевшего. Согласно ст. 277 УПК РФ потерпевший допрашивается по правилам допроса свидетелей. Отличия заключаются лишь в том, что потерпевший допрашивается ранее допроса «свидетелей», как правило, после изложения прокурором обвинения. Это логично объясняется тем, что суд и сторона защиты с самого начала судебного следствия получают полное представление о позиции стороны обвинения, так как выслушав изложение государственного обвинения, они сразу получают возможность сопоставить его с частной позицией потерпевшего. Кроме того, потерпевший как участник уголовного процесса, не удаляется до его допроса из зала судебного заседания, также на потерпевших не распространяется применимое к свидетелям правило о допросе порознь и в отсутствие недопрошенных участников с таким же процессуальным статусом.

Государственному обвинителю также необходимо учитывать, что на показания потерпевшего оказывает влияние и сама обстановка судебного допроса.

Далее проводятся допросы свидетелей. В соответствии с ч. 1 ст. 278 УПК РФ свидетели допрашиваются порознь и в отсутствие недопрошенных свидетелей. Прокурор должен обращать внимание на исполнение судебным приставом его обязанности по принятию мер для недопущения общения допрошенных свидетелей с недопрошенными и нахождения их в одном помещении.

При обнаружении противоречий в отдельных частях показаний, данных свидетелем в суде, прокурор должен установить причину такого изменения: это может быть забывчивость, влияние на свидетеля со стороны других участников процесса с целью изменения им показаний в пользу подсудимого. По мнению В.Ф. Крюкова, в ситуации различия досудебных и судебных показаний свидетеля следует предъявлять другие доказательства, исследованные судом, особенно вещественные доказательства, которые выступают объектом свидетельских показаний. Не исключены случаи, при которых свидетели в силу давности произошедшего события забывают некоторые фрагменты преступления. В таком случае Баркалова Е.В. советует активизировать свидетеля путем постановки различного рода вопросов, направленных на воспоминание информации или сообщение каких-либо сведений, пусть даже и противоречащих ранее данным показаниям [4, с. 19-23]. Таким образом, умелое использование прокурором совокупности выработанных практикой и доктриной приемов и методов дает ему возможность выявить факты добросовестного заблуждения свидетеля, отделить его умозаключения и суждения от сообщаемых им данных, установить действи-

тельные причины противоречий, неполноты и неточности в показаниях и по мере возможности устранить их [5, с. 152].

Следующим по очередности идет допрос гражданского истца и его представителя. Однако ст. 74 УПК РФ не предусматривает в качестве доказательств данные показания. Тем не менее в силу п. 5 и п. 7 ч. 4 ст. 44 УПК РФ они наделены правом давать показания по уголовному делу. В связи с чем для устранения вышеназванного противоречия, придания показаниям истца и его представителя нормативного доказательственного значения, предлагается дополнить ими перечень доказательств, установленный ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

После завершения допросов государственный обвинитель продолжает предъявление доказательств посредством исследования материалов уголовного дела. Очередность исследования материалов дела сторона обвинения определяет самостоятельно.

Как правило, первым исследуется заключение эксперта. Однако в случае, если стороны заявят ходатайства, в которых приведут веские доводы о необходимости разъяснения или уточнения заключения эксперта, суд может вызвать эксперта для проведения допроса. Допрос эксперта производится с целью дополнения, разъяснений письменного заключения, если не требуется новых исследований. Вопросы эксперту задаются для выяснения новых вопросов, которые возникли в ходе судебного заседания, так и для уточнения содержащихся в заключении выводов. Если допрос эксперта не устранил неясность или неполноту экспертного заключения, суд по своей инициативе либо по инициативе сторон может назначить проведение повторной или дополнительной экспертизы. При этом Пленум Верховного суда РФ акцентирует внимание на том, что производство дополнительной или повторной экспертизы, в случае, когда для их проведения есть основания, не может быть заменено проведением допросов эксперта².

Однако помимо исследования экспертного заключения необходимо исследовать и другие документы, в частности, материалы, характеризующие подсудимого.

Далее свои доказательства представляет сторона защиты. Прежде всего к ним относятся судебные допросы подсудимого, новых свидетелей, специалиста и др. На данном этапе прокурору необходимо продемонстрировать суду несостоятельность доводов защиты, если таковая обнаружится.

Показания подсудимого не только один из источников доказательств по делу, но и важное средство защиты. Это обязывает прокурора критически подходить к их оценке даже в том случае, если подсудимый полностью признает себя виновным. Основная цель допроса подсудимого – получение от него правдивых показаний [5, с. 158]. Прежде всего, прокурор должен тщательно изучить все материалы дела, касающиеся личности подсудимого, его моральных качеств и психологических особенностей, поведения в обществе, быту. Готовясь к допросу подсудимого, прокурор должен четко представлять, какие показания, данные подсудимым в ходе предварительного следствия, подтверждаются иными доказательствами, а какие нет. Главная цель прокурора при допросе подсудимого – изобличить подсудимого, указать на ложность его показаний и доводов стороны защиты. Государственный обвинитель должен выяснять у подсудимого, как он может объяснить несовпадение его показаний с данными экспертизы, показаниями других свидетелей.

2 ВС: эксперт обязан объяснять свои методики, а его допрос не может заменять новую экспертизу/rapsinews.ru//URL:https://rapsinews.ru/judicial_news/20220317/307800533.html (дата обращения: 10.01.2023)

Далее, в ходе судебного следствия возможно проведение судебных действий следственного характера. Как например, производство судебной экспертизы (ст. 283 УПК РФ), осмотр вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ), осмотр местности и помещения (ст. 287 УПК РФ), следственный эксперимент (ст. 288 УПК РФ).

Роль прокурора при осуществлении судом названных действий сводится к следующему:

1) Прокурор может быть инициатором их проведения, для этого ему необходимо обратиться с соответствующим ходатайством к суду;

2) Сам факт того, что назначение подобных мероприятий указывает на недостаточность собранных в ходе предварительного расследования доказательств, должно стимулировать прокурора к тому, чтобы результаты этих действий не опровергли, а напротив, укрепили обвинительный тезис.

Таким образом, участие государственного обвинителя на этапе судебного следствия – необходимое условие реализации конституционного принципа состязательности судебного разбирательства – создает наилучшие возможности полного и всестороннего исследования обстоятельств дела, усиливает гарантии прав и законных интересов участников разбирательства.

Следующим за судебным следствием этапом являются прения сторон. Так, в соответствии со статьей 345 УПК РФ, после окончания судебного следствия суд переходит к судебным прениям, которые состоят из речей государственного и частного обвинителей, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей, защитника, обвиняемого, самостоятельно осуществляющего свою защиту, или его законного представителя.

В прениях сторон задействованы все участники, имеющие свой процессуальный интерес. Обязательные участники прений – государственный обвинитель и адвокат-защитник подсудимого. Они в отличие от других участников процесса, не вправе отказаться от произнесения основной речи. Именно в речах обвинителя и защитника должна быть отражена вся позиция соответствующей стороны. Однако участие в прениях подсудимого в соответствии с частью 1 ст. 292 УПК РФ возможно только лишь при отсутствии защитника. На мой взгляд, такое умаление прав подсудимого нарушает принцип равноправия участников процесса и право подсудимого участвовать в судебном разбирательстве, закрепленное в п. 16 ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Однако, как известно, подсудимый имеет возможность высказать свою позицию в ходе последнего слова подсудимого, в связи с чем возникает заблуждение, что само выступление подсудимого в прениях ему ни к чему. Но важно понимать, что прения сторон и последнее слово подсудимого – разные этапы судебного разбирательства, в каждом из которых уголовно преследуемое лицо должно иметь полную возможность защищаться [6, с. 243]. В свою очередь Пленум Верховного Суда РФ привел разъяснения на этот счет, где указал, что подсудимому должно быть разъяснено и право участвовать в прениях сторон, и право на последнее слово. Важно отметить, что подсудимый вправе отказаться от защитника по мотивам несогласия с его позицией после выступления адвоката в судебных прениях и просить суд предоставить ему слово для произнесения защитительной речи³.

Отсутствие других участников судебных прений также не лишает подсудимого права выступить с защитительной речью, а затем – воспользоваться последним словом [7, с. 211].

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»// «Российская газета», № 150, 10.07.2015

Последовательность выступлений участников судебных прений устанавливается судом по их предложениям, но в соответствии с ч. 3 ст. 292 УПК РФ первым всегда выступает обвинитель, последним – подсудимый и его защитник; гражданский ответчик и его представитель выступают в прениях сторон после гражданского истца и его представителя.

В своем выступлении государственный обвинитель подводит итоги расследования преступления и рассмотрения дела в ходе судебного следствия. В речи формируются выводы, к которым, по мнению прокурора, должен прийти суд.

Работа государственного обвинителя в прениях состоит из следующих этапов: подготовка речи, произнесение речи, анализ речей участников стороны защиты и выступление с репликой (при необходимости), а также подготовка и подача письменных предложений в соответствии с ч. 7 ст. 292 УПК РФ.

Первый этап – подготовка речи. Как правило она завершается в перерыве после окончания судебного следствия и до открытия прений сторон. При подготовке к выступлению прокурору необходимо исследовать доказательства, данные, характеризующие личность обвиняемого, просмотрев записи, подготовить текст и конспект речи.

Следующий этап – произнесение речи. Излагая позицию стороны обвинения, прокурор подводит перед судом итог всей обвинительной деятельности государства, что требует от государственного обвинителя самого ответственного подхода. Успех обвинительной речи зависит во многом от умения убедительно представить свою позицию, поэтому прокурор должен использовать приемы и методы, разработанные криминалистикой, психологией, логикой, наукой ораторского мастерства.

Далее идет анализ речей участников стороны защиты и при необходимости выступление с репликой. Прокурор, слушая выступление стороны защиты, должен тщательно анализировать ее содержание, помечать, на какие доводы обвинения сторона защиты не смогла ответить, привести должные контраргументы, и понять, каким аргументам в пользу невиновности подсудимого нет опровержения в обвинительной речи, проследить, не допускает ли сторона искажение доводов стороны обвинения. Результаты такого комплексного анализа могут лечь в основу будущей реплики государственного обвинителя. Важно отметить, что в отличие от речи, реплика – это право, а не обязанность участника судебных прений. Отказ от реплики не означает, что отказавшийся согласен с выступлениями других участников процесса, а подразумевает, что их доводы были достаточно проанализированы в основной речи. В реплике допустимо изменение ранее высказанной позиции по любому из обсуждаемых в судебных прениях вопросов.

Далее следует этап подготовки и подачи письменных предложений по вопросам ст. 299 УПК РФ, который в соответствии с частью 7 ст. 292 УПК РФ завершает работу государственного обвинителя на этапе прений сторон. В соответствии с данной нормой по окончании своего выступления, но до удаления суда в совещательную комнату любой из участников прений вправе представить суду заранее подготовленные в письменном виде формулировки решений по вопросам, указанным в п. 1-6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ [8, с. 45]. Предлагаемые формулировки должны касаться существа предъявляемого обвинения и подлежат обсуждению в совещательной комнате, что в свою очередь должно найти отражение в мотивировочной части приговора, так же, как и доводы подсудимого, защитника и других участников процесса. Все это используется в рамках требований, предъявляемых к приговору с точки зрения его мотивированности. Предлагаемые формулировки не имеют для суда обязательной силы. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30.06.2021 n 376 «Об участии прокуроров

в судебных стадиях уголовного судопроизводства» преобразует представленное государственному обвинителю УПК РФ право в обязанность⁴. В п. 9 Приказа говорится об обязанности докладывать рапортом прокурору о результатах рассмотрения уголовного дела, в котором необходимо отражать предложенные формулировки по разрешаемым судом вопросам, перечисленным в ч. 1 ст. 299 УПК РФ. Таким образом, можно сделать вывод, что предложение суду таких формулировок Генеральный прокурор видит в качестве обязанности государственных обвинителей. Представляется, что такое противоречие не влечет негативных последствий, поскольку, во-первых, эти формулировки в силу указания УПК РФ не обязательны для суда, а во-вторых, вопросы части 1 ст. 299 УПК РФ, выходящие за пределы пунктов 1-6, традиционно включаются в речь прокурора.

По окончании всех выступлений председательствующий объявляет судебные прения законченными и предоставляет последнее слово подсудимому. Однако на этапе судебных прений возможно возвращение к судебному следствию в случае, если участники прений сторон сообщат о новых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, или заявят о необходимости предъявить суду для исследования новые доказательства (ст. 294 УПК РФ). Такой поворот возможен при аналогичных условиях после выступления подсудимого с последним словом. Государственный обвинитель помимо инициирования возобновления судебного следствия должен адекватно реагировать на подобные заявления стороны защиты.

Рассмотрев процессуальные аспекты участия государственного обвинителя в прениях сторон, необходимо также уделить внимание и содержательной части его судебной речи.

В настоящее время, согласно судебной и прокурорской практике, речь государственного обвинителя состоит из следующих составляющих элементов:

- Вступление, в котором излагается общественная опасность совершенного преступления;
- Изложение фактических обстоятельств рассматриваемого дела;
- Анализ доказательств и доказанности обвинения;
- Уголовно-правовая квалификация, вытекающая из этого анализа;
- Предложения по поводу вопросов, которые надлежит разрешить суду в совещательной комнате, например, о мере наказания, исходя из смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств.

Выступая с речью, прокурор должен следовать требованиям, прямо сформулированным в УПК РФ: не ссылаться на доказательства, которые не были предметом рассмотрения на судебном следствии или признаны судом недопустимыми (ч. 4 ст. 292 УПК РФ).

Самой содержательной частью обвинительной речи является критический анализ и объективная оценка исследованных судом доказательств. Государственный обвинитель может подвергнуть анализу и оценке не все исследованные по делу доказательства, а те, которые считает необходимым. Однако обход молчанием доказательств, относящихся к невинности подсудимого, указывает на необъективность и предвзятость государственного обвинителя [9, с. 163]. Исследование доказательств не должно сводиться к некорректным формулировкам, как например, «виновность подсудимого подтверждается всеми исследованными доказательствами» [10, с. 85].

4 Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» / legalacts.ru//URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-geNprokuratury-rossii-ot-30062021-N-376-ob-uchastii/> (дата обращения: 10.01.2023)

Прокурор должен уделить особое внимание доказательствам, добытым и исследованным в ходе судебного следствия, тем самым высказывая точку зрения о возможности их использования в основе приговора. По сложным и многоэпизодным делам следует проводить анализ доказательств системно, группируя доказательства по лицам и эпизодам. Помимо анализа конкретных доказательств прокурор должен оценить их совокупность с позиций достаточности для постановления обвинительного приговора.

Согласно ч. 5 ст. 246 УПК РФ в структуру обвинительной речи входит также предложение прокурора о назначении подсудимому наказания. Такое предложение не обязательно для суда, однако анализ судебной практики показывает, что практически никогда судьями не назначается наказание больше, тяжелее предложенного государственным обвинителем. Такая практика не имеет нормативного объяснения, не обусловлена она и объективными служебно-организационными причинами. Однако ее устойчивость вызвала научный интерес у многих исследователей, большинство которых видит в бесспорном согласии судей с предложенным наказанием посягательство прокурора на независимость судей [11, с. 65]. В связи с этим предлагается исключить из УПК РФ полномочие прокурора рекомендовать суду меру наказания. Чтобы дать верную оценку этому предложению, необходимо выяснить, соответствует ли данное полномочие статусу прокурора в уголовном процессе. Обвинение как утверждение о виновности лица в совершении преступления, в частности, находит отражение в судебной речи в квалификации содеянного по статьям Особенной части Уголовного кодекса РФ. И в соответствии с ч. 1 ст. 252 УПК РФ судьи не вправе выходить за пределы предъявленного обвинения. Наказание является не элементом обвинения, а формой реализации цели уголовного преследования, поэтому назначение иного наказания, чем предложено прокурором, не нарушает ограничение ч. 1 ст. 252 УПК РФ. Если же прокурор не обозначил в обвинительной речи вопрос о наказании виновного, то он не довел уголовное преследование до конца. Таким образом, полномочие прокурора предлагать суду вид и размер наказания обусловлено ролью прокурора в уголовно процессе и не посягает на независимость судей.

На мой взгляд, говоря об участии прокурора по поддержанию государственного обвинения, необходимо сказать и о таком возможном процессуальном решении прокурора, как отказ от поддержания государственного обвинения.

Как известно, под отказом государственного обвинителя от поддержания государственного обвинения понимается мотивированное, законное и обоснованное заявление государственного обвинителя перед судом и участниками уголовного судопроизводства, выражающееся в полном или частичном отказе от обвинения как утверждения о совершении подсудимым деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутым органами предварительного расследования, вследствие его неподтверждения совокупностью доказательств, надлежащим образом исследованных, проверенных и оцененных в процессе судебного разбирательства в суде первой или апелляционной инстанции.

В силу ч. 7 ст. 246 УПК РФ государственный обвинитель может отказаться от всего обвинения или от его части. Полный отказ от обвинения – полное отрицание материально-правового содержания обвинения. Частичный отказ от обвинения – отрицание лишь части обвинения в его материально-правовом смысле (одного из эпизодов преступной деятельности, обвинения в отношении одного из подсудимых), обвинительная деятельность в этом случае продолжается, но сокращаются пределы обвинения.

Причины отказа государственного обвинителя от обвинения можно подраз-

делить на две группы: серьезные ошибки, допущенные дознавателем, следователем и (или) прокурором при осуществлении уголовного преследования в ходе досудебного производства и выяснение в судебном заседании новых обстоятельств, не известных и не могущих быть известными ранее.

Однако стоит отметить популярность доводов, что на практике прокуроры редко отказываются от обвинения. Не стоит принимать эти аргументы на веру, поскольку, во-первых, учитывая результаты аналитики, можно убедиться, что случаи отказа от обвинения пусть и не часто, но периодически встречаются в деятельности прокуратуры. Во-вторых, действующая законодательная регламентация этого института неизбежно требует его теоретического осмысления.

Обязанность государственного обвинителя отказаться от обвинения – вопрос не только юридический, но и этический. На это указывала статья 749 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.: «Если прокурор находит оправдание уважительным, то обязан заявить об этом суду по совести»⁵. Об этом же свидетельствует формулировка «служебный долг» в Приказе Генерального прокурора РФ. Как известно, обвинение человека, вина которого не доказана, противоречит элементарным нормам морали. Ситуация отказа от обвинения сложна тем, что определяющим ее фактором является внутреннее убеждение государственного обвинителя (и изначально это именно личное убеждение, лишь позже оно становится (или не становится) согласованной позицией органа прокуратуры). Внутреннее убеждение – явление, с трудом поддающееся научному анализу, тем не менее необходимо ответить на вопрос, какова должна быть глубина этого убеждения: должна ли это быть абсолютная уверенность в невиновности лица или достаточно сомнений в обвинительной позиции? В.М. Савицкий пишет, что государственному обвинителю «достаточно утратить убежденность в виновности – не более» [12, с. 74]. К тому же, если исходить из презумпции невиновности, а также правила, что все сомнения трактуются в пользу обвиняемого, становится ясно, что для отказа от обвинения достаточно наличия неустранимых сомнений.

В этом смысле показателен пример отказа государственного обвинителя от обвинения: из материалов уголовного дела следует, что органами следствия гражданин Б. обвинялся в умышленном убийстве гражданина С., т.е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ. Однако в судебном заседании государственный обвинитель ввиду отсутствия бесспорных доказательств вины Б. в лишении потерпевшего жизни отказался от этого обвинения, и суд оправдал Б. по ст. 105 УК РФ⁶.

Стоит отметить, что сам факт отказа обвинителя от обвинения, несмотря на его обязательность для суда, не назван основанием для прекращения судом уголовного дела (уголовного преследования). Официальное подтверждение этому можно найти в Постановлении Пленума ВС РФ «О судебном приговоре»: суд должен принять решение о прекращении уголовного дела только после завершения исследования в процедуре, отвечающей требованиям состязательности, значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и стороны защиты об обоснованности позиции государственного обвинителя⁷.

5 Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года/ constitution.garant.ru//URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 10.01.2023)

6 Задача из сборника задач по уголовному процессу. Уголовный процесс (Общая часть): сборник задач. сост.: Р. Н. Ласточкина, Е. Е. Язева А. Г. Кулев//URL: <http://www.lib.uniyar.ac.ru/edocs/iuni/20180913.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).

7 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре»// «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 1, январь, 2017.

В УПК по-прежнему нет ответа на вопрос о форме отказа от обвинения. Из этого можно сделать вывод, что отказ может быть озвучен устно. В Приказе Генерального прокурора РФ от 30.06.2021 n 376 содержится позиция, согласно которой форма отказа должна быть письменной, что представляется наиболее правильным. В таком случае предлагается два варианта оформления отказа от обвинения: постановление и ходатайство. Ходатайство предполагает его обсуждение и принятие судом решения об его удовлетворении либо об отказе в удовлетворении, в то время как отказ от обвинения таких полномочий судье не дает в силу своего обязательного характера. В пользу постановления говорит также и то, что все этапы развития уголовного преследования оформляются официальными документами. Отказ от обвинения, как этап, завершающий уголовное преследование, тоже должен быть оформлен официальным распорядительным актом субъекта уголовного преследования. Таковым в суде выступает только государственный обвинитель, и именно поэтому постановление судьи о прекращении уголовного дела недостаточно для завершения процесса по делу.

Другой проблемой уголовного процесса является определение момента отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения. УПК РФ позволяет прокурору отказаться от обвинения и на предварительном слушании (ч. 1 ст. 239 УПК РФ), и в судебном разбирательстве на любой его стадии (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). В то же время Приказ Генерального прокурора РФ от 30.06.2021 № 376 в п. 7 определяет, что государственный обвинитель, руководствуясь законом и совестью, может отказаться от обвинения только после всестороннего исследования доказательств. На мой взгляд, наиболее правильной представляется вторая позиция.

Другим вопросом являются последствия отказа государственного обвинителя от обвинения. Из ч. 7 ст. 246 УПК РФ следует, что отказ от обвинения влечет безусловное прекращение уголовного преследования. Недостатки регулирования этого вопроса выражены в нарушении права потерпевшего на поддержание обвинения, права гражданского истца на выдвижение требований, к тому же нельзя однозначно оценить ситуацию, когда суд, будучи несогласным с отказом прокурора и видя перед собой преступника, не может использовать потенциал своей власти, чтобы привлечь его к ответственности.

Для российского уголовного процесса такая регламентация последствий отказа, характерная англо-саксонской правовой системе, нова. Начиная с Устава судебного судопроизводства и заканчивая УПК РСФСР 1960 г., действовавшим до 2002 года, суд мог продолжать производство по делу в случае несогласия с отказом от обвинения, при этом судебное следствие велось усилиями судьи, который вместо прокурора задавал допрашиваемым вопросы обвинительного характера [13, с. 29]. Основной недостаток – низкий уровень обеспечения прав и свобод человека. Впоследствии судья лишался возможности не согласиться с прокурором. Логика этого изменения такова: если вопрос обоснованности обвинения будет решать суд, то при его положительном решении (отклонении ходатайства прокурора от отказа от обвинения), он начнет реализовывать функцию обвинения, что противоречит принципу состязательности.

В настоящее время УПК РФ предусматривает для потерпевшего два механизма защиты своих интересов в случае отказа прокурора от обвинения. Оба не оперативны, так как применимы только после вынесения судом итогового решения.

Первое – предъявление и рассмотрение гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства. Главный его недостаток – содержательная ущербность: интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве не могут быть сведены исключительно к возмещению причиненного ему вреда.

Второе – обжалование решения в суде вышестоящей инстанции. Поскольку

обжаловать решение просто в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения безнадежно (в силу императивной ч. 7 статьи 246 УПК РФ, согласно которой постановление о прекращении уголовного преследования всегда будет признано законным и обоснованным), потерпевшему необходимо отыскать иной изъяс в решении и через него «протащить» истинную причину обжалования решения – «автоматическое» прекращение дела вопреки его мнению.

В доктрине предлагается предусмотреть в УПК РФ право потерпевшего на обжалование судебного решения, вынесенного судом в связи с отказом. Однако, это не решит проблемы затягивания процесса. К тому же отказ государственного обвинителя от обвинения не уместен в ряду оснований для апелляционного обжалования, поскольку не является фактом нарушения уголовно-процессуального законодательства. Другой вариант – наделение потерпевшего правом заявлять ходатайство о замене государственного обвинителя на прокурора, утвердившего обвинительное заключение и направившего дело в суд [14, с. 42]. Полагается, что такое мнение нецелесообразно, поскольку позиция государственного обвинителя по отказу является позицией органа прокуратуры в целом.

В заключении хотелось бы отметить, что институт отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения имеет большое значение для современного уголовного судопроизводства, по смыслу ст. 6 УПК РФ он отвечает целям и задачам уголовного процесса, что способствует укреплению авторитета судебной власти в части вынесения судом законных решений и поэтому требует четкой уголовно-процессуальной регламентации.

Библиографический список:

1. Лукожев Х. М. История возникновения и развития государственного обвинения в России (начало) // История государства и права. 2011. № 23. С. 25-28.
2. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. – М.: Инфотропик Медиа, 2016. 912 с.
3. Семенов М.Э. Проблемы уголовного преследования, осуществляемого прокурором в суде: дисс. канд. юрид. наук. – М., 2001. 151 с.
4. Баркалова Е.В. Криминалистические аспекты участия государственного обвинителя в проведении судебного допроса // Мировой судья. 2016. № 4. С. 19-23.
5. Кудрявцева П. И. Прокурорский надзор в суде первой инстанции по уголовным делам. – М., 1978. 152 с.
6. Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций. – 3-е изд. – Екатеринбург, 2014. 249 с.
7. Власов А.А. Участие прокурора в судебном разбирательстве: учебное пособие. – Ульяновск: Ульяновский дом печати, 2002. 368 с.
8. Памятка государственному обвинителю/ epp.genproc.gov.ru/URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_78/activity/legal-education/materials/pm (дата обращения: 12.01.2023)
9. Герасимов С.И. Организация работы городской (районной) прокуратуры: методическое пособие. – М., 2001. 297 с.
10. Миронов В.Д. Реализация полномочий прокурора в ходе прений сторон по уголовным де-

References:

1. Lukozhev H. M. (2011). History of Emergence and Development of Public Prosecution in Russia (Beginning). History of State and Law. 22. P. 25-28.
2. Balakshin V. S., Kozubenko Y. V., Proshlyakov A. D. (ed.) (2016). Criminal Procedure: textbook. Moscow: Infotropic Media. 912 p.
3. Semenenko M.E. Problems of Criminal Prosecution Carried out by the Prosecutor in Court: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. 151 p.
4. Barkalova E.V. (2016). Criminological Aspects of Participation of the State Prosecutor in Judicial Interrogation. Justice of the Peace. 4. P. 19-23.
5. Kudryavtseva P. I. (1978). Procuratorial Supervision in the Court of First Instance in Criminal Cases. Moscow. 152 p.
6. Davletov A.A. (2014). Criminal Proceedings in the Russian Federation: course of lectures. Yekaterinburg. 249 p.
7. Vlasov A.A. (2002). Participation of the Prosecutor in Court Proceedings: textbook. Ulyanovsk: Ulyanovsk House of Printing. 368 p.
8. Memo to the Public Prosecutor. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_78/activity/legal-education/materials/pm (accessed 12 January, 2023).
9. Gerasimov S.I. (2001). Organization of Work of a City (District) Prosecutor's Office: methodical textbook. Moscow. 297 p.
10. Mironov V.D. (2008). Realization of Powers of the Prosecutor During the Debates of the Parties in Criminal Cases in the Court of First Instance.

1 (22) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

- лам в суде первой инстанции // Конституционализм и правоведение. 2008. № 4. С. 81-93.
11. *Сотсков Ф.Н.* О равных правах, но не равных возможностях сторон на стадии прений в уголовном процессе // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 62-65.
  12. *Савицкий В.М.* Государственное обвинение в суде. – М.: Наука, 1971. 342 с.
  13. *Петрухин И.Л.* От инквизиции – к состязательности // Государство и право. 2003. № 7. С. 28-36.
  14. *Яковлев Н.М.* Права человека и государственное обвинение // Российский судья. 2004. № 9. С. 39-43.
11. *Sotskov F.N.* (2015). On Equal Rights, But not Equal Opportunities of the Parties at the Stage of the Debate in Criminal Proceedings. Topical issues of combating crime. 2. P. 62-65.
  12. *Savitsky V.M.* (1971). Public Prosecution in Court. Moscow: Science. 342 p.
  13. *Petruhin I.L.* (2003). From Inquisition to Adversarial Procedure. State and Law. 7. P. 28-36.
  14. *Yakovlev N.M.* (2004). Human Rights and Public Prosecution. Russian judge. 9. P. 39-43.

1 (22) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 347.94
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_49

Николаев Алексей Сергеевич

alexnik241101@mail.ru
Студент Института публичного права и управления
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:

Казанбекова Джавгарат Рамазановна

Старший преподаватель кафедры гражданского и
административного судопроизводства
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Кандидат юридических наук

Проблемы доказывания в спорах о назначении досрочной пенсии по старости

Николаев А.С./ Проблемы доказывания в спорах о
назначении досрочной пенсии по старости//
Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 1.
С. 49–53. DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_49

Аннотация:

В научной работе рассматриваются проблемы судебной защиты прав граждан на досрочное пенсионное обеспечение по старости. Автором проанализирована практика судов общей юрисдикции, которая в настоящий момент не отличается единообразием. На основе такого анализа был сделан вывод о существующих проблемах в доказывании гражданами определенных юридических фактов в спорах с Пенсионным фондом России (с 2023 г. – Фонд пенсионного и социального страхования РФ), в первую очередь – факта наличия специального страхового стажа работы в особых (вредных, тяжелых) условиях труда. Помимо судебной практики, автором рассмотрена актуальная научная литература по этому межотраслевому вопросу, источники по гражданскому процессуальному праву и праву социального обеспечения. С учетом особенностей материально-правовых споров, связанных с пенсионным обеспечением, предлагается совершенствование законодательного регулирования соответствующих отношений путем внесения изменений в действующие федеральные законы и подзаконные акты. Автор считает, что для улучшения процессуального положения работников, претендующих на пенсионное обеспечение, и повышения эффективности механизма судебной защиты их прав необходимо установить доказательственную презумпцию, позволяющую перераспределить бремя доказывания в спорах о назначении досрочной пенсии по старости. Перспектива практической реализации полученного вывода подтверждается автором указанием на то, что в судебной практике уже сейчас встречаются примеры, когда при принятии решений исходят из презумпции добросовестности граждан как участников социально-обеспечительных правоотношений и не признают объективную невозможность получения справки о характере работы в качестве основания для отказа в реализации истцами своих пенсионных прав.

Ключевые слова:

прокурор, судебное следствие, прения сторон, государственное обвинение, отказ от поддержания государственного обвинения.

УДК 347.94
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_49

Aleksey S. Nikolaev

alexnik241101@mail.ru
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Institute of Public Law and Administration, Student

Academic Supervisor:

Djavgarat R. Kazanbekova

Senior Lecturer of the department of Civil and
Administrative Legal Proceedings
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Candidate of Juridical Sciences

Problems of proof in legal disputes about the assignment of early old-age pensions

Aleksey S. Nikolaev/ Problems of proof in legal disputes
about the assignment of early old-age pensions// Ural
Journal of Legal Studies. 2023. No. 1. P. 49–53.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_49

Abstract:

Scientific work considers problems of judicial protection of citizens' rights to early old-age pension. The author has analysed the practice of the courts of general jurisdiction, which is currently not uniform. On the basis of this analysis, it was concluded that there are problems in proving legal facts by citizens in disputes with the Russian Pension Fund (since 2023 - Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation), especially - the fact of having a special insurance period of service in special (harmful, tough) working conditions. In addition to the court practice, the author considers current scientific literature on this intersectoral issue, sources on civil procedural law and social security law. Taking into account the peculiarities of substantive legal disputes related to pension provision, it is proposed to improve the legislative regulation of the relevant relations by amending the existing federal laws and regulations. The author considers that an evidentiary presumption must be established in order to improve the procedural status of workers claiming pension provision and to improve the effectiveness of the judicial protection of their rights, allowing for a redistribution of the burden of proof in old-age pension disputes. The prospect of practical implementation of the obtained conclusion is confirmed by the author by pointing out that in judicial practice there are already examples when, when making decisions, they proceed from the presumption of good faith of citizens as participants in social security legal relations and do not recognize the objective impossibility of obtaining a certificate of the nature of work as a basis for refusing to exercise their pension rights by plaintiffs.

Keywords:

prosecutor, investigation, pleadings, public prosecution, waiver of public prosecution.

В системе социального обеспечения, гарантируемого каждому в соответствии со статьей 39 Конституции РФ, особое место занимает пенсионное обеспечение, так как пенсия для большинства пенсионеров является основным источником средств существования. Неотъемлемым атрибутом эффективной социальной политики является высокий уровень гарантий прав граждан на пенсионное обеспечение, т.е. при наличии условий, предусмотренных законом, лицам должна беспрепятственно и своевременно назначаться и выплачиваться соответствующая пенсия. В случае нарушения своих прав они имеют возможность воспользоваться правом на судебную защиту, что представляется наиболее эффективной юридической гарантией.

Характерной особенностью общественных отношений по социальному обеспечению является их уязвимый характер, предопределяющий использование отраслевого метода для их правового регулирования. Законодателем не установлен элемент подчиненности между субъектами правоотношения, но в силу того, что одним из участников является орган государства или иной уполномоченный властный орган, назвать субъектов равными не представляется возможным [1, с. 42].

В случае возникновения спора, связанного с назначением пенсии по старости, пожилой гражданин является его слабой стороной, так как правоотношения в этой сфере носят публично-правовой характер: решение Фонда пенсионного и социального страхования как уполномоченного государством органа о назначении или отказе в назначении пенсии носит обязательный для гражданина характер и может быть пересмотрено только в административном (в вышестоящий орган) или судебном порядке. К тому же современное пенсионное законодательство РФ является сложным и трудным для восприятия даже специалистам с юридическим образованием. Другой стороной спора является уполномоченный орган – государственный внебюджетный фонд – Фонд пенсионного и социального страхования РФ (далее – Фонд), в штате которого есть юрист, являющийся уполномоченным представителем этого органа в судах и специализирующийся на применении пенсионного законодательства. Указанные особенности необходимо учитывать и при законодательном регулировании процессуальных отношений по спорам, связанным с пенсионным обеспечением по старости, так как от этого напрямую зависит эффективность судебной защиты прав граждан.

В соответствии с данными Пенсионного фонда РФ за 2021 г. 30% страховых пенсий по старости назначаются ранее установленного законом общего возраста, т.е. досрочно¹. Основанием для досрочного назначения страховой пенсии по старости, помимо прочих, является работа в опасных, вредных, тяжелых или иных неблагоприятных условиях труда. Достаточно часто этой обширной категории пенсионеров отказывают в назначении пенсии, и их право на пенсионное обеспечение становится предметом рассмотрения судов. Анализ судебной практики показал, что большое количество граждан сталкивается с трудностями на этапе доказывания их права на досрочную пенсию. В соответствии с действующим законодательством для назначения досрочной пенсии, помимо прочего, необходимо установить специальный страховой стаж в особых (вредных и тяжелых) условиях труда посредством сопоставления его специальности со Списками², утвержденными Правительством РФ, и постоянную занятость выполнением

1 Годовой отчет Пенсионного фонда Российской Федерации за 2021 г. // URL: https://pfr.gov.ru/press_ceNter/aN°N°ual_report/ (дата обращения: 26.01.2023)

2 Постановление Правительства РФ от 16.07.2014 № 665 «О списках работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых досрочно назначается страховая пенсия по старости, и правилах исчисления периодов работы (деятельности), дающей право на досрочное пенсионное обеспечение» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (часть II), ст. 4306.

работ в течение полного рабочего дня (согласно п. 5 разъяснениям Минтруда РФ³ - это 80 % рабочего времени). Гражданин, претендующий на досрочную пенсию, представляет в качестве доказательства трудовую книжку, подтверждающую периоды трудовой деятельности и занимаемые должности. В то же время при отсутствии необходимых сведений в Фонде доказать факт работы, дающий право на досрочное пенсионное обеспечение, занятость в особых условиях труда не менее 80 % работников может быть не в состоянии, так как трудовые правоотношения имели место в прошлом (зачастую спорными являются именно периоды работы до введения системы индивидуального (персонифицированного) учета, т.е. до 1997 года). Ввиду такого разрыва во времени между трудовой деятельностью и обращением гражданина в пенсионный орган с заявлением о назначении досрочной пенсии по старости следует принимать во внимание, что работодатель, с которым работник заключал трудовой договор, мог быть ликвидирован, а архивные справки, подтверждающие характер работ, могли быть утрачены.

Судебная практика показывает, что по подобным делам если суды первой инстанции и удовлетворяют иски, то суды вышестоящих инстанций эти решения отменяют или оставляют в силе решения в пользу Фонда⁴. Суды аргументируют это тем, что ввиду недостаточности представленных истцом доказательств, отсутствуют основания включения периодов работы в специальный страховой стаж, назначения пенсии, несмотря на то, что истцом принимались попытки получения документов, подтверждающих необходимые сведения о характере работы.

Приведенная судебная практика представляется противоречащей Конституции РФ. Поскольку обязанность по представлению необходимых документов (справок с кодом особых условий труда и др.), подтверждающих право застрахованного лица (работника) на досрочное назначение страховой пенсии по старости, в соответствии с Федеральным законом от 01.04.1996 № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования», возлагается на страхователя (работодателя), то работник не должен нести неблагоприятных последствий в случае их ненадлежащего исполнения. Если трудовой стаж был накоплен до регистрации гражданина в системе обязательного пенсионного страхования, то он согласно действовавшему тогда законодательству,⁵ подтверждается документами, которые обязаны выдать соответствующие государственные органы или организации. Фактически имеет место установление различий в реализации гражданами права на досрочное пенсионное обеспечение, если их работодатели по-разному относились к исполнению обязанностей, что прямо противоречит установленному частью 2 статьи 19 Конституции РФ принципу равенства прав и свобод, принадлежащих каждому человеку и гражданину.

Долгое время аналогичное положение вещей можно было наблюдать с вклю-

3 Постановление Минтруда РФ от 22.05.1996 № 29 «Об утверждении разъяснения «О порядке применения Списков производств, работ, профессий, должностей и показателей, дающих в соответствии со статьями 12, 78 и 78.1 Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР» право на пенсию по старости в связи с особыми условиями труда и на пенсию за выслугу лет» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1996. № 9.

4 См., например, Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 03.10.2022 № 88-26432/2022, Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17.03.2022 № 88-6479/2022 по делу № 2-131/2021, Апелляционное определение Верховного Суда Республики Мордовия от 24.12.2013 по делу № 33-2536/2013

5 «О государственных пенсиях в Российской Федерации»: Закон РФ от 20.11.1990 № 340-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 27. Ст. 351.

чением в страховой стаж периодов работы, за которые работодателем не были уплачены страховые взносы. Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) в свою очередь справедливо признал, что возможность страховщика не исполнять свои обязательства перед застрахованными лицами умаляет значимость их трудовой деятельности, подрывает доверие граждан к закону, ставит под сомнение наличие приобретенных пенсионных прав, признание, соблюдение и защита которых являются обязанностью государства⁶. Правовая позиция, высказанная в указанном Постановлении, позволила нейтрализовать пробел в законодательстве и устранить противоречивую правоприменительную практику. Как отмечал В.Д. Зорькин, итоговые решения КС РФ напрямую связаны с толкованием Конституции РФ, которую нельзя применять вопреки этим решениям, а их юридическая сила превышает юридическую силу любого закона [2, с. 5]. Не следует исключать того факта, что в будущем и вопрос доказывания права на досрочную пенсию в случае ненадлежащего исполнения обязанностей страхователем может стать предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ.

В науке представлены разные точки зрения относительно решения проблемы невозможности доказать наличие специального страхового стажа в ряде случаев. Некоторые авторы предлагают организовать заблаговременную подготовку документов, реализуемую посредством исполнения рекомендаций Фонда [3, с. 118-119]. Заблаговременная работа, осуществляемая территориальными органами фонда, предполагает проверку наличия необходимых документов и качества их состояния до того, как гражданин обратиться за досрочной пенсией по старости. В случае установления замечаний о необходимости в истребовании документов, в соответствующие органы направляются запросы. Подобные меры не представляется нам достаточно эффективными, так как носят по большей части перспективный характер. Следует учитывать, что Федеральным законом от 01.04.1996 № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» уже установлена такая обязанность Фонда, как контроль правильности представленных работодателями сведений. Действующим законодательством предусмотрено, что получение копий предоставленных страхователем в Социальный фонд сведений, возможность обращения с заявлением об их исправлении являются правом застрахованного лица, поэтому переложение обязанностей работодателя и фонда непосредственно на работника будет противоречить общеправовым и отраслевым принципам права социального обеспечения. Подобные предложения не способны решить проблемы тех граждан, права которых уже нарушены и которые не могут защитить их в судебном порядке.

Более эффективным и справедливым, на наш взгляд, является установление доказательственной презумпции [4, с. 106], т.е. предположения о существовании или отсутствии факта до тех пор, пока не доказано иное. По мнению А.К. Сергун, презумпции могут быть установлены с целью облегчить положение некоторых участников процесса и содействовать лучшей защите их прав как стороны, поставленной в более трудные условия доказывания [5, с. 250]. Существенно улучшит процессуальное положение истцов по такой категории пенсионных споров возложение бремени доказывания постоянной занятости работника на ответчи-

6 Постановление Конституционного Суда РФ от 10.07.2007 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 и пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и абзаца третьего пункта 7 Правил учета страховых взносов, включаемых в расчетный пенсионный капитал, в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Учалинского районного суда Республики Башкортостан и жалобами граждан А.В. Докукина, А.С. Муратова и Т.В. Шестаковой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 4.

ка (Фонд). Процессуальную гарантию в виде опровержимой презумпции можно предусмотреть в статье 14 Федерального закона от 28.12.2013 N 400-ФЗ «О страховых пенсиях» и отдельным пунктом Постановления Правительства РФ от 02.10.2014 N 1015 «Об утверждении Правил подсчета и подтверждения страхового стажа для установления страховых пенсий» в следующей формулировке: «При представлении работником сведений, подтверждающих периоды работы по трудовому договору, предполагается его занятость в течение полного рабочего дня в указанной должности, пока не доказано иное». Таким образом, если истец в обоснование своих требований представит трудовую книжку (в данном случае факт наличия периодов работы является основанием презумпции), то занятость в течение 80 % рабочего времени предполагается.

Следует отметить, что в судебной практике уже сейчас встречаются примеры, когда при принятии решений исходят из презумпции добросовестности граждан как участников социально-обеспечительных правоотношений и считают, что объективная невозможность получить уточняющую справку о характере работы не может являться основанием для ущемления пенсионных прав истцов⁷.

На основании изложенного, в целях повышения эффективности судебной защиты и восстановления нарушенных прав работников, имеющих право на досрочное пенсионное обеспечение по старости, представляется целесообразным установление на законодательном уровне процессуальной презумпции, что позволит уравнивать их положение с Фондом в доказательственной деятельности в ходе судебного разбирательства.

Библиографический список:

1. Право социального обеспечения России: учебник для бакалавров / отв. ред. Э. Г. Тучкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2014. 456 с.
2. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3-9.
3. Досрочные пенсии по старости: учебное пособие / Н. И. Саложникова. – Краснодар: КубГАУ, 2021. 130 с.
4. Казанбекова Д.Р. Процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с пенсионным обеспечением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 169 с.
5. Гражданское процессуальное право России: Учебник для вузов / под ред. М.С. Шакарян. – М.: Юристъ, 2002. 634 с.

References:

1. *Tuchkova E.G.* (ed.) (2014). *Social Security Law of Russia: bachelors' textbook*. Moscow: Prospect. 456 p.
2. *Zorkin V.D.* (2004). *Precedential Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation*. *Journal of Russian Law*. 12. P. 3-9.
3. *Sapozhnikova N.I.* (2021). *Early Old-age Pensions: textbook*. Krasnodar: KubSAU. 130 p.
4. *Kazanbekova D.R.* (2012). *Procedural Aspects of Pension Disputes: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis*. 169 p.
5. *Shakaryan M.S.* (ed.) (2002). *Civil Procedural Law of Russia: textbook for universities*. Moscow: Jurist. 634 p.

7 См., например, Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 05.03.2020 № 33-5807/2020 по делу № 2-5291/2019

1 (22) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 343.1
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_54

Роднёнок Анастасия Александровна

ms.rodnenok@mail.ru
Студентка Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Филимонов Аркадий Дмитриевич

filimonovarkadiyy@rambler.ru
Студент Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Научный руководитель:

Усачева Екатерина Анатольевна

Доцент кафедры организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Кандидат юридических наук

Реализация в российском уголовном судопроизводстве права на свободу и личную неприкосновенность при заключении под стражу несовершеннолетнего

Роднёнок А. А., Филимонов А. Д./ Реализация в российском уголовном судопроизводстве права на свободу и личную неприкосновенность при заключении под стражу несовершеннолетнего // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 1. С. 54–59. DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_54

Аннотация:

Государственное принуждение, как часть уголовного судопроизводства, является неотъемлемым элементом обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также реализации эффективного производства по уголовному делу. На сегодняшний день наиболее остро стоит вопрос о надлежащем обеспечении прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых. В этой связи со стороны государства необходимо тщательным образом подходить к принятию процессуальных решений. Должностным лицам, осуществляющим предварительное расследование, в рамках работы с несовершеннолетними лицами необходимо наиболее ответственно подходить к соблюдению прав несовершеннолетних при избрании такой меры пресечения, как заключение под стражу. Это требование объясняется тем, что данная мера является наиболее строгой по отношению к иным мерам пресечения, предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Заключение под стражу, прежде всего, затрагивает такие основополагающие права, как право на свободу и личную неприкосновенность. Необоснованное ограничение этих прав может негативно сказаться на ситуации в обществе и государстве. Статья посвящена проблемам реализации конституционного права на свободу и личную неприкосновенность при заключении под стражу несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также недопущению нарушения со стороны государства указанного права. Вместе с тем, авторами рассматриваются основания и условия принятия решения о применении указанной меры

УДК 343.1
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_54

Anastasia A. Rodnenok

ms.rodnenok@mail.ru
Student of the Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Arkadii D. Filimonov

filimonovarkadiyy@rambler.ru
Student of the Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Academic Supervisor:

Ekaterina A. Usacheva

Associate Professor of the Department of Organization and Methods of Criminal Prosecution, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

Implementation in Russian criminal proceedings of the right to freedom and personal inviolability in the custody of a minor

Anastasia A. Rodnenok, Arkadii D. Filimonov / Implementation in Russian criminal proceedings of the right to freedom and personal inviolability in the custody of a minor // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 1. P. 54–59. DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_54

Abstract:

State coercion, as part of criminal proceedings, is an integral element of ensuring the rights, freedoms and legitimate interests of a person and citizen, as well as the implementation of effective criminal proceedings. To date, the most urgent issue is the proper protection of the rights, freedoms and legitimate interests of juvenile suspects and accused. In this regard, the State should carefully approach the adoption of procedural decisions. Officials conducting a preliminary investigation, within the framework of working with minors, need to take the most responsible approach to respecting the rights of minors when choosing such a preventive measure as detention. This requirement is explained by the fact that this measure is the most stringent in relation to other preventive measures provided for by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Detention primarily affects such fundamental rights as the right to freedom and personal integrity. Unjustified restriction of these rights may negatively affect the situation in society and the state. The article is devoted to the problems of the realization of the constitutional right to freedom and personal inviolability in the custody of a minor suspect, accused, as well as the prevention of violations by the state of this right. At the same time, the authors consider the grounds and conditions for making a decision on the application of this preventive measure against a minor suspect, accused. In addition, an analysis of the state of legislation in this area is carried out, the main difficulties are identified and proposals are put forward to eliminate them.

пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Кроме того, проводится анализ состояния законодательства в указанной сфере, обозначаются основные сложности и выдвигаются предложения по их устранению.

Ключевые слова:

свобода и личная неприкосновенность, мера пресечения, подозреваемый, обвиняемый, несовершеннолетний, заключение под стражу.

Keywords:

freedom and personal inviolability, preventive measure, suspect, accused, minor, detention.

В Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) закреплено, что человек, его права и свободы, являются высшей ценностью государства¹. В свою очередь, государство, формируя социальную политику, придает большое значение защите прав ребенка. Так, одно из приоритетных направлений государственной политики отводится именно работе с подрастающим поколением.

На сегодняшний день существуют различные международные документы, регулирующие права несовершеннолетних. Одним из основных и наиболее значимых является Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка (1989 г.)².

В международно-правовых актах, закрепляющих стандарты отправления уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних, нашла свое отражение идея бережного и снисходительного отношения к правонарушителям, не достигшим возраста восемнадцати лет. Так, например, согласно Минимальным стандартным правилам Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила 1985 г.), содержание под стражей до суда применяется к несовершеннолетним лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени, а также по возможности заменяется другими альтернативными мерами. В указанных правилах также закреплено, что несовершеннолетние, содержащиеся под стражей до суда, должны содержаться отдельно от взрослых, в специальном учреждении или в специальном отделении учреждения, где содержатся также и взрослые³.

На наш взгляд в подобной ситуации нельзя недооценивать опасность негативного влияния на несовершеннолетних, содержащихся под стражей до суда. Психика несовершеннолетних крайне подвержена общественному влиянию со стороны других лиц, особенно более авторитетных. Становление личности ребенка определяется особенностями его взаимоотношений с другими членами общества. Особое значение для несовершеннолетнего имеет референтная группа, поскольку он перенимает именно ее ценности, моральные нормы и формы поведения. На каждом возрастном этапе несовершеннолетний включается в новую социальную группу, которая становится для него референтной. Так, не исключено, что, находясь под стражей в общей камере, несовершеннолетний

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2 Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990. Ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13.06.1990 № 1559-I // Сборник международных договоров СССР. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959 (дата обращения: 12.01.2023 г.).

3 Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 29 ноября 1985 г. // Советская юстиция. 1991. № 12-14.

может попасть под негативное влияние другого несовершеннолетнего, который уже не раз привлекался к уголовной ответственности. Подобное влияние может повлечь за собой существенные негативные последствия в виде формирования у несовершеннолетнего лица преступного умысла на совершение ряда других преступлений. В этой связи считаем целесообразным минимизировать случаи необоснованного заключения несовершеннолетнего под стражу.

Стремление обеспечить более высокий уровень правовой охраны интересов несовершеннолетнего прослеживается и в законодательстве Российской Федерации. В соответствии с Конституцией РФ каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (далее – ПП ВС РФ № 41) право на свободу является основополагающим правом человека. Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров Российской Федерации допускают возможность ограничения права на свободу лишь в той мере, в какой оно необходимо в определенных законом целях и в установленном законом порядке⁴.

Учитывая тот факт, что меры пресечения имеют свою специфику и являются самыми строгими мерами процессуального принуждения, ограничивающими личную свободу граждан, законодатель предусмотрел в отношении несовершеннолетних особый порядок применения мер пресечения, закрепив отдельные правила применения подобных мер. Так, согласно ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести⁵.

Вместе с тем, ПП ВС РФ № 41 детализирует указанную норму УПК РФ и ориентирует суды на то, что необходимо учитывать положения ч. 6 ст. 88 Уголовного кодекса Российской Федерации, по смыслу которой заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые⁶.

Исходя из этого, можно сформулировать следующие положения:

Во-первых, заключение под стражу в России применяется к несовершеннолетним в зависимости от тяжести совершенного преступления. В случаях совер-

4 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8379/> (дата обращения: 20.12.2022 г.).

5 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (1 ч.). Ст. 4921.

6 Уголовный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 29 декабря 2022 года) (редакция, действующая с 1 января 2023 года): федер. закон от 13 июня 1996 № 66-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст.2954.

шения преступления средней тяжести применение указанной меры пресечения допустимо лишь в исключительных случаях.

Во-вторых, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу не допускается в отношении несовершеннолетнего, не достигшего возраста шестнадцати лет, который подозревается или обвиняется в совершении преступлений небольшой или средней тяжести впервые; а также в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой тяжести впервые.

Принимая во внимание, что заключение под стражу в наибольшей степени ограничивает конституционные права, необходимо минимизировать случаи незаконного ограничения подобных прав, особенно в отношении несовершеннолетних лиц.

Исходя из статистических данных на 2022 г., приведенных Председателем Верховного Суда Российской Федерации, в первом квартале 2022 г. судами рассмотрено 24 649 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из них 22 194 удовлетворенных, или 90%, – на 1.015 ходатайств больше, чем в первом квартале прошлого года. Кроме того, о продлении срока содержания под стражей судами рассмотрено 50 047 ходатайств, из них удовлетворено 48 491 ходатайство, или 97%, – на 3.753 ходатайства больше, чем за аналогичный период прошлого года. Также, Лебедев В.М. отметил, что суды не в полной мере реализуют возможность избрания мер пресечения, не связанных с заключением под стражу⁷.

Более того, если обратиться к статистическим данным за последние несколько лет, то можно также отметить рост показателей. Так, за 2020 г. количество удовлетворенных ходатайств составило 84 917 (из 95 420), а за 2021 г. 87 905 (из 98 034)⁸. Безусловно, подобного рода тенденция не может не вызывать ряд опасений.

Вместе с тем, как справедливо отмечают отдельные авторы, при избрании мер пресечения преимущественное значение должен иметь именно присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, ввиду того, что в такой ситуации обеспечивается сохранность его психологического состояния [1, с. 870].

С такой позицией трудно не согласиться. Так, если сравнивать меру пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым и меру пресечения в виде заключения под стражу, то очевидно, что наиболее мягкой мерой является именно присмотр за несовершеннолетним в силу своей специфики. При избрании такой меры пресечения несовершеннолетний, прежде всего, не ограничивается в своем праве на свободу, следовательно, в данном случае не нарушается указанное право.

Считаем, что такая мера пресечения как присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым является наиболее приемлемой, ввиду того, что сам по себе присмотр означает контроль над поведением несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого со стороны более взрослых лиц. В подобных ситуациях решаются две основные задачи: во-первых, обеспечивается нормальный ход предварительного расследования; во-вторых, так или иначе оказывается воздействие на подсознание несовершеннолетнего с целью его исправления, поскольку, как уже было отмечено, большое значение для несовершеннолетних

7 Доклад Председателя Верховного Суда России В. М. Лебедева на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации от 24.05.2022 г./ вс.пф // URL: https://вс.пф/press_center/video_archive/31148/ (дата обращения 06.01.2023 г.).

8 Судебная статистика Российской Федерации / stat.апи-пресс.пф // URL: <https://stat.апи-пресс.пф/stats/ug/t/13/s/14> (дата обращения: 15.01.2023).

имеет именно референтная группа [2, с. 75].

В свою очередь, законодатель сделал весьма обоснованную оговорку о том, что заключение под стражу в отношении несовершеннолетнего, как правило, допускается при совершении им только тяжких или особо тяжких преступлений, и лишь в исключительных случаях допускается при совершении преступлений средней тяжести. Вместе с тем, четкий перечень исключительных обстоятельств в данном конкретном случае не установлен, и ввиду отсутствия четкого определения исключительных случаев, в науке уголовно-процессуального права сложились различного рода подходы на этот счет. Так, одни ученые полагают, что целесообразнее к исключительным случаям относить, например, ситуации, при которых существует реальная необходимость в изоляции несовершеннолетнего от общества ввиду его личностных особенностей, или же, например, когда преступление, в котором обвиняется несовершеннолетний, является по своей сути длящимся [3, с. 119].

Наиболее правильной позицией считаем точку зрения о том, что в качестве исключительных обстоятельств выступает общий перечень, предусмотренный ч. 1 ст. 108 УПК РФ, а именно: данные о том, что подозреваемый, обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации, в связи с чем может скрыться от органов предварительного расследования; личность лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, не установлена; подозреваемым, обвиняемым нарушена ранее избранная мера пресечения; а также факт того, что подозреваемый или обвиняемый скрылся от органов, ведущих предварительное расследование, или от суда [4, с. 152].

В этой связи, чтобы избежать подобных неточностей и неопределенностей, необходимо законодательно закрепить четкий перечень исключительных случаев, при наступлении которых возможно применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, совершившего преступление средней тяжести. Считаем целесообразно дополнить ч. 2 ст. 108 УПК РФ положением следующего содержания: «В исключительных случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 108 настоящего Кодекса (курсив наш – Роднёнок А.А., Филимонов А.Д.), эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести.

Нами также предлагается обратить внимание на дефиницию ч. 2 ст. 108 УПК РФ. Исходя из буквального толкования указанной нормы, можно сделать вывод о том, что применение такой суровой меры пресечения как заключение под стражу допустимо и в отношении подозреваемого, и в отношении обвиняемого несовершеннолетнего. Такой подход законодателя является спорным. Сам по себе термин «обвиняемый» придает лицу особый статус и означает, что в отношении него собраны такие доказательства, на основании которых можно сделать вывод о причастности лица к конкретному виду преступления, в то время как статус подозреваемого таких последствий не предполагает. Подозрение же с формально-юридической точки зрения означает, что доказательства, которые позволяли бы утверждать о том, какое конкретно деяние было совершено, собраны не в полном объеме и их недостаточно для вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Более того, не представляется возможным утверждать, что данное деяние совершено именно подозреваемым [5, с. 50].

С учетом вышесказанного, а также с учетом государственной политики, направленной на гарантию и повышенную защиту основополагающих прав несовершеннолетних, предлагается исключить слово «подозреваемый» из нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 108 УПК РФ. Статью 108 дополнить ч. 2.1 и изложить

в следующей редакции: «К несовершеннолетнему подозреваемому заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если он подозревается в совершении особо тяжкого преступления. В исключительных случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 108 настоящего Кодекса, эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого в совершении тяжкого преступления.

Не допускается применение к несовершеннолетнему обвиняемому в преступлениях небольшой и средней тяжести заключение под стражу».

Подводя итог, отметим, что применение мер пресечения следует рассматривать не с точки зрения карательных позиций, а с точки зрения превентивных. Представляется, что в таком случае несовершеннолетние будут наиболее заинтересованы в исполнении этих мер.

Библиографический список:

1. Татьяна Л. Г., Мухаметгалиева С. Х. Применение мер пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в процессе предварительного расследования // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». Т. 30. 2020. № 6. С. 869-874.
2. Леонова К. И. Особенности производства предварительного расследования в отношении несовершеннолетних // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 4. С. 74-76.
3. Абрамов В. А., Никонович С. Л., Гапонова В. Н. Особенности избрания меры пресечения несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (13). С. 115-121.
4. Михайлова Т. Н. «Исключительные случаи» при решении вопроса о заключении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого под стражу // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 152-154.
5. Смолькова И. В. Понятие обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2016. № 2 (77). С. 44-52.

References:

1. Tatyana L. G., Mukhametgalieva S. H. (2020). Application of Preventive Measures Against a Minor Suspect or Accused in the Process of Preliminary Investigation. Bulletin of the Udmurt University. Series «Economics and Law». Vol. 30. 6. P. 869-874.
2. Leonova K. I. (2018). Features of the Preliminary Investigation Against Minors. Problems of Law Enforcement. 4. P. 74-76.
3. Abramov V. A., Nikonovich S. L., Gaponova V. N. (2020). Features of Choosing a Preventive Measure for a Minor Suspect (Accused). Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 1 (13). P. 115-121.
4. Mikhailova T. N. (2020). «Exceptional Cases» When Deciding on the Detention of a Minor Suspect, Accused. Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. 2 (39). P. 152-154.
5. Smolkova I. V. (2016). The Concept of the Accused in Russian Criminal Proceedings. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2 (77). P. 44-52.

УДК 342.2
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_60

Руф Владислав Сергеевич

ruf.vlad-1988@yandex.ru
Студент Института прокуратуры Уральского
государственного юридического университета имени
В. Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Гончаров Максим Владимирович

Доцент кафедры конституционного права
Уральского государственного юридического
университета имени В. Ф. Яковлева
Кандидат юридических наук

К вопросу о правовой интеграции новых субъектов в составе Российской Федерации

Руф В. С. / К вопросу о правовой интеграции новых
субъектов в составе Российской Федерации // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 1. С. 60–65. DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_60

Аннотация:

В условиях современного мирового порядка нормами международного права предусмотрено право народов на самоопределение, которое имеет свое внутреннее и внешнее выражение. Внешним выражением этого права выступает сецессия, которая может быть консенсуальной (по достижении согласия государства, от которого отделяются) и односторонней (без наличия такого согласия). В сложившейся обстановке на мировой арене в одностороннем порядке от соседнего государства, граничащего с западной частью России, отделились Донецкая народная республика, Луганская народная республика, Запорожская и Херсонские области, которые были признаны Российской Федерацией как самостоятельные государства. Ими была инициирована процедура вхождения в состав России, которая в соответствии с федеральным конституционным законодательством завершилась принятием последних в состав федерации в качестве новых субъектов. Такие существенные изменения закономерно требуют адаптации экономической, финансовой, кредитной и правовой систем на присоединившихся территориях к новым реалиям, для чего в соответствии с международным договором был установлен переходный период до 1 января 2026 года. Однако в статье утверждается, что правовая - с точки зрения публично-правовой составляющей - интеграция новых субъектов пройдет значительно быстрее благодаря и заинтересованности самих субъектов, и деятельности отечественного законодателя. Приводятся доводы, основанные на конституционных законодательных положениях, о том, что организация и регламентация государственной власти всех ветвей в субъектах будет обеспечена в течение года с момента их принятия в состав России, а отдельные отраслевые нормы, в частности уголовное, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное законодательство были адаптированы без учета переходного периода.

Ключевые слова:

федеральный конституционный закон, право народов на самоопределение, интеграция, переходный период, принятие в Российскую Федерацию.

УДК 342.2
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_60

Vladislav S. Ruf

ruf.vlad-1988@yandex.ru
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Institute of Public Prosecutor's Office, Student

Academic Supervisor:

Maxim V. Goncharov

Assistant professor of Constitutional Law department
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Candidate of Juridical Sciences

On the Issue of Legal Integration of New Subjects Within the Russian Federation

Vladislav S. Ruf / On the issue of legal integration of new subjects within the Russian Federation // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 1. P. 60–65. DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_60

Abstract:

In the conditions of the modern world order, the norms of international law provide for the right of peoples to self-determination, which has its own internal and external expression. The external expression of this right is secession, which can be consensual (upon reaching the consent of the State from which they are separated) and unilateral (without such consent). In the current situation on the world stage, the Donetsk People's Republic, the Luhansk People's Republic, the Zaporozhye and Kherson regions, which were recognized by the Russian Federation as independent states, unilaterally separated from the neighboring state on the western border of Russia. They initiated the procedure of joining Russia, which, in accordance with federal constitutional legislation, ended with the admission of the latter into the federation as new subjects. Such significant changes naturally require the adaptation of the economic, financial, credit and legal systems on the territory of the former states, for which, in accordance with an international treaty, a transitional period was established until January 1, 2026. However, the article argues that the legal - from the point of view of the public-legal component - the integration of new subjects due to both the interest of the subjects themselves and the activities of the domestic legislator will take place much faster. Arguments based on constitutional legislative provisions are given that the organization and regulation of state power of all branches in the subjects will be ensured within a year from the date of adoption, and certain sectoral norms, in particular criminal, penal enforcement, criminal procedure legislation have been adapted without taking into account the transition period.

Keywords:

federal constitutional law, the right of peoples to self-determination, integration, transition period, admission to the Russian Federation.

Россия на протяжении многовековой истории в разные этапы своего становления представляла собой государство с различными формами правления, политическими режимами, территориальным устройством и размерами. Огромные территории, которые некогда занимали Российская Империя и СССР, на современном этапе развития международного сообщества породили множество споров и конфликтов по поводу исторической принадлежности той или иной части суши к конкретному государству и нации. Особенно острые противоречия по поводу «исконности» территории можно проследить вблизи западных границ Российской Федерации. Так или иначе сложившаяся ситуация требует создания экономических, политических, социальных и правовых механизмов, способных обеспечить право населения, проживающего на этой территории, на самоопределение, и, в конечном счете, сохранить историческую правду.

Одним из таких правовых механизмов можно назвать предусмотренный на конституционном уровне порядок принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта, отраженный в ч. 2 ст. 65 Конституции РФ и закрепленный в одноименном федеральном конституционном законе¹.

В соответствии с данной процедурой одним из основных принципов вхождения в состав Российской Федерации является добровольность. Иностранное государство или его часть инициирует предложение о присоединении к России, а также заключение международного договора по указанному поводу. В свою очередь Президент Российской Федерации как глава государства, представляющий его в международных отношениях, уведомляет Совет Федерации, Государственную Думу, Правительство Российской Федерации и при необходимости проводит с ними соответствующие консультации. Составляется и заключается международный договор, который проверяется Конституционным Судом РФ на соответствие Конституции РФ, а затем этот договор ратифицируется. Одновременно с этим разрабатывается и принимается федеральный конституционный закон о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта. После указанных действий иностранное государство или его часть становятся самостоятельными субъектами Российской Федерации.

Безусловно, ряд исследователей выступает с умеренной критикой данной процедуры ввиду её несовершенства. По их мнению, процедура принятия в состав федерации нового субъекта должна представлять собой более простой процесс, предусматривающий возможность присоединения отдельных групп и наций, по причине закрепленного на международном уровне их права на самоопределение. Во многом это обусловлено тем, что самоопределение той или иной общности людей не всегда сопровождается формированием суверенной власти, способной инициировать присоединение и подписание международного договора [1, с. 56].

Однако, на наш взгляд, данная позиция является необоснованной, так как существующая на данный момент процедура соответствует международным стандартам с учетом Декларации «О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций», из текста, которой вытекает, что право народов на самоопределение имеет два отражения: внутренний и внешний².

1 О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации: федер. конституционный закон от 17.12.2001 №6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2001. №52 (1 ч.).

2 О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между

Внутреннее измерение заключается в допуске к управлению и принятию властных решений, например, к созданию автономного образования, в то время как внешне состоит в праве на принятие решения об односторонней сецессии по причине того, что центральная власть не может или не желает реализовать внутреннее право народа на самоопределение [2]. Отсюда следует, что процедура, закрепленная в российском федеральном конституционном законодательстве, направлена на создание легитимного процесса, реализующего внешнее право народов на самоопределение именно с учетом отсутствия у народов условий для реализации его внутреннего отражения, по причине чего народы обособились и получили возможность быть признанными как государство [3, с. 58].

Процедуру присоединения к России за достаточно непродолжительный по историческим меркам период инициировали уже несколько раз. В частности, в 2014 году в состав Российской Федерации вошла Республика Крым, включая город с особым статусом Севастополь. А во второй половине 2022 года в состав Российской Федерации вошли четыре новых субъекта: Донецкая народная республика, Луганская народная республика, Запорожская и Херсонская области.

Российская Федерация, как и ряд других стран, признавала независимость новых государственных образований в восточной части Европы, после чего они как субъекты, подпадающие под определение иностранного государства, инициировали процедуру присоединения к России в соответствии с мнением народа, проживающего в пределах территорий новых государств, на основе данных референдума, проводимого в соответствии с законами народных республик, а также указами глав военно-гражданских администраций областей, нормами международного и российского права [4, с. 234-237].

Сам по себе процесс присоединения уже после проведения всех необходимых, указанных в конституционном федеральном законодательстве процедур: инициация, заключение международного договора, подготовка федерального конституционного закона, дача заключения Конституционного Суда РФ – предполагает переходный период, когда новый субъект плавно интегрируется в экономическую, кредитную, финансовую и правовую системы Российской Федерации. В соответствии со ст. 6, включенной в текст двухсторонних договоров между Россией и каждым государственным образованием по отдельности, был установлен такой период вплоть до 1 января 2026 года. Данные положения не были оспорены и Конституционным Судом РФ, который лишь указал на необходимость дальнейшей его конкретизации в федеральных конституционных законах о принятии соответствующих государств, а также отраслевом законодательстве³.

В соответствии с федеральными конституционными законами о принятии в состав Донецкой народной республики, Луганской народной республики, Запорожской и Херсонской областей и образовании одноименных субъектов были установлены порядки образования органов государственной власти и местно-

государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций: Декларация (принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 06.02.2023).

- 3) Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.10.2022 N 36-П: по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта // «Собрание законодательства РФ. 2022, N 41, ст. 7154; Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 N 37-П по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта // Собрание законодательства РФ. 2022, N 41, ст. 7155; и др.

го самоуправления, прокуратур и судов; установлены особенности применения законодательства Российской Федерации законодательства о налогах и сборах, техническом регулировании, бюджетного и экологического законодательства в переходный период; и ряд других существенных с конституционно-правовой точки зрения вопросов, например, реализации таких конституционных прав граждан, как право на социальное обеспечение по возрасту, право на медицинскую помощь и охрану здоровья⁴.

Так в соответствии со ст. 4, включенной в текст указанных законов, по общему правилу, законодательство Российской Федерации начинает действовать с момента образования нового субъекта, за исключением положений, указанных в обеспечении переходного периода. Такое общее правило, на наш взгляд, наиболее применимо к уголовному, уголовно-процессуальному и уголовно-исполнительному законодательству. Безусловно, хоть в п. 17 ст. 10 федеральных конституционных законов сделана оговорка об особенностях применения уголовного законодательства в соответствии с федеральным законом, он еще не был принят, а обращаясь к тексту существующего на данный момент законопроекта № 246425-8 «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области»⁵, можно сделать вывод о полном переходе к нормам соответствующего законодательства без возможности параллельного существования в рамках переходного периода актов военно-гражданской администрации и местных законов, принятых до вступления в состав России, по аналогичным вопросам.

Схожее суждение можно выдвинуть и в отношении организации органов прокуратуры, а, соответственно, и законодательства, регулирующего прокурорский надзор и обеспечение деятельности этих органов на территории новых субъектов. Во многом это объясняется тем, что прокуратура представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, что, исходя из ее легального определения, не предполагает существования наравне с ней каких-либо иных органов, осуществляющих аналогичные функции. Такое единство полномочий прокуратуры по реализации указанных функций установлено в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства [5, с. 45]. Органы прокуратуры на уровне субъекта, а также нижестоящие прокуратуры городов (районов) были образованы в соответствии с Приказом Генерального прокурора РФ уже 7 ноября 2022 года⁶.

Правосудие же на территории новых субъектов осуществляется в переходный

4 О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики: федер. конституционный закон от 04.10.2022 №5-ФКЗ // Собрание законодательства РФ.2022. N 41. ст. 6930; О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Луганской Народной Республики: федер. конституционный закон от 04.10.2022 №6-ФКЗ // Собрание законодательства РФ.2022, N 41, ст. 6931; и др.

5 О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области: законопроект № 246425-8 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/246425-8> (дата обращения: 10.02.2023 года).

6 Приказ Генпрокуратуры России от 07.11.2022 N 667 «О внесении изменения в Положение о Главном управлении по надзору за расследованием особо важных дел, утвержденное Генеральным прокурором Российской Федерации 20.08.2021»/ www.consultant.ru//URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431707/ (дата обращения: 06.02.2023).

период до дня образования судов Российской Федерации судами, функционировавшими до присоединения. Отметим, что на начало 2023 года создание новых судов находится лишь на стадии законопроекта, рассматриваемого Государственной Думой РФ в первом чтении. Это наталкивает на мысль об объективной возможности самостоятельных судов новых субъектов отправлять правосудие без существенных в качественном и количественном плане нарушений норм материального и процессуального права. Однако независимо от этого можно говорить об интеграции таких судов в отечественную судебную систему, так как конкретизирующие положения 10-ых статей федеральных конституционных законов определяют апелляционные, кассационные и надзорные инстанции по отношению к решениям, вынесенным действующими судами субъектов, их подчиненность процессуальному законодательству Российской Федерации. То есть, после принятия в состав России новых территорий суды новых субъектов автоматически стали приравниваться к судам первой инстанции в соответствии с особенностями российской судебной системой, а высшие суды, в свою очередь, получили равный с областными (краевыми, республиканскими) судами статус.

Законодательная и исполнительная ветви власти новых субъектов также в значительной степени приведены в соответствие требованиям федерального законодательства Российской Федерации. Так, федеральными конституционными законами уже установлены даты выборов в законодательные органы субъектов – второе воскресенье сентября. Данная дата совпадает с единым днем голосования. А временно исполняющий обязанности Губернатора области или Главы Республики, назначаемый Президентом РФ до избрания высшего должного лица субъекта по процедуре, предусмотренной федеральным законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»⁷, формирует органы исполнительной власти, в том числе правительство, в соответствии с требованиями федерального законодательства. Таким образом, окончательное формирование органов государственной власти на территории новых субъектов произойдет после проведения выборов в представительный орган субъекта в 2013 году.

Также значительное внимание в рамках правовой интеграции новых субъектов уделяется бюджетному законодательству, а также законодательству о налогах и сборах, которое в отличие от общего правила начало действовать только с 1 января 2023 года. Соответственно, нормы БК и НК РФ будут использоваться практически без изъятий намного раньше 2026 года, то есть раньше окончания переходного периода. Такое решение отечественного законодателя видится крайне разумным, так как бюджетная и финансовая политика государства строится в соответствии с календарными планами, отчет которых как раз и начинается с нового года, а такие ранние сроки перехода можно объяснить и тем, что помимо конституционных прав, которые приобрело население новых субъектов, на них были возложены и конституционные обязанности, в том числе, по уплате налогов и сборов.

С другой стороны, самыми продолжительными изменениями, в отношении которых устанавливается диспозитивная норма возможного применения норм, действовавших до принятия в состав Российской Федерации, до 1 января 2026, а в некоторых случаях до 1 января 2028 года, являются градостроительные нормы, нормы земельного, водного, лесного и экологического законодательства. Преимущественно затрагиваются вопросы природопользования, которые так или

7 Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федер. закон от 21.12.2021 №414-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021, N 52 (часть I), ст. 8973.

иначе связаны с частным интересом. Соответственно, такие нормы переходного периода создают для лиц, обладающих определенными правами на объекты недвижимости, землю, лесной массив, возможности перерегистрировать их и оформить все документы в соответствии с едиными федеральными нормами. Помимо этого, аналогичными продолжительными сроками перехода обладает правовое регулирование в сфере торговли, предпринимательской деятельности и иных гражданских правоотношений. Такое решение отчасти обосновывается во многом неправовой действительностью, выраженной в необходимости привыкания населения к новым особенностям, порядкам и процедурам гражданского законодательства РФ. Тем не менее такие отношения также направлены на удовлетворение частного интереса.

Таким образом, можно заключить, что переходный период, обозначенный сроком до 1 января 2026 года, направлен, в первую очередь, на адаптацию общества к новой правовой системе через призму частноправовых отношений. С другой же стороны, говоря о правовой интеграции со стороны публичного, преимущественно, государственного права, можно заключить, что в новых субъектах федерации мероприятия по организации законодательной, исполнительной и судебной властей, а также обеспечению конституционных прав и обязанностей граждан практически полностью выполнены, и концу 2023 года на новых территориях будет установлен режим не только легитимной, но и легальной государственной власти.

Библиографический список:

1. Ильин И. М. Конституционное обоснование принятия новых субъектов в состав Российской Федерации на современном этапе (на примере Республики Крым и города федерального значения Севастополь) // Вопросы современной юриспруденции. 2014. №44. С. 53-60.
2. Исполинов А. С. Вхождение четырех новых субъектов в состав РФ: зарождение новой доктрины и ее международно-правовой анализ/ zakon.ru// URL:https://zakon.ru/blog/2022/10/07/vhozhdenie_chetyreh_novyh_subektov_v_sostav_rf_zarozhdenie_novoj_doktriny_i_ee_mezhdunarodno-pravovo (дата обращения 06.02.2023).
3. Аль Али Насер Абдель Рахим. Принцип права народа на самоопределение и право на отделение в международном праве // Вестник Академии права и управления. 2018. №1 (50). С. 57-62.
4. Бабичева Н. А. Признаки государственности в контексте признания Луганской Народной Республики международным сообществом // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. №3. С. 234-238.
5. Виноградова Е. В., Бутрим И. И. Конституционные основы статуса прокуратуры // Образование и право. 2020. №12. С. 43-50.

References:

1. Ilyin I. M. (2014). Constitutional Justification for the Admission of New Subjects to the Russian Federation at the Present Stage (on the Example of The Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol). *Issues of Modern Jurisprudence*. 44. P. 53-60.
2. Ispolinov A. S. The Entry of Four New Subjects into the Russian Federation: the Emergence of a New Doctrine and its International Legal Analysis. URL:https://zakon.ru/blog/2022/10/07/vhozhdenie_chetyreh_novyh_subektov_v_sostav_rf_zarozhdenie_novoj_doktriny_i_ee_mezhdunarodno-pravovo (accessed 6 February, 2023).
3. Al Ali Nasser Abdel Rahim. (2018). The Principle of the Right of the People to Self-Determination and the Right to Secession in International Law. *Bulletin of the Academy of Law and Management*. 1 (50). P. 57-62.
4. Babicheva N. A. (2017). Signs of Statehood in the Context of Recognition of the Luhansk People's Republic by the International Community. *Bulletin of Kostroma State University*. Vol. 23. 3. P. 234-238.
5. Vinogradova E. V. (2020). Constitutional Foundations of the Status of the Prosecutor's Office. *Education and Law*. 12. P. 43-50.

УДК 347.5
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_66

Хомич Владимир Михайлович

ippk@bsu.by
директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Извинительная ошибка или деловой риск в экономической деятельности в качестве обстоятельства, исключающего преступность “злоупотребления” профессиональным правом на риск

Хомич В. М. / Извинительная ошибка или деловой риск в экономической деятельности в качестве обстоятельства, исключающего преступность “злоупотребления” профессиональным правом на риск // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 1. С. 66–74. DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_66

Аннотация:

В статье, с опорой на законодательную базу, судебную практику, доктрину и информационные материалы Генеральной Прокуратуры Республики Беларусь, рассматриваются вопросы институционализации делового риска как специфического обстоятельства, исключающего преступность деяния. Обосновывается, что понятие “экономический риск” отражает только характер сферы деятельности, на которую распространяются положения о деловом риске, в то время как понятие “деловой риск” отражает управленческий и предпринимательский контекст риска по отношению к субъекту управления (предпринимательства). Указывается на управленческий и извинительный характер делового риска, его нацеленность на предпринимчивое, нестандартное, а поэтому сопряженное с риском неудачи решение значимой экономической задачи. При этом неудача понимается не столько как не достижение поставленной экономической цели, а как возможность наступления сопутствующих или сопровождающих риск социально ущербных последствий при реализации данного решения, с которыми уголовный закон формально связывает преступный характер злоупотребления правом на риск. Акцентируется внимание на том, что нормативные положения ч. 2-1 ст. 39 УК Беларуси не следует рассматривать как введение запрета на предпринимательский риск. Формулируется вывод о том, что экономический (деловой) риск должен признаваться обоснованным, если поставленная экономическая задача могла быть достигнута с меньшими социально-экономическими издержками, чем при осуществлении стандартных экономических действий для ее решения. При этом случайно возникшие факторы, не позволившие удачно решить поставленную задачу, не должны объективно и субъективно исключать обоснованность принятого рискованного решения

Ключевые слова:

экономический (деловой) риск, обычный предпринимательский риск, злоупотребление субъективным

УДК 347.5
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_66

Vladimir M. Khomich

ippk@bsu.by
Director of the State Institution «Scientific and Practical Center for Strengthening the Rule of Law and the Rule of Law of the Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus», Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Belarus

An excusable mistake or business risk in economic activity as a circumstance precluding the criminality of “abuse” of the professional right to risk

Vladimir M. Khomich / An excusable mistake or business risk in economic activity as a circumstance precluding the criminality of “abuse” of the professional right to risk // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 1. P. 66–74. DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_66

Abstract:

The article, based on the legislative framework, judicial practice, doctrine and information materials of the Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus, examines the issues of institutionalization of business risk as a specific circumstance that excludes the criminality of an act. It is proved that the concept of “economic risk” reflects only the nature of the sphere of activity to which the provisions on business risk apply, while the concept of “business risk” reflects the managerial and entrepreneurial context of risk in relation to the subject of management (entrepreneurship). It indicates the managerial and excusable nature of business risk, its focus on an enterprising, non-standard, and therefore associated with the risk of failure, solution of a significant economic task. At the same time, failure is understood not so much as not achieving the set economic goal, but as the possibility of the occurrence of socially detrimental consequences accompanying or accompanying the risk in the implementation of this decision, with which the criminal law formally links the criminal nature of the abuse of the right to risk. Attention is focused on the fact that the regulatory provisions of Part 2-1 of art. 39 of the Criminal Code of Belarus should not be considered as the introduction of a ban on entrepreneurial risk. The conclusion is formulated that the economic (business) risk should be recognized as justified if the economic task could be achieved with less socio-economic costs than when implementing standard economic actions to solve it. At the same time, accidental factors that did not allow the task to be successfully solved should not objectively and subjectively exclude the validity of the risky decision taken.

Keywords:

economic (business) risk, ordinary entrepreneurial risk, abuse of the subjective right to entrepreneurial risk,

правом на предпринимательский риск, ответственность руководителя юридического лица, убытки, причиненные юридическому лицу, обычные условия гражданского оборота, вина руководителя юридического лица, добросовестность и разумность руководителя юридического лица

responsibility of the head of a legal entity, losses caused to a legal entity, ordinary conditions of civil turnover, fault of the head of a legal entity, integrity and reasonableness of the head of a legal entity.

Приступая к изложению собственного видения делового риска в экономической деятельности как обстоятельства, исключающего преступность деяния, хотелось бы призвать читателя и специалистов - правоведов обратить внимание на исключительно специфический характер данного риска в системе иных видов рисков, предусмотренных ст. 39 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Беларуси)¹. Аналоги этого риска в законодательстве других государств отсутствуют. Возможно, их и не должно быть, поскольку проблемы, которые мы пытаемся решить посредством институционализации делового риска в уголовном праве, должно бы решать с помощью адекватного толкования криминально образующего признака преступного злоупотребления, каковым является умышленная направленность управленческих действий (решений) вопреки интересам службы. Это фундаментальное комплексное понятие, которое не может быть сведено только к фактам соблюдения или несоблюдения компетенционных полномочий, правовых процедур и оснований принятия руководителем соответствующих решений на основе использования своих должностных полномочий. Принимать решения не вопреки интересам службы – это значит принимать рационально необходимые, социально и экономически обоснованные “вопреки административным проволочкам и препятствиям” решения, направленные на позитивно-правовое разрешение поставленной задачи (проблемы). Это достаточно сложная задача, поскольку оценке подлежит не только контекст соблюдения правовой формы и правовой процедуры принятия административного акта управления, но и степень социальной и экономической обоснованности принятого решения, особенно когда оно является нестандартным (то есть рискованным) решением экономической задачи в контексте обычных условий гражданского оборота или обычного предпринимательского риска. Не секрет, что далеко не всегда такие решения заканчиваются удачно как в плане решения поставленной экономической задачи, так в плане отсутствия реального ущерба.

Система уголовно-правовой оценки такого рода ситуаций осуществляется в рамках состава злоупотребления должностного лица служебными полномочиями, повлекшего последствия в виде ущерба (ст. 424 УК Беларуси). Выявляются такие ситуации, указывающие на возможные признаки преступного злоупотребления, по факту наличия установленного (то есть уже причиненного) ущерба, после чего выясняется вопрос, с какими административно-управленческими решениями связано наступление ущерба. Здесь важно также учитывать уровень субъектов, принимавших решение, а также то, что во исполнение основного решения в плане его реализации для осуществления поставленной экономической задачи могут приниматься соподчиненные решения. На каждом уровне и на каждом этапе ответственными руководителями могут приниматься правильные и неправильные (ошибочные), рискованные и нерискованные (соответствующие обычным стандартам рисков предпринимательской деятельности) решения.

Принято, что в расчет органами уголовного преследования и судом при наличии ущерба “забираются” действия (решения) конкретно-определенного ха-

1 Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3/ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь// URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 04.02.2023)

рактера, принимаемые по службе руководителями хозяйствующих субъектов, хотя бы потому, что их действия всегда объективно более всего приближены к негативному результату. Поисково-познавательная и оценочная деятельность следствия состоит в установлении доказательств того, принималось ли соответствующее решение вопреки интересам службы. В зависимости от результатов оценки возможны следующие заключения:

- устанавливается, что решение, с реализацией которого связано наступление общественно опасных последствий, принималось умышленно и вопреки интересам службы;
- устанавливается, что решение объективно не соответствует интересам службы, но является не следствием умысла, а общей или профессиональной небрежности либо некомпетентности, что исключает злоупотребление и выводит квалификацию на служебную халатность (ст. 428 УК Беларуси).

Что касается первого заключения, то в нем и сосредоточена угроза неосновательного уголовного преследования руководителей хозяйствующих субъектов (в основном государственных или со значительной долей участия государства). Во-первых, потому, что в этих случаях очевиден публичный интерес государства в эффективной экономической деятельности таких субъектов хозяйствования, а, следовательно, в возложении на них публично-правовых форм ответственности за неудачу. Во-вторых, управление такими субъектами хозяйствования обременяется вертикальными системами управления и контроля. Поэтому в случае неудачи в реализации принятого решения, проблема поиска виновного в контексте оценки того, соответствовало ли принятое решение интересам службы, концентрируется на установлении формально-правовых форм ответственности за неудачу. Во-вторых, управление такими субъектами хозяйствования обременяется вертикальными системами управления и контроля. Поэтому в случае неудачи в реализации принятого решения, проблема поиска виновного в контексте оценки того, соответствовало ли принятое решение интересам службы, основывается на установлении формально-правовых запретов и процедур, которые должны соблюдаться при принятии руководителем соответствующего решения. Так, руководитель одной из птицефабрик на протяжении ряда лет давал указания об отпуске в продажу яиц до истечения срока их годности как пищевого продукта по заниженной отпускной цене. Это позволило ему сохранить достаточно высокий уровень обратной прибыльности и финансовую стабильность деятельности предприятия. Что касается решения, то оно было рискованное, поскольку руководитель не имел права принимать такое решение без согласования “свыше”, что ему и вменялось как “умышленные действия вопреки интересам службы”. С точки зрения рыночных принципов ведения экономической деятельности такие решения также были рискованными, поскольку в условиях ограниченного рынка сбыта минимизация убытков (экономическая цель указанных решений) посредством продажи по заниженной цене продуктов, срок годности которых истекает, была прогнозируемой, но недостоверно подтверждаемой до конца. Контролирующие органы определили ущерб очень быстро и просто - это разница между заданной отпускной ценой и ценой сниженной. Ущерб оказался внушительным, было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 424 УК Беларуси. Какой-либо корыстной или иной личной заинтересованности в действиях руководителя не было. При возбуждении уголовного дела вопрос об экономической целесообразности такого решения не обсуждался. Уровень убытков, которые могли бы наступить, если бы эта продукция пришла в негодность, как и минимизация этих убытков вследствие их распродажи по заниженным ценам до истечения срока годности, не просчитывался. На самом же деле здесь не было оснований считать указанные решения как принятые во-

преки интересам службы. Это были разумные и ответственные решения руководителя, принимаемые с целью минимизации убытков и соответствующие условиям обычного предпринимательского риска. Не соблюдено было только одно - не было согласования (согласия) на такой предпринимательский риск свыше. Руководитель действовал вопреки интересам службы, поскольку принимал решение вне установленных государством обременительных процедур управления экономической деятельности. Не будем вдаваться в оценку разумности этих процедур, однако, отметим, что в последнее время наметилось осознание необходимости их пересмотра.

Концепция делового риска как злоупотребления субъекта правом предпринимательского риска предполагает иной правовой алгоритм разграничения злоупотребления служебными полномочиями (ст. 424 УК Беларуси) и превышения служебных полномочий (ст. 425 УК Беларуси) в контексте государственного управления. Необходимо преодолеть ошибочное заключение, что деловой риск отсутствует, если управленческое решение является превышением власти или служебных полномочий [1, с. 54]. Изучение судебной практики, проведенное Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, показало, что момент делового риска в экономической деятельности находится на стыке превышения служебными полномочиями. При принятии управленческого решения этот момент является центральным в оценке того, действовал ли руководитель в интересах службы или вопреки ей.

В условиях, когда государство фактически управляет не только экономической деятельностью на уровне организации производства, но и решениями, которые принимаются на уровне конкретного субъекта, проблема ответственности за неудачные решения экономических задач неизбежно "переходит" на непосредственных руководителей субъектов хозяйствования по принципу публичного управления, а, следовательно, и публичного злоупотребления. При оценке того, действовал ли руководитель вопреки интересам службы или в интересах службы, в расчет берется соответствие инициативно "самовольных" действий руководителя формальным требованиям государственного администрирования, осуществляемого свыше. Решение руководителя, закончившееся неудачей, признается ошибочным и при этом неизвинительным, то есть умышленно уголовно-противоправным злоупотреблением служебными полномочиями. Критерии социальной или экономической необходимости принятого руководителем решения в контексте соответствия или несоответствия интересам службы не принимаются во внимание. Это и явилось основной причиной того, что в 2012 г. Президент Республики Беларусь по просьбе руководителей госпредприятий инициировал вопрос об учете экономического (делового) риска в качестве обоснованного, то есть как обстоятельства, исключаящего преступность деяния. Была высказана озабоченность относительно неадекватной уголовно-правовой реакции органов, осуществляющих уголовное преследование, и судов на нестандартные решения руководителей хозяйствующих субъектов, которые принимались в интересах повышения результативности экономической деятельности, но в итоге (в условиях объективно сохраняющихся рисков рынка), повлекли нежелательные экономические последствия имущественного характера. Обращалось также внимание, что решения принимались в рамках должностных полномочий, были направлены на достижение социально значимых экономических результатов, но с учетом действия факторных рисков, сопровождающих любую предпринимательскую деятельность, обернулись неудачей. По мнению руководителей, такие решения (действия) не могут влечь уголовную ответственность только на том основании, что их реализация обернулась нежелательными экономическими издержками (ущербом).

В ходе изучения отечественной и зарубежной судебной практики, а также законодательства был сделан однозначный вывод, что поднятая проблема не может быть разрешена в рамках законодательного определения понятия обоснованного риска, предусмотренного ст. 39 УК Беларуси. Производственно-хозяйственный риск, упоминаемый в данной статье УК, никак не соприкасается с видением делового риска, который является не технологическим (техническим), а исключительно управленческим. Нет оснований и, более того, небезопасно в уголовно-правовом регулировании использовать в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, предпринимательский риск, поскольку этот риск объективен, имманентно присущ экономической деятельности. Сам по себе предпринимательский риск обстоятельством, исключающим преступность деяния, быть не может, он может выступать в качестве критерия обоснованности, например, того же производственно-хозяйственного риска или делового риска по алгоритму злоупотребления правом на предпринимательский риск.

В контексте правильного понимания делового риска (рискованного решения) в экономической деятельности важно учитывать, что он не ограничивается и не должен ограничиваться целью достижения максимальной прибыльности корпоративного субъекта предпринимательской деятельности.

Объективной правовой ниши для применения делового риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния, при осуществлении экономической деятельности индивидуальным предпринимателем нет, поскольку сфера его предпринимательского риска ограничивается его личным риском. В экономической деятельности, которая осуществляется исключительно частными собственниками экономических образований, проблема ответственности за неразумный предпринимательский риск обычно связана с мотивацией собственника (учредителя) требовать возмещения убытков, причиненных юридическому лицу ответственным управляющим данного юридического лица. Проблема здесь исключительно и всегда гражданско-правовая [2, с. 42].

Деловой риск в нашей конструкции - это публично-правовой риск управления или риск как обстоятельство "страхования" от ответственности руководителей госпредприятий. Его не следует отождествлять с производственно-хозяйственным риском, который по своему характеру является технологическим, а по природе возникновения опасности и характеру опасных последствий - техногенным, равно как и с предпринимательским риском [3, с. 56]. В предпринимательском риске при осуществлении экономической деятельности акцент делается на самоопределение ответственности того, кто организует и осуществляет экономическую деятельность на основе предприимчивой самостоятельности и только в контексте прибыльности. Поэтому использование параметров обоснованности предпринимательского риска недостаточно для разграничения частнопровых и публично-правовых форм ответственности при наличии государственного регулирования экономической деятельности и публично-правовых обязательств государства обеспечивать ее эффективность.

Игнорирование особенностей и сфер проявления указанных видов риска привело к тому, что на практике они не применялись в рамках обоснованного риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния, равно как и в качестве обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность [4, с. 65].

Введение делового риска в систему обстоятельств, исключающих преступность деяния², было обусловлено специфическими обстоятельствами, которые

2 часть 2-1 была включена в ст. 39 УК Беларуси ("Деяние, связанное с риском"). Законом Республики Беларусь от 05.01. 2015 №241-3. В указанной части статьи 39 УК сказано следующее: "Экономический (дело-

напрямую связаны с особенностью организации управления экономической деятельностью, как на уровне конкретных субъектов хозяйствования, так на уровне субъектов государственного управления.

Нельзя сказать, что дополнение ст. 39 УК РФ Беларуси деловым риском является удачным решением данной проблемы. Но, это уже состоявшийся факт и необходимо очень серьезно разобраться, в чем суть этого риска, каковы его особенности и сфера применения. Судя по многочисленным дискуссиям, которые состоялись до и после принятия этого решения, единства и определения природы этого риска не наблюдается [5, с. 36].

Деловой риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния, это не спасение нерадивых некомпетентных руководителей, которые обычно принимают экономические решения по принципу - “кто не рискует, тот не пьет шампанское”. На обстоятельство, исключающее преступность деяния, деловой риск может претендовать, если он был основан на экономической предприимчивости и профессиональных знаниях закономерностей экономической деятельности и гражданского оборота. Можно сказать, что это не обычный предпринимательский риск, а риск рациональный и разумный, основанный на нестандартных экономических решениях определенной экономической задачи или проблемы (в том числе связанной с преодолением последствий объективно существующих предпринимательских рисков при организации и осуществлении экономической деятельности), которые учитывают все нюансы, непредсказуемости и стихии экономических, рыночных отношений. Речь идет о риске в экономической деятельности, исключающем преступность злоупотребления профессиональным правом на предпринимательский риск для решения значимой экономической задачи.

Деловой риск в экономической деятельности - это осознаваемый субъектом управленческого акта (деяния) для решения социально-значимой экономической задачи риск возможной неудачи экономического порядка (свойства), который обусловлен действием объективных и субъективных рыночных случайностей, сопровождающих предприимчивых управленцев экономической деятельности. Обоснованность делового риска, несмотря на возникшее последствия ущерба характера, должна определяться на основе функционально-экономической оценки принятого нестандартного решения по организации, планированию, ведению экономической деятельности, распределению финансовых ресурсов с учетом базовых и рыночно-ситуационных стандартов в целях получения заявленного при принятии решения экономического результата.

Применительно к нашей национальной системе ситуация обостряется тем, что инфраструктура экономической деятельности основана на достаточно высоком уровне администрирования и управления субъектами хозяйствования. Государство вкладывает определенные ресурсы в экономическую деятельность и заинтересовано в высокой ее результативности. Предоставляя возможность субъектам хозяйствования действовать инициативно (в рамках полномочий) в целях получения должного экономического результата, государство вольно или невольно ставит жесткие рамки ответственности за неудачу результатов экономической деятельности на основе принятых руководителем решений. В принципе, это правильно, тогда, когда речь идет о решениях, принятых по “стандартам” бесхозяйственности, элементарного непрофессионализма и очевидной безответственности. Указанные ситуации не имеют никакого отношения к вопро-

вой) риск может признаваться обоснованным, если поставленная цель могла быть достигнута и не рискованными деяниями (решениями), но с меньшим экономическим результатом”.

су делового экономического риска, равно как и мошеннические решения (действия), направленные на сокрытие экономической несостоятельности.

Деловой экономический риск не имеет никакого отношения к бесхозяйственности, нарушениям технологии производства, а также к принятию экономических решений на основе групповых корыстных и индивидуальных интересов. Практикой подтверждено, что проблема делового риска связана с обоснованием экономического решения на основе учета всех аспектов и интересов службы со стороны лица, принимающего такое решение.

Сама по себе предпринимательская (экономическая) деятельность, является рискованной для любой хозяйствующей структуры и лица, осуществляющего управление этой деятельностью. Поэтому принятие субъектом управления экономической деятельностью решения, направленного на достижение определенного экономического результата, реализация которого обременена риском наступления нежелательных последствий, существенно актуализирует проблему принятия рискованных действий в условиях объективно рискованной экономической деятельности, а также конструкцию пределов и оснований ответственности субъекта управленческой деятельности. Естественно, обоснованность принятия и реализация рискованного экономического решения должна оцениваться в контексте общих рисков экономической деятельности, то есть на возможность достижения поставленной экономической деятельности, то есть на возможность достижения поставленной экономической задачи посредством принятия стандартизированных нерискованных экономических решений и их реализации. Наконец, само рискованное решение должно оцениваться на вариативность и обоснованность по отношению к другим рискованным экономическим решениям.

Введение делового риска в число обстоятельств, исключающих преступность деяния, потребовало изменения всей конструкции обоснованного риска в ст. 39 УК Беларуси. Если ранее говорилось, что не является преступлением причинение вреда при обоснованном риске, то теперь говорится, что не является преступлением деяние (действие или бездействие), причинившее вред, если это деяние было совершено в условиях обоснованного риска. При таком нормативном описании перечень деяний, которые могут совершаться в условиях обоснованного риска, не ограничивается. Не исключаются и особенности в условиях обоснованности риска при совершении определенных деяний.

В условиях конкуренции национальных экономик и изменения полярности действия объективных экономических закономерностей от руководителей требуются нестандартные и реально-исполнимые решения, рассчитанные на получение должного экономического результата. Однако, в таких случаях далеко не всегда удается избежать негативных последствий, и затраты на реализацию поставленной экономической цели фактически превращаются в реальный экономический ущерб. Вот на эту экономическую сферу, а именно управленческую и исполнительную систему принятия экономических и, зачастую, нестандартных (т.е. нарушающих установленные требования административных процедур) в рамках национальной правовой и экономической системы и рассчитано введение делового (экономического) риска.

Понятие “обоснованного экономического (делового) риска”, которое определено в ч. 2-1 ст. 39 УК Беларуси, смоделировано на указанных методологических и правовых позициях. Эта норма рассчитана на блокирование необоснованного привлечения к уголовной ответственности на основе вменения факта злоупотребления служебными полномочиями, повлекшими причинение экономического ущерба за управленческие решения, соответствующие требованиям обо-

снованного риска.

Предпринимательская деятельность является лишь одной из составных частей экономической деятельности (если точнее, организующим компонентом экономической деятельности). Но деловой риск, присущ не предпринимательской деятельности, а именно - экономической по характеру деятельности сфере предпринимательства, обусловлен различного рода рисками объективно экономического свойства. Именно в указанном смысле следует понимать слова “экономический (деловой) риск”. “Экономический риск” отражает только характер сферы деятельности, на которую распространяются положения о деловом риске, и не более. Что касается термина “деловой риск”, то в нем отражен управленческий и предпринимательский контекст риска по отношению к субъекту управления (предпринимательства).

В части 2-1 ст. 39 УК Беларуси данный вид деяния - риска сформулирован следующим образом: “Экономический (деловой) риск может признаваться обоснованным, если поставленная цель могла быть достигнута “и” не рискованными деяниями (решениями), но с меньшим экономическим результатом”.

Союз “и” указывает, во-первых, на то, что общие положения ч. 2 ст. 39 УК Беларуси об условиях обоснованности риска распространяются на экономический (деловой) риск, если иное не указано в ч. 2-1 этой статьи. Во-вторых, это означает и то, что руководители субъектов экономической деятельности имеют право предпринимать рискованные в экономическом контексте действия и в случае, когда их решение поставленной экономической задачи могло быть обеспечено реализацией нерискованных действий. Как известно, невозможность достижения общественно полезной цели нерискованными действиями является базовым условием права на риск, несоблюдение которого исключает в принципе рассуждения о его обоснованности. В экономической деятельности для эффективного решения социально значимой в экономическом отношении задачи руководитель может предпринимать рискованные действия, если социальные издержки риска менее значимы, чем те, которые имели бы место, если эта задача решалась не рискованными действиями. Поэтому нормативные положения ч. 2-1 ст. 39 УК Беларуси не следует рассматривать как введение запрета на предпринимательский риск. Укажем также на то, что в ч. 2 ст. 39 УК Беларуси используется словосочетание “риск может признаваться обоснованным”, а не “риск признается обоснованным”.

Охраняемым уголовным правом интересом в данном случае является не неудача в не решении поставленной экономической задачи, а наступление ущерба в виде необоснованных социально-экономических издержек криминогенного свойства вследствие осуществления рискованных действий управленческого и (или) предпринимательского характера потраченных на решение данной экономической задачи, разумеется, с учетом результатов достижения поставленной цели. Экономический (деловой) риск должен признаваться обоснованным, если поставленная экономическая задача могла быть достигнута с меньшими социально-экономическими издержками, чем при осуществлении стандартных экономических действий для ее решения. При этом случайно возникшие фактора, не позволившие удачно решить поставленную задачу, не должны объективно и субъективно исключать обоснованность принятого рискованного решения.

В завершение следует обратить внимание, что деловой риск в экономической деятельности должен адекватно применяться на практике, что невозможно без должного научно-алгоритмического толкования его понятия и содержания, пороговых оснований, условий и пределов применения, что не может быть обеспечено только специалистами в области публичного и частного права.

Библиографический список:

1. Попонова Д. В. Еще раз об экономическом (деловом) риске // *Торгово-промышленное право*. 2015. № 1. С. 53-56.
2. Функ Я. И. Ответственность руководителя за убытки юридического лица: подходы в России и Беларуси // *Торгово-промышленное право*. 2015. № 3. С. 40-43.
3. Гринберг М. С. Проблема производственного риска в уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1963. 132 с.
4. Савкина М. А. Проблемы определения обоснованного риска в предпринимательской деятельности как обстоятельства, исключающего преступность деяния // *Российская юстиция*. 2015. № 6. С. 64-66.
5. Лукашов А. И. Деловой риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния // *Юстиция Беларуси*. 2015. № 5. С.34-38.

References:

1. Poponova D. V. (2015). *Once Again About Economic (Business) Risk*. *Commercial And Industrial Law*. 1. P. 53-56.
2. Funk Ya. I. (2015). *The Responsibility of the Head for the Losses of a Legal Entity: Approaches in Russia and Belarus*. *Commercial and Industrial Law*. 3. P. 40-43.
3. Grinberg M. S. (1963). *The Problem of Industrial Risk in Criminal Law*. – Moscow: Gosyurizdat. 132 p.
4. Savkina M. A. (2015). *Problems of Determining a Reasonable Risk in Entrepreneurial Activity as a Circumstance Precluding the Criminality of an Act*. *Russian justice*. 6. P. 64-66.
5. Lukashov A. I. (2015). *Business Risk as a Circumstance Excluding Criminality of an Act*. *Justice of Belarus*. 5. P. 34-38.

УДК 347.113
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_75

Шарифулин Артём Артурович

sharifulinart@gmail.com
Студент Института прокуратуры
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:

Романова Ольга Александровна

Доцент кафедры экологического и природоресурсного
права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Кандидат юридических наук

Понятие «земельный участок» в свете легализации его определения в Гражданском кодексе Российской Федерации

Шарифулин А.А./ Понятие «земельный участок» в свете легализации его определения в Гражданском кодексе Российской Федерации // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 1. С. 75–80.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_75

Аннотация:

Настоящая статья посвящена исследованию одной из проблем как гражданского, так и, в первую очередь, земельного права. Она заключается в том, что Гражданский кодекс Российской Федерации легализовал определение понятия «земельный участок», как представляется, исключительно в цивилистическом плане, тем самым лишил его истинного сущностного содержания. Актуальность работы обосновывается как недавним введением в действие ст. 141.2 Гражданского кодекса Российской Федерации, так и её противоречивостью некоторым законодательным и доктринальным базовым началам. В качестве задач исследования автором были выделены следующие направления работы: анализ норм земельного, гражданского и градостроительного законодательства, а также положений соответствующих наук; их сопоставление и определение, в чём именно легальное определение земельного участка противоречит его фактической сущности. В процессе рассмотрения поставленных вопросов был сделан вывод, что в основе нового определения лежит признак, который на самом деле не индивидуализирует земельный участок как индивидуально-определённую недвижимую вещь, а вытекает из его истинной характеристики. Такой характеристикой, как было выяснено, является разрешённое использование земельного участка, а не его границы. Предлагается признать данный признак генеральным по отношению к иным. На основании проведённого анализа как законодательных, так и доктринальных положений о признаках земельного участка, автором исследования было предложено признать его новое легальное определение неверным, а также в дальнейшем в целях совершенствования законодательства положить в основу определения земельного участка его сущностную характеристику: разрешённое использование.

Ключевые слова:

земельное право, недвижимость, земельный участок, границы земельного участка, категория земель, целевое назначение земель, разрешённое использование земельного участка.

УДК 347.113
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_75

Artem A. Sharifulin

sharifulinart@gmail.com
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Institute of the Prosecutor's Office, Student

Academic Supervisor:

Olga A. Romanova

Associate Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Juridical Sciences

The Definition of «Land Plot» in Light of the Legalization of Its Definition in the Civil Code of the Russian Federation

Artem A. Sharifulin/ The definition of «land plot» in light of the legalization of its definition in the Civil Code of the Russian Federation // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 1. P. 75–80. DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_75

Abstract:

This article is devoted to the study of one of the problems of both civil and, first of all, land law. It lies in the fact that the Civil Code of the Russian Federation legalized the definition of the concept of «land», apparently, exclusively in civil terms, thereby depriving it of its true essential content. The relevance of the work is substantiated as the recent introduction of Art. 141.2 of the Civil Code of the Russian Federation, and its inconsistency with some legislative and doctrinal basic principles. The following areas of work were identified by the author as the objectives of the study: analysis of the norms of land, civil and urban planning legislation, as well as the provisions of the relevant sciences; their comparison and determination in what exactly the legal definition of a land plot contradicts its actual essence. In the process of considering the questions raised, it was concluded that the new definition is based on a feature that does not actually individualize a land plot as an individually defined immovable thing, but follows from its true characteristics. Such a characteristic, as it was found out, is the permitted use of the land plot, and not its borders. It is proposed to recognize this feature as general in relation to others. Based on the analysis of both legislative and doctrinal provisions on the characteristics of a land plot, the author of the study proposed to recognize its new legal definition as incorrect, and in the future, in order to improve legislation, to base the definition of a land plot on its essential characteristic: permitted use.

Keywords:

land law, real estate, land plot, boundaries of the land plot, category of land, purpose of land, permitted use of the land plot.

В настоящий момент в системе законодательства Российской Федерации существует два определения понятия «земельный участок». В соответствии с п. 3 ст. 6 Земельного кодекса Российской Федерации¹ (далее – ЗК РФ) «земельный участок как объект предусмотренных ГК РФ прав представляет собой недвижимую вещь в виде части земной поверхности, которая имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи» [1, с. 125]. В то же время п. 1 ст. 141.2 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее – ГК РФ) предусматривает, что земельным участком признаётся часть поверхности земли, границы которой определены в порядке, установленном законом.

Данное новое определение было введено в ГК РФ Федеральным законом от 21.12.2021 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»³. А «при наличии новой нормы в ГК РФ приведённая формулировка из ЗК РФ должна быть исключена» [2].

Необходимо отметить, что новое определение земельного участка в ГК РФ является, по сути, старым определением, которое содержалось в ст. 11.1 ЗК РФ, утратившей силу 1 марта 2015 года в связи с принятием Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴. Представляется, что такое новое определение не соответствует сущностному содержанию земельного участка.

Земельный участок является индивидуально-определённой недвижимой вещью. Такая правовая характеристика присуща земельному участку ещё со времён римского права [3, с. 157-158]. «Species – вещи, ценные своей индивидуальностью» [4, с. 356]. Что же означает индивидуальность вещи? В гражданском праве «индивидуально-определённая вещь – это вещь, обладающая уникальными, присущими только данной вещи свойствами и признаками» [5, с. 243].

Исходя из буквального толкования нового определения земельного участка его уникальным свойством являются только границы, в то время как предыдущее определение не ограничивалось всего лишь одним признаком. Данные характеристики содержатся в ст. 8 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»⁵ (далее – Закон о регистрации недвижимости), где представлен перечень необходимых сведений, способствующих идентифицировать земельный участок и иные объекты недвижимости. В соответствии с указанной статьёй все сведения делятся на основные и дополнительные. Представляется, что к основным сведениям относятся «количественные» характеристики, которые не могут быть изменены у объекта до его преобразования, в то время как дополнительные способны изменяться в законном порядке при существовании самого объекта, например, улица может быть переименована, кадастровая стоимость изменена и т.д.

1 Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3 О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 21.12.2021 г. № 430-ФЗ (ред. от 28.06.2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8989.

4 О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 23.06.2014 г. № 171-ФЗ (ред. от 29.07.2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3377.

5 О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 20.10.2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

Данные сведения подтверждают слова известного дореволюционного классического цивилиста И.А. Покровского о том, что право на недвижимость «сильно проникнуто публично-правовым характером» [6, с. 196]. И с этим нельзя не согласиться, ведь в интересах государства, а значит и всего общества (т.к. в соответствии с ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации⁶ многонациональный народ является единственным источником государственной власти), обеспечить рациональное правовое регулирование правоотношений, складывающихся по поводу объектов недвижимости, и реализацию принципа публичности. Данное положение вытекает, в том числе, и из исторического развития этого института.

Основными сведениями о земельном участке в соответствии с ч. 4 ст. 8 Закона о регистрации недвижимости являются:

- кадастровый номер земельного участка и дата его присвоения;
- местоположение границ земельного участка;
- площадь земельного участка;
- кадастровые номера расположенных в границах земельного участка объектов недвижимости;
- номер кадастрового квартала, в котором находится земельный участок.

Какие из представленных сведений могут индивидуализировать земельный участок? В науке по данному вопросу нет единства. Например, профессор И.О. Краснова говорит о том, что «определяющими признаками земельного участка является его граница и площадь» [7, с. 24]. Профессор же В.А. Алексеев утверждает, что «действительно уникальной (характеристикой земельного участка – Примеч. авт.) является только местоположение его границ» [8]. Площадь таковой не является, потому что «в рамках одной геометрической фигуры, составляющей границы земельного участка, площадь этого участка ... всегда будет одинаковой» [8]. В свою очередь, профессор О.И. Крассов, видный деятель в области земельного права, вообще отмечал, что «законодательство признает земельным участком не только участок, границы которого определены ... в законодательстве используется понятие земельный участок в фактическом пользовании» [9, с. 88]. Учёный пришёл к такому заключению на основании п. 4 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»⁷.

«Номера», приведённые в списке основных сведений, также не могут индивидуализировать земельный участок, поскольку, как верно отмечает профессор М. Рожкова, они относятся «к уникальным ... идентификаторам, которые позволяют установить, выявить, опознать ... конкретный объект» [10, с. 83]. Т.е. «номера» не индивидуализируют земельные участки, а лишь отсылают заинтересованных субъектов к Единому государственному реестру недвижимости, который хранит необходимую информацию, в т.ч. и индивидуализирующую, о земельном участке, в частности, и о объекте недвижимости, в целом.

Таким образом, изучив характеристику основных сведений земельного участка, мы можем прийти уже на этом этапе исследования к выводу, что ни одна из вышеуказанных характеристик, в т.ч. местоположение границ земельного участка, не может быть уникальной для земельного участка, способной его индивидуализировать. Поэтому представляется, что содержание нового определения про-

6 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 05.11.2022 г.).

7 О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 25.10.2001 г. № 137-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 44. Ст. 4148.

тиворечит некоторым как доктринальным, так и законодательным положениям, отчего оно не должно становиться легальным и проникать в российскую систему законодательства.

Да, и площадь, и границы, и «номера», конечно же, фактически являются индивидуализирующими признаками конкретного земельного участка и играют весомую роль в его оборотоспособности и ценности на рынке, без них практически невозможно совершать соответствующие сделки, однако, на наш взгляд, данные характеристики не отражают сущности земельного участка как объекта земельных правоотношений, представляется, что они подчинены единственному уникальному признаку, о котором пойдёт речь далее.

Признавая, что характеристики из основных сведений земельного участка не могут служить его уникальными индивидуализирующими признаками (в т.ч. и местоположение его границ, на которое делает акцент сегодняшнее легальное определение земельного участка), всё-таки необходимо найти тот признак, который на это способен, иначе земельный участок нельзя будет признать недвижимой вещью. Действенный логический способ в решении поставленной задачи предлагает профессор В.А. Алексеев. Он полагает, для того «чтобы решить, является ли признак определяющим, необходимо мысленно удалить его из определённого предмета или заменить другим и посмотреть, останется ли предмет тем же с точки зрения права» [8]. Применим данный метод при дальнейшем анализе.

Итак, необходимо вновь обратиться к ст. 8 Закона о регистрации недвижимости, но теперь мы проанализируем дополнительные сведения о земельном участке. Их перечень обширен, нам же представляется, что ключевыми в соответствии с ч. 5 вышеуказанной нормы являются следующие признаки:

- категория земель, к которой отнесён земельный участок (т.е. его целевое назначение);
- вид или виды разрешённого использования земельного участка.

Целевое назначение земель, как верно отмечает доцент О.А. Романова, «можно определить как основную цель использования данных земель или их предназначения в общественных и государственных интересах» [7, с. 232]. Установление определённой категории земли влечёт и установление соответствующего правового режима, который предусматривает специфические особенности, обусловленные целевым назначением данных земель, использования и охраны конкретного земельного участка. Однако этот признак мы также не можем признать истинно уникально-индивидуализирующим, поскольку деление земель на категории совсем не означает, что данные земли и земельные участки должны будут использоваться в строгом соответствии с их целевым назначением. «Это объясняется тем, что одна и та же категория земель часто используется с различными целями» [9, с. 304]. Оттого представляется, что целевое назначение земель может играть «роль второго плана» по отношению к такому признаку как разрешённое использование земельного участка. Именно поэтому в Распоряжении Правительства РФ от 3 марта 2012 г. № 297-р «Об утверждении Основ государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012 – 2020 годы»⁸ содержится положение, согласно которому одним из направлений государственной политики по управлению земельным фондом является исключение из земельного законодательства принципа деления земель по целевому назначению на категории.

8 Об утверждении Основ государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012 – 2020 годы: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 03.03.2012 г. № 297-р (ред. от 28.08.2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 12. Ст. 1425.

Перейдём теперь ко второму ранее указанному признаку из дополнительных сведений. Легального определения понятия «разрешённое использование земельного участка» в действующей системе российского законодательства нет, что уже свидетельствует о существовании в нём серьёзной пробельности. Обратимся к определению, которое даёт профессор О.И. Крассов, «разрешенное использование земельного участка представляет собой установление конкретной цели его использования и определение объема прав и обязанностей лица, которому принадлежит земельный участок, лесной участок и объект недвижимости, на основании осуществления процедуры градостроительного зонирования или в случаях, предусмотренных законодательством» [9, с. 308]. Данная правовая категория является ключевой для собственника земельного участка, ведь в соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 40 ЗК РФ он имеет право осуществлять возведение зданий и сооружений, в первую очередь, только в соответствии с целевым назначением земельного участка и его разрешённым использованием. Напомним, что, на самом деле, целевое назначение вторично по отношению к разрешённому использованию, поэтому правомочия собственника ставятся в зависимость именно от второго критерия, соответственно.

От чего зависит определение конкретного вида разрешённого использования земельного участка? Профессор О.И. Крассов отмечал, что «разрешенное использование земельного участка – это результат не зонирования территорий, а градостроительного зонирования, это случаи, когда предполагается ... застройка земель» [9, с. 305]. В данном случае мы можем наблюдать, что в область земельного права проникает и система градостроительного права, вопрос выделения которой в отдельную отрасль является сегодня актуальным.

Оттого в соответствии с п. 6 ст. 30 Градостроительного кодекса Российской Федерации⁹ (далее – ГрК РФ) в градостроительном регламенте указываются виды разрешённого использования земельных участков. В свою очередь, согласно подп. 9 п. 1 ст. 1 ГрК РФ градостроительный регламент – устанавливаемые виды разрешённого использования земельного участка, предельные (максимальные и (или) минимальные) размеры земельных участков. Таким образом, толкуя данную норму системно и расширительно, можно прийти к выводу о том, что вид разрешённого использования земельного участка влияет на определение его границ путём установления крайних пределов.

Именно поэтому представляется, что вид разрешённого использования земельного участка является его уникальным индивидуализирующим признаком, поскольку в зависимости от того, каким будет он, будут зависеть и его границы. Соответственно, если он (вид разрешённого использования земельного участка) влияет на границы земельного участка, то он также оказывает воздействие как на площадь земельного участка, так и на его стоимость. Т.е. вид разрешённого использования отражает сущность каждого взятого по отдельности земельного участка. Оттого предлагается именовать данный признак генеральным по отношению к иным.

Такое заключение подтверждается и итогом проведения вышеуказанной логической операции, ведь если мысленно удалить или поменять вид разрешённого использования земельного участка, то мы можем увидеть, что с точки зрения права предмет (т.е. земельный участок) изменит свою сущность или вовсе перестанет существовать как индивидуально-определённая вещь. Поэтому мы не можем согласиться с цивилистом В.А. Алексеевым, который настаивает на том,

9 Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 16.

что если изменить вид разрешённого использования, то «это будет тот же земельный участок» [8].

Итак, проанализировав ряд признаков, предлагаемых как законодательством, так и доктриной, представляется, что для земельного участка уникальной индивидуализирующей характеристикой является его вид разрешённого использования, который определяет и иные его особенности, в т.ч. и его границы. Поэтому данный признак должен быть положен в основу легального определения понятия «земельный участок».

Таким образом, можно сделать вывод, что законодатель пошёл по ложному пути, давая дефиницию земельного участка: он выбрал путь от частного к общему, т.е. от границ к виду разрешённого использования, причём даже не указав второе, соответственно.

Библиографический список:

1. Солдатова В.И., Романова О.А. Договоры аренды в предпринимательской деятельности: учебник для студентов и практиков. – М.: Проспект, 2020. 208 с.
2. Алексеев В.А. Новое в законодательстве о недвижимых вещах: критический комментарий // Закон. 2022. № 4. С. 101-112.
3. Омельченко О.А. Римское право: учебник. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Эксмо, 2005. 224 с.
4. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 784 с.
5. Аюшеева И.З., Богданова Е.Е., Булаевский Б.А. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. / под ред. Е.Е. Богдановой. – М.: Проспект, 2020. 440 с.
6. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – 8-е изд. – М.: Статут, 2020. 351 с.
7. Земельное право: учебник для бакалавров / отв. ред. Н.Г. Жаворонкова, О.А. Романова. – М.: Проспект, 2013. 352 с.
8. Алексеев В.А. Понятие земельного участка и его определение в российском законодательстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С. 150-157.
9. Крассов О.И. Земельное право: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 560 с.
10. Рожкова М. А. Идентификаторы: все ли надо относить к объектам интеллектуальной собственности // Хозяйство и право. 2015. № 2 (457). С. 82-86.

References:

1. Soldatova V. I., Romanova O. A. (2020). Lease Agreement in Business Activities: Textbook for Students and Practitioners. Moscow: Prospekt. 208 p.
2. Alekseev V. A. (2022). New in the Legislation on Immovable Things: a Critical Comment. Law. 4. P. 101-112.
3. Omelchenko O. A. (2005). Roman Law: Textbook. Moscow: Eksmo. 224 p.
4. Dozhdev D. V., Nersesyants V. S. (ed). (2023). Roman Private Law: Textbook. Moscow: Norma: INFRA. 784 p.
5. Ayusheeva I. Z., Bogdanova E. E., Bulaevskiy B. A. (ed). (2020). Civil Law: Textbook: in 2 Vol. Vol. 1. Moscow: Prospekt. 440 p.
6. Pokrovski I. A. (2020). The Main Problems of Civil Law. Moscow: Statute. 351 p.
7. Zhavoronkova N. G., Romanova O. A. (ed). (2013). Land Law: Textbook for bachelors. Moscow: Prospekt. 352 p.
8. Alekseev V. A. (2015). The Concept of a Land Plot and its Definition in Russian legislation. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 11. P. 150-157.
9. Krassov O. I. (2023). Land Law: Textbook. Moscow: Norma: INFRA-M. 560 p.
10. Rozhkova M. (2015). Identifiers: Should Everything be Attributed to Intellectual Property Objects. Economy and Law. 2 (457). P. 82-86.

1 (22) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 342.33
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_81

Юрлакова Елена Александровна
elena.yurlakova@yandex.ru
Магистрант Российского государственного
университета правосудия

Научный руководитель:

Ващекин Андрей Николаевич
Профессор кафедры информационного права,
информатики и математики Российского
государственного университета правосудия

Развитие и становление принципа разделения властей как основы конституционного строя Российской Федерации

Юрлакова Е.А./ Развитие и становление принципа разделения властей как основы конституционного строя Российской Федерации// Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 1. С. 81–90.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_81

Аннотация:

В статье показано, как в теоретическом и практическом аспекте один из базовых принципов Конституции Российской Федерации, а именно принцип разделения властей, работает в современном демократическом государстве. Проведен анализ правовой природы принципа разделения властей в Российской Федерации, исследован вопрос зарождения и дальнейшего развития принципа. Также в статье проанализированы подходы к пониманию вопроса об организации принципа разделения властей среди советских и современных российских учёных. Исходя из поставленной темы в качестве исследовательских задач автором были определены следующие направления работы: подготовка характеристики основных исторических этапов становления и развития принципа разделения властей, описание его правовой природы, рассмотрение реализации исследуемого принципа, ознакомление с отдельными ветвями власти и формирование представления о единой, целостной системе государственной власти в Российской Федерации. В статье рассмотрено действие системы «сдержек и противовесов», выявлены особенности способов взаимодействия каждой ветви власти друг с другом и определена роль каждой из них. Приведены, процитированы и изучены примеры решений Конституционного суда Российской Федерации, способствующих практической реализации данного принципа. В завершении исследовательской части научной работы автор делает вывод о том, что принцип разделения властей представляет собой основополагающее начало в организации и функционировании механизма любого современного государства, а степень его воздействия на паритет ветвей власти является своеобразным критерием развития государства. Отмечается, что на сегодняшний день исследуемый принцип является одним из наиболее значимых в процессе осуществления государственной власти.

Ключевые слова:

Конституция Российской Федерации; конституционный строй; ветви власти; демократия; демократическое государство; органы государственной власти; государственная власть.

УДК 342.33
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_81

Elena A. Yurlakova
elena.yurlakova@yandex.ru
Master's Degree Student
Russian State University of Justice (Moscow)

Academic Supervisor:

Andrey N. Vashchekin
Professor of the Department of Information Law,
Informatics and Mathematics
Russian State University of Justice

Development and Formation of the Principle of Separation of Powers as the Basis of the Constitutional Order of the Russian Federation

Elena A. Yurlakova/ Development and formation of the principle of separation of powers as the basis of the constitutional order of the Russian Federation// Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 1. P. 81–90.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_1_81

Abstract:

The article shows how, in theoretical and practical aspects, one of the basic principles of the Constitution of the Russian Federation, namely the principle of separation of powers, works in a modern democratic state. The analysis of the legal nature of the principle of separation of powers in the Russian Federation is carried out, the question of the origin and further development of the principle is investigated. The article also analyzes approaches to understanding the issue of the organization of the principle of separation of powers among Soviet and modern Russian scientists. Based on the topic, the author identified the following areas of work as research tasks: preparation of characteristics of the main historical stages of the formation and development of the separation of powers principle, description of its legal nature, consideration of the implementation of the principle under study, familiarization with individual branches of government and the formation of an idea of a unified, integral system of state power in the Russian Federation. The article examines the operation of the system of «checks and balances», identifies the features of the ways in which each branch of government interacts with each other and defines the role of each of them. Examples of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation contributing to the practical implementation of this principle are given, cited and studied. At the end of the research part of the scientific work, the author concludes that the principle of separation of powers is a fundamental principle in the organization and functioning of the mechanism of any modern state, and the degree of its impact on the parity of the branches of government is a kind of criterion for the development of the state. It is noted that today the principle under study is one of the most significant in the process of exercising state power.

Keywords:

Constitution of the Russian Federation; Constitutional system; Branch; Democracy; Democratic State; Government Departments; Government.

В каждом государстве принцип разделения властей играет важнейшую роль, поскольку затрагивает фундаментальные основы жизнедеятельности общества. Важность рассматриваемого принципа для построения структуры власти выражается в том, что с опорой на него в обществе создается система «сдержек и противовесов», которая способствует установлению определенной компетенции каждой ветви власти, не выделяя при этом из них главенствующую. Принцип разделения властей представляет собой основополагающее начало в организации и функционировании механизма любого современного государства и, безусловно, является неотъемлемой отличительной чертой демократического правового государства, а степень его воздействия на паритет ветвей власти – своеобразным критерием развития государства.

Первые представления о принципе разделения властей и базовые толкования его смысла появились ещё в античные времена, и на протяжении длительного времени, вплоть до настоящего момента, подвергаются многочисленным корректировкам как в содержательном понимании, так и в формах его выражения. Изменения и дополнения варьируются в зависимости от социально-политической обстановки, исторического периода, специфики общественного устройства в каждом конкретном государстве на различных этапах его развития.

Считается, что в трудах древнегреческого философа Аристотеля (IV век до н.э.) можно встретить первые мысли о разделении властей. Свои идеи он изложил в работе под названием «Политика», в которой исследовались вопросы возникновения первых государств, а также их целей и задач [1, с. 38-52]. Философ считал, что если одному человеку предоставят преимущество осуществлять полномочия одновременно с нескольких должностей, то государственная власть будет иметь отрицательную черту, отчего в дальнейшем могут возникнуть проблемы как в обществе, так и в государственном аппарате. Аристотель придерживался мнения, что государственное устройство скомпоновано из трех важных составляющих: верховная власть (законодательный орган), должностные лица и суд [2, с. 580].

В дальнейшем изложенную Аристотелем идею о разделении властей поддержал греческий историк и политический деятель эллинистического периода Полибий, который выразил свои мысли в собственном историческом сочинении «Всеобщая история».

Мысли Аристотеля, его предшественника Платона, его последователя Эпикура и других античных философов о разделении ветвей власти не только породили научную концепцию, но и повлияли на практику судебного процесса той эпохи. Эти представления сохранялись и в Средневековье. Например, они явно просматриваются в Великой хартии Вольностей, английском политико-правовом документе, составленном в июне 1215 г., а также в трудах Фомы Аквинского, преобразовавшего идею Аристотеля о разделении властей в постулат о разграничении сфер светской и духовной власти.

В Новое время Джон Локк стал одним из первых философов своего времени, кто продолжил развивать теорию разделения властей. Мыслитель разделял ветви власти следующим образом: законодательная, исполнительная и федеративная. Он объяснял главное назначение каждой ветви власти таким образом: законодательная власть выступает как господствующая, в связи с чем органы данной ветви власти вправе издавать законы, в то время как исполнительная ветвь власти практически реализовывает их в общественной жизни. Однако господство этой ветви в известной степени ограничено необходимостью соблюдения прав граждан, среди которых основным считается право на собственность. Следует отметить, что судебную власть Локк относил к исполнительной власти, а феде-

ративная ветвь власти, по Локку, отвечала за ведение внешней политики. Локк полагал, что власти неравнозначны, но при этом едины, так как они исходят из законодательной ветви и подчиняются ей [3, с. 484].

Стремительное развитие концепции разделения властей пришлось на эпоху французского Просвещения. Одним из ярких представителей этого периода является писатель, правовед и философ Шарль Луи Монтескье. Свои взгляды на тему разделения властей он выразил в известном трактате по политической философии «О духе законов». В данной работе мыслитель рассмотрел теорию разделения властей наиболее систематизировано и детально. Целью разделения властей, по его мнению, является гарантированность безопасности граждан от беззакония и злоупотребления властей. За счет этого обеспечивается свобода человека в различных сферах жизнедеятельности общества. Суть слова «свобода» Монтескье понимал как право делать всё то, что дозволено и не запрещено законами, в связи с чем достигнуть её возможно только в том государстве, где право будет регулировать все отношения. Монтескье выделил триаду властей, впоследствии ставшую классической – законодательную, исполнительную и судебную. Развивая мысли Аристотеля, он придерживается мнения, что одному органу государства нельзя удерживать в браздах правления объединение двух или трех ветвей власти, поскольку в этом случае в государстве создаются условия для злоупотреблений, ведущих в конечном счете к бесконтрольному произволу.

Монтескье указывал, что органы власти не должны превышать свои полномочия, и чтобы избежать злоупотребления властью, следует создать систему, в которой ветви власти имели бы компетенцию на сдерживание друг друга. В качестве примера приводилось следующее соотношение: законодательная ветвь (Парламент) обязана определить предмет деятельности исполнительной и при этом контролировать её в определенных пределах. В свою очередь, исполнительная ветвь наделяется правом приостанавливать законы, которые были приняты Парламентом, а также определять время и сроки заседаний в рамках закона. В приведенной схеме можно увидеть, как проводится точное разграничение преимуществ законодательной и исполнительной ветвей власти, при том, что органы судебной власти не обладают независимой политической силой [4, с. 142]. Общеизвестно, что концепция Монтескье сыграла важную роль в последующем формировании концепции разделения ветвей власти на практике.

Помимо развития теории разделения ветвей власти, Монтескье разработал над конструкцией «системы взаимного сдерживания», без которой их разграничение было бы неэффективным. Философ аргументировал свою позицию следующим образом: «Необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» [5, с. 289]. Монтескье выделял особенности ветвей власти следующим образом: для первой ветви характерно, что законодательные органы создают временные или постоянные законы, а также отменяют или вносят изменения в уже существующие законы. Органы власти второй ветви уполномочены объявлять войну или заключать мирные соглашения, обеспечивать безопасность и предотвращать нашествия. Специально уполномоченные органы третьей ветви власти разрешают конфликты, образовавшиеся между частными лицами, и наказывают правонарушителей.

Более того, Монтескье охарактеризовал идею принципа «взаимного сдерживания» таким образом: законодательная и исполнительная ветви власти взаимно сдерживают друг друга, в то время как судебная ветвь является регулятором, поскольку удерживает две другие ветви власти от нарушения законов и принципов права. На практике реализация этой схемы должна выглядеть так: законодательный орган (Парламент) контролирует исполнение законов органами

исполнительной ветви власти, а в случае нарушения законов – может привлечь к ответственности министров. В свою очередь, на исполнительно-распорядительные органы (в первую очередь, в лице монарха) возлагаются определенные полномочия для действий в отношении Парламента – утверждать регламент его работы, в установленных законодательством случаях накладывать вето на его решения, а вдобавок к перечисленному при наличии серьезных на то причин вообще распустить орган законодательной власти [5, с. 294-295].

Представляет интерес иная позиция на рассматриваемую проблематику. Французский энциклопедист Ж.Ж. Руссо проанализировал идеи Монтескье и в своих трудах раскритиковал ряд умозаключений своего предшественника. В своих научных работах Руссо особое внимание уделял проблеме государственной власти. Философ следовал идее о неправомочности власти, которая в тот период политической жизни во Франции прямо игнорировала жизненные интересы народа. Руссо оправдывал право граждан на революционную смену власти, выступающей против народа. Помимо этого, представление Руссо о судебной ветви власти также существенно отличалось от позиции Монтескье, который видел в судебной власти некий механизм по сдерживанию законодательной и исполнительной власти от взаимного вмешательства. Руссо, наоборот, наиболее глубоко видел связь в их взаимодействии, к тому же подробно исследовал существенные особенности, присущие именно судебной ветви власти. Важно отметить, что именно Руссо оказался одним из первых исследователей, который определил главное функциональное значение суда, выраженное в обеспечении гарантии неприкосновенности свободы человека.

Таким образом, несхожесть взглядов Руссо на происхождение государства по сравнению с Локком и Монтескье привели его к разработке основ теории разделения властей в современном государстве. Для нас, тем не менее, важно, что труды упомянутых философов в совокупности составляют фундамент классической концепции разделения ветвей власти.

В Новое время принцип разделения власти стал внедряться в конституционную практику в качестве основного принципа организации государства. Ярким примером может послужить Декларация прав человека и гражданина, которая была принята Национальным собранием Франции 26 августа 1789 г., поскольку в данном документе, а именно в статье 16, зафиксировано, что общество не может иметь Конституцию своего государства, если при этом не обеспечено пользование правами и отсутствует система разделения ветвей власти. Таким образом, идея разделения ветвей власти стала гарантией конституционного строя в государстве.

Исследуемая на протяжении многих веков доктрина разделения властей в период конца XIX - начала XX вв. заинтересовала своей новизной и дискуссионным характером многих вопросов ученых российского государства. Взгляды на теорию принципа разделения ветвей власти можно встретить в трудах таких юристов как Ф.Ф. Кокошкин, В. М. Гессен, Н. М. Коркунов и др. В отечественной дореволюционной юриспруденции наличествовало большое разнообразие во взглядах и позициях относительно понимания правовой природы «третьей» ветви власти, при этом многие русские ученые высказывали утверждения о самостоятельности и независимости судебной власти от остальных двух. Тем не менее, несмотря на научное развитие, идея о разделении ветвей власти в России в течение длительного времени не отражалась в источниках законодательного уровня из-за государственного строя – абсолютной монархии.

По прошествии событий октября 1917 г. был объявлен, а затем и воплощен в жизнь кардинально новый принцип организации государственной власти для

данного периода времени – всевластие Советов, для которого было характерно единство и высшее положение законодательных органов (какими Советы и являлись). В Союзе ССР, а со второй половины XX в и в странах Восточной Европы, руководствовались положением о том, что народная власть едина и неделима. «Работающие корпорации», в качестве которых рассматривались Советы, объединяли законодательные, исполнительные и контрольные функции, в связи с чем, при данном политическом строе принцип разделения властей фактически не применялся; скорее, в рамках единой государственной власти происходило своеобразное рациональное «разделение труда». Комплекс взглядов исследуемого принципа рассматривался скорее как наследие буржуазного государства, которое в то время для советской страны считалось неприемлемым [6, с. 125].

Одним из важнейших этапов в развитии принципа разделения властей стали проводившиеся во второй половине 1980-х гг. в Советском Союзе реформы системы государственных органов, которые явились частью перестройки всех сфер жизни общества и государства. Проводимые в аппарате государственного управления преобразования побудили многих учёных-правоведов переосмыслить принцип разделения властей. Так, М.В. Баглай в 1989 г. в своей работе «Правовое государство: от идеи к практике» положительно оценивал предложения о целесообразности введения принципа разделения законодательной, исполнительной и судебной властей как определенной гарантии от непомерной концентрации власти в одних руках, как средства стабилизации политической системы и предотвращения злоупотребления властью, хотя и оговаривал, что принцип этот «сам по себе» далеко не всегда срабатывал в пользу демократии [7, с. 58-63]. Как следствие, 12 июня 1990 г. Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, в которой помимо признания государственного суверенитета РСФСР на всей её территории также было закреплено положение о признании деления властей на три ветви, как принцип функционирования РСФСР в качестве правового государства.

На сегодняшний день в Российской Федерации система государственного аппарата представляет собой сложный взаимосвязанный механизм, в котором все элементы оказывают содействие друг другу и в соответствующих случаях сотрудничают при исполнении своих полномочий. Конституция Российской Федерации закрепляет базис данного процесса в статье 10: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны»¹. Как следствие, принцип разделения властей выступает фундаментом конституционного строя Российской Федерации.

Вместе с тем, Конституция Российской Федерации в части 1 статьи 11 отдельно закрепляет перечень субъектов, которые наделяются властными полномочиями и реализуют государственную власть на всей территории Российской Федерации. К ним относятся: Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (парламент состоит из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации, а в субъектах Российской Федерации государственную власть осуществляют образуемые ими органы государственной власти. Это важно учитывать, поскольку на данной основе формируется работа всего государственного аппарата.

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.10.2022).

Существенной частью принципа разделения властей, который официально закреплен в Конституции Российской Федерации, является действие системы «сдержек и противовесов», которая предполагает применение мер по взаимному контролю ветвей власти и предоставление им полномочий по взаимодействию и сотрудничеству для достижения совместной цели. Однако, всем органам любых ветвей власти запрещается вмешательство в компетенцию другой ветви, а в дополнение к указанному, считается незаконным подчинять какой-либо орган одной ветви органу другой. Равенство должностных лиц государственной власти и основные полномочия фиксируются в актах правотворчества, имеющих высшую юридическую силу.

В научной литературе отмечается, что система сдержек и противовесов обеспечивает на федеральном уровне баланс власти между законодательной и исполнительной ветвями, в то время как органы судебной власти контролируют её законность и эффективность [8]. Разделение компетенций, носящих властный характер, и функций ветвей власти способствует сохранению единства государственной власти, под которой необходимо понимать единство стратегических целей и направлений деятельности всех органов государственной власти [9, с. 63]. Общеизвестно, что равенство государственной власти определяется прежде всего многонациональным народом Российской Федерации, который является единым и единственным источником власти.

Предполагается, что единство ветвей власти позволяет в лице соответствующих должностных органов эффективно и согласованно осуществлять управление обществом. Поэтому на основе основополагающей идеи уравнивания органов власти и, вместе с тем, установлении общих начал взаимного содействия данных органов любое демократическое государство нормативно закрепляет в качестве одной из главных задач разграничение компетенции органов государственной власти всех уровней. Впрочем, полностью отделить друг от друга ветви власти не представляется возможным. Государственный аппарат всех ветвей власти выполняет законодательно возложенные на него обязанности во всех отраслях и направлениях; властные органы дополняют друг друга, согласовывают и координируют свои действия.

Стоит отметить, что на протяжении последних 30 лет в России относительная новизна и дискуссионный характер рассматриваемой проблемы оказали заметное влияние на появление разнообразных теорий, в которых раскрывались правовые позиции мыслителей по поводу правовой природы принципа разделения властей и его реализации на практике. Помимо этого, в научных работах рассматривалось влияние исследуемого принципа на государство и его устройство.

Например, Г.М. Казиевой отмечается, что принцип разделения властей является отправной точкой в понимании сущности государственной власти. Законодательное регулирование, исполнение и контроль – в этом заключается функциональный подход к реализации государственной власти. В практическом плане это означает самостоятельность каждого из высших органов власти, степень которой зависит от формально-юридического и фактического размежевания функциональной и предметной компетенции [10, с. 16].

К.В. Арановский указывает, что одной из основных гарантий государства демократического типа является разделение властей между органами власти [11, с. 16-21]. Наряду с этим, С.А. Авакьян рассматривает значение исследуемого принципа по критерию функционального разделения властных полномочий по горизонтали и по вертикали. В первом случае ветви власти подразделяются на законодательную, исполнительную и судебную. Во втором – система государственных органов подразделяется по уровням. Суть принципа разделения

властей выражается в следующем: на органы каждой ветви власти возложили полномочия, которые соответствуют их профессиональной сфере деятельности, им запрещено исполнять полномочия друг за друга, эти ветви являются самостоятельными и независимыми, при этом органы власти наделяются правом воспользоваться соответствующими средствами, чтобы в предусмотренных законами случаях воздействовать друг на друга [12, с. 702].

Важно заметить, что принцип разделения власти носит универсальный характер, и это подтверждается тем, что действие рассматриваемого принципа находит свое отражение на всех уровнях реализации государственной власти, более того, во всех сферах общественной жизни, затрагивая политическую и экономическую составляющие [13, с. 51-59]. Применение данного принципа при выполнении полномочий в области государственной власти имеет важное практическое значение для граждан, поскольку защищает последних от самовластия государственных органов, а также гарантирует эффективную систему, связанную с обеспечением функционирования органов государственной власти.

Представляется, что правовая природа принципа разделения ветвей власти состоит в следующем: исследуемый принцип включает в себя разделение ветвей власти, органы которых выполняют предусмотренные законодательством для каждой ветви власти полномочия и безосновательно не вмешиваются в работу других ветвей, однако в соответствующих случаях уполномочены выполнять контрольную функцию.

Положения Конституции Российской Федерации закрепляют за Федеральным Собранием Российской Федерации статус представительного и законодательного органа, при этом состоящего из нижней палаты – Государственной Думы, и верхней палаты – Совета Федерации. Высший законодательный орган уполномочен заниматься делами, которые напрямую связаны с законами и государственным бюджетом. Помимо этого, этот орган обязан производить парламентский контроль за органами исполнительной власти. В субъектах Российской Федерации функционируют законодательные собрания регионального уровня, городские думы и иные местные парламенты. В общих чертах органы законодательной власти наделены следующими основными полномочиями: принятие, изменение и отмена законов; утверждение бюджета; определение налоговой политики; формирование и упразднение государственных органов и контроль за деятельностью органов исполнительной власти.

С учетом вступивших недавно поправок в Конституцию Российской Федерации, полномочия исполнительной власти на федеральном уровне осуществляет Правительство Российской Федерации, но под общим руководством Президента Российской Федерации. Правительство состоит из руководителей министерств, государственных комитетов и ведомств. Правительство реализует исполнение законов и осуществляет управление собственностью федерального уровня. К исполнительной ветви власти на уровне субъектов Федерации относятся Правительства и Министерства на уровне местного самоуправления, мэрии и их департаменты, а также главы регионов. В Федеральном конституционном законе от 06.11.2020 №4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» прописаны основные полномочия для действий по обеспечению внутренней и внешней политики государства.

Судебная власть в Российской Федерации состоит из Конституционного суда, Верховного суда и иных федеральных судов, равно как и судов субъектов Российской Федерации. Перечисленные суды реализуют судопроизводство в таких областях, как уголовное, гражданское, административное, конституционное право и так далее. Общеизвестно, что осуществление правосудия является главной

функцией судебной власти.

Таким образом, осуществление основополагающей идеи разделения властей подразумевает реализацию равенства компетенции среди всех ветвей власти и уровней государственной власти, которая обеспечивает их паритет при взаимном сотрудничестве и объединенном подходе. Исследуемый принцип обеспечивает осуществление власти через систему органов ветвей власти и представляет собой базис для полноценной работоспособности государственного аппарата, который организует согласованное содействие высших органов каждой ветви власти друг с другом. Применение этого принципа на практике может быть охарактеризовано положительно, поскольку таким образом поддерживаются конституционные отношения и уменьшается количество возможных разногласий по различным вопросам, которые потенциально могут появляться между органами ветвей власти при реализации ими своих полномочий.

В современных условиях принцип разделения властей имеет приоритетное значение для развития государства, поскольку одним из главных следствий его применения является предотвращение возвышения какой-либо ветви власти над остальными, утверждения диктаторского режима в обществе. Система «система сдержек и противовесов» направлена на поддержание независимости друг от друга каждой ветви власти, на исключение присвоения власти единоличным правителем, а также на избежание возможных управленческих ошибок. В связи с этим в системе государственной власти предусмотрено свое место для каждой из ветвей, поскольку властные органы выполняют только те задачи и функции, которые предусмотрены законодательством страны. Благодаря функционированию подобной системы, состоящей в разграничении сферы деятельности ветвей власти, достигается улучшение работы всей государственной структуры и, как следствие, повышается эффективность всего механизма управления в целом.

Анализ Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 1 февраля 1996 г. №3-П и от 29 мая 1998 г. №16-П показывает, что на практике могут возникать противоречия между органами ветвей власти.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 февраля 1996 г. №3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава - Основного Закона Читинской области» принято по делу, в котором орган местного самоуправления оспаривал некоторые положения Устава – Основного Закона Читинской области, связанные с формированием органов государственной власти области, разграничением их компетенций и порядка взаимодействия друг с другом. Заявитель полагал, что в нормах закона была нарушена система организации органов публичной власти, что в свою очередь противоречило основам конституционного строя и принципу разделения властей. В итоге Конституционный Суд постановил признать ряд оспариваемых положений Устава Читинской области противоречащими нормам Конституции Российской Федерации, так как содержание обжалованных статей закона действительно не соответствовало смыслу принципу разделения властей².

Суть спора, отраженного в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 1998 г. №16-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 28 Закона Республики Коми «О государственной службе Республики Коми», состояла в том, что заявитель-Государственная Дума оспаривал

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.1996 N 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава - Основного Закона Читинской области»/ www.consultant.ru/URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23007/ca1820d99f2c758e82d835816b28c0a34417dc33/ (дата обращения: 16.01.2023)

конституционность части 4 статьи 28 Закона Республики Коми «О государственной службе Республики Коми», так как положения данной нормы противоречили закрепленному в статье 10 Конституции Российской Федерации принципу разделения властей, исключающему возможность одновременного участия одного и того же гражданина (граждан) в деятельности органов различных ветвей государственной власти. В итоге Конституционный Суд Российской Федерации обнаружил противоречивость обжалуемой нормы, обосновал свой вывод ссылками на статьи Конституции Российской Федерации и постановил признать оспариваемую часть статьи Закона Республики Коми «О государственной службе Республики Коми» не соответствующей Конституции Российской Федерации, а именно ее статьям 10, 72 (пункт «н»), 76 (часть 5) и 77 (часть 1), а также поручил органам законодательной и исполнительной власти Республики Коми принять оперативные меры к прекращению совмещения государственной службы с осуществлением депутатских полномочий³.

Приведенные примеры являются показательными, так как, и в первом, и во втором Постановлении, заявители отмечают, что определенные нормы закона противоречат основам конституционного строя, в том числе принципам разделения властей и самостоятельности органов государственной власти. При нарушении принципа разделения властей Конституционным Судом Российской Федерации оперативно разрешаются возникшие противоречия.

В заключение отметим, что принцип разделения властей прошёл достаточно долгий исторический путь осмысления и развития, многократно подвергался критике, и в результате длительных научных дискуссий модифицировался. Среди сложившихся политических учений наличествует немалое количество вариаций концепции разделения ветвей власти. Объясняется это тем, что концепция разделения ветвей власти сложна, в некоторых моментах противоречива и к тому же имеет достаточно объемную теоретическую и практическую значимость.

Применение исследуемого принципа позволяет сбалансировано распределять властные полномочия между различными органами государственной власти для того, чтобы препятствовать концентрации полномочий в деятельности единого государственного органа. Независимые между собой ветви власти вправе сдерживать друг друга и осуществлять друг за другом контроль, препятствуя несоблюдению норм Конституции РФ и законов, что способствует созданию «системы сдержек и противовесов».

На основании изложенного можно сделать вывод, что идея разделения ветвей власти, зародившаяся уже в античные времена, усилиями передовых мыслителей на протяжении долгих столетий трансформировалась в принцип, степень воздействия которого на паритет ветвей власти служит своеобразным критерием развития государства.

Библиографический список:

1. *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. *Аристотель*. Политика. Мыслители Греции. От мифа к логике: Сочинения / сост., вступ. ст. и комм. В. Шкоды. – Харьков: Фолио, 1999. 829 с.

References:

1. *Aristotle, Dovatur A. I.* (ed.) (1983). Works. Moscow: Mysl'. 830 p.
  2. *Aristotle.* (1999). Politics. Kharkov. The Greeks: From Myth to Reason. Kharkiv: Folio. 829 p.
  3. *Locke J.* (1690). Two Treatises of Government. Anthology of Fragments of Classical Texts of
- 3 Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.1998 N 16-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 28 Закона Республики Коми «О государственной службе Республики Коми»/ www.consultant.ru/URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23205/(дата обращения: 16.01.2023)

3. Локк Дж. Два трактата о правлении (1690). Антология фрагментов классических текстов западноевропейской философии. / пер. с англ. Е. С. Лагутина и Ю. В. Семенова. – М.: Социум, 2014. 484 с.
4. *Монтескье Ш. Л.* О духе законов. / сост., пер. и коммент. примеч. авт. А. В. Матешук. – М.: Мысль, 1999. 674 с.
5. *Монтескье Ш. Л.* Избранные произведения. / общая ред. и вступ. статья проф. М. П. Баскина. – М.: Госполитиздат, 1955. 800 с.
6. *Алешкова И. А., Дудко И. А., Марокко Н. А.* Конституционные основы судебной власти. – М.: РГУП, 2015. 379 с.
7. *Сарсенов К. М.* Принцип разделения властей в истории политико-правовой мысли России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 3(31). С. 58-63.
8. *Акимов В.С., Аливердиева М.А., Амелин Р.В., Антопольский А.А., Арлашов А.Н., Башелханов И.В., Булгакова Е.В., Бурмистрова Е.С., Васильченко Ю.Л., Ващекин А.Н., Ващекина И.В., Грищенко Г.А., Денисов И.С., Жарова А.К., Зубарева Е.В., Иванус А.И., Камалова Г.Г., Лапина М.А., Лепехин А.Н., Ловцов Д.А.* Стратегия национального развития и задачи юридической науки: коллективная монография по результатам IX Международной научно-практической конференции / под общей редакцией Ю.Л. Васильченко, И.М. Рассолова, С.Г. Чубуковой. – М.: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2016. 303 с.
9. *Скуратов Ю. И.* Разделение властей или распределение функций. Разделение властей и парламентаризм. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1992. С. 60-73.
10. *Казиева Г.М.* Конституционно-правовые основы государственного управления на федеральном (центральном) и региональном (местном) уровнях в Российской Федерации и Республике Казахстан: сопоставительный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Ин-т государства и права РАН, 2009. 24 с.
11. *Арановский К.В.* Разделение властей как условие конституционной демократии // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 6. С. 16-22.
12. *Авакьян С.А., Агапов Д.С., Акуев Н.И. и др.* Конституционное право и политика // Сборник материалов Международной научной конференции Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 28-30 марта 2012 г. / отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юрист, 2012. 720 с.
13. *Ващекина И. В., Ващекин А. Н.* Информационный обмен между уровнями иерархий в банковских, промышленных и торговых системах // Научное обозрение. Экономические науки. 2017. № 3. С. 51-59.
- Western European Philosophy. Moscow: Sotium. 484 p.
4. *Montesquieu C.L.* (1999). About the Spirit of Laws. Moscow: Mysl'. 674 p.
5. *Montesquieu C.L.* (1955). Selected Works. Moscow: Gospolitizdat. 800 p.
6. *Aleshkova I. A., Dudko I. A., Marokko N. A.* (2015). Constitutional Foundations of the Judiciary. Moscow: RGUP. 379 p.
7. *Sarsenov. K. M.* (2006). The Principle of Separation of Powers in the History of Political and Legal Thought in Russia. Bulletin of the St. Petersburg University of MIA of Russia. 3 (31). P. 58-63.
8. *Akimov V. S., Aliverdieva M. A., Amelin R. V., Antopolskij A. A., Arlashov A. N., Bashelhanov I. V., Bulgakova E. V., Burmistrova E. S., Vasilchenko Yu. L., Vashchekin A. N., Vashchekina I. V., Grishchenko G. A., Denisov I. S., Zharova A. K., Zubareva E. V., Ivanus A. I., Kamalova G. G., Lapina M. A., Lepekhin A. N., Lovcov D. A.* (2016). National Development Strategy and Tasks of Legal Science. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics. 303 p.
9. *Skuratov Yu. I.* (1992). Separation of Powers or Distribution of Functions. Separation of Powers and Parliamentarism. Moscow: The Institute of State and Law (ISL) of the Russian Academy of Sciences (RAS). P. 60-73.
10. *Kazieva G. M.* (2009). Constitutional and Legal Foundations of Public Administration at the Federal (Central) and Regional (Local) Levels in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: a Comparative Analysis: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. Moscow: The Institute of State and Law (ISL) of the Russian Academy of Sciences (RAS). 24 p.
11. *Aranovskij K. V.* (2012). Separation of Powers as a Condition for Constitutional Democracy. Journal of Constitutional Justice. 6. P. 16-22.
12. *Avakyan S. A., Agapov D. S., Akuev N. I. et al.* (2012). Constitutional Law and Politics. Collection of Materials of the International Scientific Conference Faculty of Law of Moscow State University. 702 p.
13. *Vashchekina I. V., Vashchekin A. N.* (2017). Information Exchange Between Levels of Hierarchies in Banking, Industrial and Trade Systems. Scientific Review. Economic Sciences. 3. P. 51-59.